

Родная ДАДОГА

№ 3(9)' 2009

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

издается ежеквартально
при участии:

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России;
Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга;
ЗАО «Утро»

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Зам. главного редактора
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Шеф-редактор
электронной версии журнала
Николай СТАНКЕВИЧ

*Зарегистрировано УФС
по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране культурного
наследия по Северо-Западному
Федеральному округу ПИ № ФС-2-8531*

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Валерий ГАНИЧЕВ

**«И грянул бой,
полтавский бой!»**

*К 300-летию
Полтавской битвы*

Наталья НАРОЧНИЦКАЯ

**К великой нации
через поле Куликово**

Вячеслав НИКОНОВ

Наша стратегия

Священник

Владимир ЧУГУНОВ

Пасхальное дыхание вечности

Леонид ИВАШОВ

Зона ответственности

*В память 10-летия
натовских бомбардировок
Сербии*

Николай БУРЛЯЕВ

Распятое Косово

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Архиепископ Курганский и Шадринский КОНСТАНТИН (Горянов).

АГАФОНОВ Николай, протоиерей (Самара) — член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГРОМОВ Александр Витальевич (Самара) — председатель Самарской писательской организации, гл. редактор журнала «Русское эхо».

ДЕНИСОВ Николай Васильевич (Тюмень) — председатель Тюменской областной писательской организации, гл. редактор газеты «Тюмень литературная».

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — главный редактор газеты «Российский писатель», секретарь правления СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КАЗИН Александр Леонидович (Санкт-Петербург) — доктор философских наук, профессор, член Союза писателей России.

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КОНЯЕВ Николай Михайлович (Санкт-Петербург) — секретарь правления СП России, главный редактор журнала «Аврора».

КОРОЛЬКОВ Александр Аркадьевич (Санкт-Петербург) — доктор философских наук, профессор, академик РАО, член Союза писателей России.

КОРЫТИН Сергей Николаевич (Санкт-Петербург) — генеральный директор ЗАО «Утро».

КРАМАРЕВ Аркадий Григорьевич (Санкт-Петербург) — депутат Законодательного Собрания СПб, председатель постоянной комиссии по вопросам правопорядка и законности ЗАКСа Санкт-Петербурга, генерал-майор милиции.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — секретарь правления СП России, гл. редактор журнала «Благодатный огонь».

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат литературной премии Александра Солженицына, зав. отд. поэзии журнала «Новый мир».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь правления СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

ОРЛОВ Борис Александрович (Санкт-Петербург) — председатель Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, член правления СП России.

ПОПОВ Геннадий Андреевич (Орел) — сопредседатель правления СП России, руководитель Орловской писательской организации.

СДОБНЯКОВ Валерий Викторович (Нижний Новгород) — гл. редактор журнала «Вертикаль. XXI век», член СП России.

СЕМЁНОВ Валентин Евгеньевич (Санкт-Петербург) — директор НИИ социологических исследований СПбГУ, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки России.

СМОЛЬКИН Игорь Александрович (Псков) — председатель Псковской писательской организации.

ШВЕЧИКОВ Алексей Николаевич (Санкт-Петербург) — директор Межвузовского центра по религиоведению, кандидат философских наук.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЧИ

«Сим ополчением победим». XIII Всемирный Русский Народный Собор. Москва, 21–23 мая 2009 года.....	5
--	---

ЛИТЕРАТУРНОЕ

Владимир Крупин. С высоты седин. Выступление на XIII Всемирном Русском Народном Соборе.....	11
Сергей Перевезенцев. Вечный выбор. Мысли о кризисе	56

ПОЭЗИЯ

Любовь Берзина.....	16
Юрий Шестаков	47
Николай Зиновьев	61
Виктор Веселов.....	81
Николай Петров	138
Елена Пиетиляйнен.....	151
Галина Колесникова	154
Елена Шаляпина	197

История и современность

Валерий Ганичев. «И грянул бой, полтавский бой!» К 300-летию Полтавской битвы.....	20
Наталия Нарочницкая. К великой нации через поле Куликово	41
Марат Каландаров. В прятки со смертью	141
Ольга Авдеева-Мокрак. Нервущаяся нить времени.....	210

ДОСЛЕХИ

Кавад Раш. Крестовые братья	31
-----------------------------------	----

Леонид Ивашов. Зона ответственности. <i>В память 10-летия натовских бомбардировок Сербии</i>	65
---	----

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Вячеслав Никонов. Наша стратегия	51
---	----

Славянское БРАТСТВО

Николай Бурляев. Распятое Косово	74
---	----

НАСЛЕДИЕ

Протоиерей Борис Николаевский. Духовные беседы	84
---	----

ПРОЗА

Священник Владимир Чугунов. Пасхальное дыхание вечности.....	90
Игорь Смирнов. Уроки Закона Божия.....	146

Великая ПРОВИНЦИЯ

Анатолий Грешневиков. «По следам миновавших времен...»	117
---	-----

Критика, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Валентина Ефимовская. Ушедшие «к жизни родной...» <i>О новой повести Николая Дорошенко «Ушедшие»</i>	156
Валентин Свинников. <i>О великом и вечном. Размышления над книгой Ильи Глазунова «Россия распятая»</i>	177
Анна Ретеюм. «Будет русское солнце сиять»	186

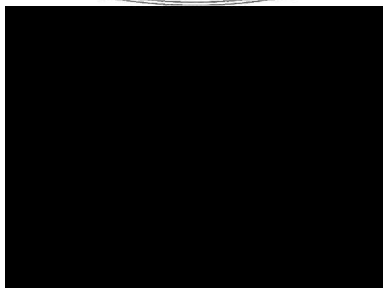
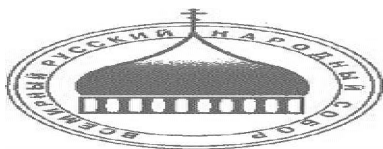
ИСКУССТВО

Екатерина Скоробогачева. Почерк Древней Руси. <i>Образы Русского Севера в жизни и творчестве Васнецовых</i>	164
--	-----

Русский ПАЛОМНИК

Николай Пересторонин. Ганина Яма.....	200
--	-----

«СИМ ОПОЛЧЕНИЕМ ПОБЕДИМ»

*XIII Всемирный
Русский Народный Собор.
Москва,
21–23 мая 2009 года*

В Год молодежи, в Москве, 21–23 мая состоялся XIII Всемирный Русский Народный Собор, проходивший с воззванием — «Будущие поколения — национальное достояние России». В поисках правды, ответов на жгучие вопросы жизни молодые люди обращаются туда, где чувствуют заинтересованность в себе, где ощущают присутствие истины и духовной подлинности. Вот почему так важно предложить молодым целостный мировоззренческий инструмент, с помощью которого они могли бы разобраться в окружающей действительности. В отечественной духовной культуре это всегда были Божии заповеди.

Величественное, златоглавое здание храма Христа Спасителя, возвышающееся над Москвой, является символом православного возрождения России. Но Церковь — не только внешняя, но сакральная внутренняя духовная структура, это чаша, из которой струятся в мир радость и воскресение, песнь во славу Божию. В единстве и соборности Церковь может способствовать освобождению, возрождению общества, его участию в восприятии тысячелетиями хранимой веры; в совокупности личного измерения и авторитета служения происходит созидание народа Божиего. Русский народ на протяжении своей истории стремился к этой естественной для него целостности, всегда подвергавшейся вражьи нападениям, которые стали катастрофическими в последнее время. Мы являемся свидетелями уничтожения остатков нравственности, особенно в молодежной среде, искусственного насаждения разврата и пьянства, насильственного отдаления народа от Бога и Его заповедей. Сегодня много говорится о необходимом и незамедлительном преображении духа русского человека. Но, очевидно, что это преобразование может произойти лишь вместе с преобразованием всей потенциальной православной основы современной России, заключающейся в исповедании Евангелия и Христовой жертвы, что может осуществиться только в Церкви и с ее помощью.

Поэтому такая важнейшая современная организаций, как Всемирный Русский Народный

Открытие Собора

Собор, в тринадцатый раз собиралась в храме Христа Спасителя под предводительством иерархов Русской Православной Церкви. Да и как без ее опыта духовного делания и борьбы с жесточайшими испытаниями можно решать проблемы, пожалуй, впервые так конкретно и в таком объеме поставленные Народным Собором. Заявленные в названии основные направления на самом деле охватывают всю современную жизнь общества: «Экология души и молодежь. Духовно-нравственные причины кризисов и пути их преодоления». Здесь цели, здесь вытекающие из них задачи, стоящие сегодня перед русским народом, отказавшимся в свое время от подлинно духовной православной жизни и сегодня расплачивающимся нравственной деградацией своих детей. То, что подходить к рассмотрению этих задач и поиску путей их решения нужно всем миром, подтвердило торжественное открытие Народного Собора, состоявшееся 22 мая в зале Церковных Соборов храма Христа Спасителя после патриаршей службы, в светлый праздничный день прославления Николая Мирликийского, Чудотворца, любимого русского святого.

На заседании присутствовали и выступали представители различных социально-политических систем, национальностей, многих областей общественной жизни: министры, депутаты, политики, деятели культуры и искусства. В приветствии Президента России Д. А. Медведева участникам и гостям Собора звучала забота «о духовно-нравственном состоянии подрастающего поколения», о семейных ценностях и здоровом образе жизни. Слово Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, возглавлявшего работу Собора, как всегда яркое, об-

разное, запоминающееся, большей частью было посвящено духовному возрождению молодежи, самому главному национальному достоянию России. Только духовным зрением можно увидеть и оценить истинные причины и экологических катастроф, и многоплановых кризисов. «Но что может очистить душу, что может приблизить ее к совершенству? — говорил Патриарх. — Есть только одно исцеление для человеческих душ — и многие из нас знают, как оно совершалось даже в жизни людей тяжко заблудившихся. Воры становились честными людьми, разбойники — законопослушными гражданами; люди, страдавшие от пьянства, освобождались от своего порока; блудники становились верными и заботливыми отцами семейств. Это исцеление приносилось в их жизнь покаянием, верой и силой благодати Божией».

На Божию помощь в очищении человеческих душ, замутненных пристрастием к алкоголю, уповали выступающие по животрепещущему вопросу о тотальной алкогольной и наркотической зависимости молодого поколения. В выступлениях главного врача Г. Г. Онищенко и архимандрита Тихона (Шевкунова) прозвучали не только удручающие статистические данные, свидетельствующие о крайней степени проблемы, но и излагались основные принципы и методы, которые должны быть поставлены во главу угла борьбы с алкоголизацией и криминализацией молодежи. Среди них предъявление особых требований к СМИ и всей творческой интеллигенции по внедрению аргументированного и безальтернативного развенчания психологических установок, романтизирующих и эстетизирующих алкоголизм и наркоманию.

Обращение в каждом выступлении к православной вере, к ее заповедям, позволяло сформировать структурно-целостный подход к реальности, когда каждый жизненный вопрос рассматривается не по отдельности, но в духовно-нравственной связи со всеми остальными. Эта целостность и взаимосвязь всех проблем особенно ярко представала в выступлениях деятелей культуры. Председатель Союза кинематографистов Н. С. Михалков говорил с собравшимися, заполнившими до отказа огромный зал конгрессов, среди которых было много молодежи, студентов, кадетов, школьников, с присущей ему болью сердца, страждущего от того, что новое поколение теряет национальную идентификацию, которая в первую очередь определяется Православием. Особо запоминающимися были выступления русских писателей, от имени которых к молодежи обратился известный прозаик В. Н. Крупин, выступление его 17 раз прерывалось аплодисментами. Председатель Союза писателей России, автор духовно-исторических произведений, бессменный заместитель главы всех тринадцати Соборов В. Н. Ганичев, сделав обзор важнейших достижений предыдущих Соборов, отметил, что социальные и кризисные проблемы современной России не могут быть решены в отрыве от духовного совершенствования нации, в котором велика и от-

ветственна роль писателя: «Как нередко не хватает такой духовной, нравственной ответственности людям творчества, которую писатели и люди культуры, граждане всех видов деятельности должны нести перед народом».

Тема значимости творчества современного русского писателя в духовно-нравственном возрождении нации, особенно молодежи, была продолжена в дальнейшем на пленарных заседаниях, состоявшихся в здании Союза писателей России. Кроме писателей к обсуждению многих насущных проблем подключились экономисты, издатели, ветераны.

Разговор был откровенный, жесткий, непримиримый к полумерам и послаблениям в деле духовного возрождения. Иначе и нельзя, когда сатанинские силы тайно протаскивают через российские законодательные органы свои, так называемые «гуманистические» проекты, предполагающие растление молодежи путем обязательного, законодательно закрепленного, сексуального воспитания с начальных классов общеобразовательной школы, изъятия из школьного курса гуманитарных наук, в первую очередь литературы, преподавания русского языка по западным методикам, расширения прав сексуальных меньшинств и т.п. Возможность присоединения России к общеевропейской Ювенальной хартии, как было отмечено членами редакции журнала «София», уже обсуждается на уровне законодательных органов без учета общественного мнения. Союз писателей России принял особое обращение к властям по поводу протаскивания этих, так называемых «гуманистических», а на самом деле сатанинских принципов, несовместимых с задачами духовно-нравственного воспитания российской молодежи.

С особой болью, трагическую ноту которой задал выступавший сын маршала Захарова, зашел разговор о памяти Великой Отечественной войны. Хоть и грядет уже дата 65-летия со дня ее окончания, но в нравственном измерении война не окончилась. Мало того, что не похоронен последний солдат, отсутствует память подвига тысяч русских деревень, со всеми жителями стертых с лица земли фашистскими карателями. Не подсчитаны эти народные потери, не отданы почести той страшной трагедии, которая ни в какое сравнение не идет с подобными, так широко известными, европейскими — во Франции, Чехии, Польше. Союз писателей России утвердил литературный проект по возвращению в русскую историю имен и героических подвигов сожженных деревень, подготовил на эту тему особое обращение Собора, надеясь, что тем можно привлечь внимание и к состоянию сегодняшней, умирающей деревни, бытийной клеточке русского мира.

О том, насколько многообразен, сложен, этот великий мир, способный сохранить свою независимость, только живя по Евангельским заповедям, свидетельствовало разнообразие соборных мероприятий, посвященным разным сторонам русской жизни. В различных семинарах и в рамках параллельно проходящего православного сту-

Участники Собора

денческого форума «Вера и дело» исследовались темы: «Защитить природу», «Соработничество Церкви и государства в деле защиты от алкогольной угрозы», «Духовно-нравственные причины кризисов и пути их преодоления» и мн. др. Встреча молодежи, представителей 170 Вузов с Патриархом Московским и всея Руси Кириллом в спорт-комплексе «Измайлово» показала заинтересованность нового поколения россиян в деле духовно-нравственного возрождения русского народа, уважительное и внимательное отношение к великой роли и животворящему слову Русской Православной Церкви. Эта роль, как приоритетная в решении обсуждавшихся Собором вопросов, была особо отмечена в резолюционных документах, постановивших, что сегодня наша страна столкнулась не с одним, а сразу с несколькими кризисами — экономическим, экологическим, кризисом семьи, духовным. Истоки этих кризисных явлений коренятся в человеческой душе именно духовным состоянием народа, «экологией души» определяется положение дел во всех сферах общественной жизни. Лишь преодолев духовный кризис, мы получим возможность справиться и с другими государственными задачами.

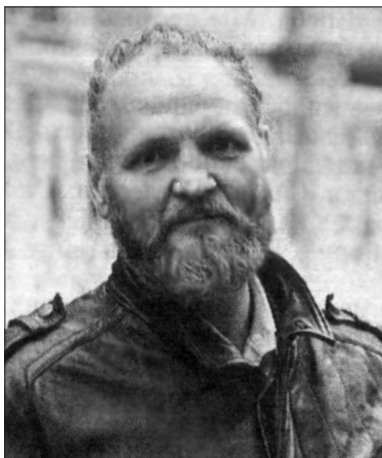
Возлагая большие надежды в этом направлении на творческую интеллигенцию, Собор отдельно выразил солидарность и поддержку Союзу писателей России, своему соучредителю и многолетнему активному участнику, отметив, что самая крупная писательская организация, недавно отметившая свое 50-летие, является важным фактором культурной и духовно-патриотической работы. Благодаря ей сохраняется единое литературное поле многонациональной России.

Незаменима помощь русских писателей Церкви в деле духовного воспитания народа и молодежи.

Известно, что Россия, которая каким бы социальным строем ни управлялась, никогда не жила только материальными интересами, и всегда находилась на стыке Неба и Земли, стремилась в разнообразии художественных тенденций и творческих методов к истинной человечности, духовной целостности. Сегодня нас убеждают, что утрачена связь с классической художественной и духовной традицией прошлых веков. Но если поразмыслить над современным движением литературы, используя прием русской духовной философии, в которой отцом Павлом Флоренским рассматривался смысл прерывности применительно к музыке, то можно обрести надежду. Великий философ считал, что именно расчлененность, квантовость является условием целостности. «Непрерывно текущее однородное время не способно дать ритм. Последний предполагает пульсацию, сгущение и разряжение, замедление и ускорение, шаги и остановки...» К концу первого десятилетия третьего тысячелетия очевидно оживление ритма в великой симфонии русской литературы, в которой яркие творческие личности и события возникают не по календарю, а вследствие объективных исторических потрясений, затрагивающих основы государства.

Именно в эти исторические периоды ярче всего проявляется значение духовности, которой так боятся противники Руси-России. Самосознание народа, важнейшей частью которого является молодежь, осуществляется, прежде всего, в духовной культуре его, в верованиях, т.е. в религии, т.е. в Православии. В этом смысле современная русская литература, пропагандирующая духовные ценности, являет пример насущной, так необходимой сегодня, связи с Православной Церковью, с ее благодатными силами. В современном светском «толерантном» обществе, цинично рассуждающем о благе человека, они по сей день остаются изолированными, невлиятельными. Пути творчества, отделенные от веры христианской, религиозно независимые, не могут справиться с решением многих творческих и воспитательных задач, которые по силам литературе, несущей основную духовную мысль философии преподобного Максима Исповедника, что «бытие, посеянное Богом, должно возрастать единственно к Нему».

В многоликой красоте явился образ этого возрастания на празднике в честь учителей славянских Кирилла и Мефодия, прошедшем 24 мая на Красной площади. Символично, как духовное ополчение, противостояли в этот день ненастной погоде мощный, объединенный крестным ходом клир и тысячи верующих, славящих основоположников славянской письменности и культуры, славящих духовное русское слово, в защиту которого громогласно обращались к миру колокола Московского Кремля. И казалось, их размеренные, убедительные голоса собрали всю нашу великую землю в единый собор под вечным, трудным небом всяя Руси.

Владимир КРУПИН

С ВЫСОТЫ СЕДИН

*Выступление на XIII
Всемирном Русском
Народном Соборе*

Владимир Николаевич Крупин — родился в 1941 году в с. Кильмезь Кировской области, сын крестьянина, трудившегося в лесничестве. Работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты, служил в армии. Окончил областной педагогический институт Н. К. Крупской, преподавал в школе, работал на ЦТ, был гл. редактором журнала «Москва». С 1994 года преподает в Московской духовной академии. Гл. редактор журнала «Благодатный огонь». Секретарь правления Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Почему во все времена существования России, на нее нападали, старались подчинить, уничтожить? Разве только из-за богатств, от Бога ей данных? Нет, нападавшим само наше существование невыносимо. Почему? Мы всех любим, всех выручаем, последнюю рубашку с себя снимаем и никогда ни на кого не посягаем, мы — люди смиренные, у нас самые распространенные фамилии — Смирновы, а уж потом Кузнецовы, Ковалевы, Кожемякины... Так почему к нам такая злоба? Да потому, что Россия идет за Христом, а все идущие за ним будут гонимы. Это давно предсказано. Так что такое отношение к нам со стороны обезбоженного мира — совершенно нормально. Православные — то малое стадо, и единственное, которое спасется. Давайте представим, что весь мир отвернулся от Христа, и верными ему остались только те, кто в этом зале. И нас было бы большинство, «яко с нами Бог». Так что «разумеете языцы и покарайтесь».

Мир лежит во зле, мир отошел от Христа. Единственное, что еще может его спасти — это Православие, тот драгоценный бисер, который получил от Византии святой равноапостольный князь Владимир. А затем и мы, грешные, в водах Днепра. И с тех пор у нас одна история — мы или приближаемся ко Христу, или удаляемся от Него. Русские и народы России выращены Православием. Легко представить земной мир единым телом. Но тело не может без души. Она есть, она — Православие. Если что случится с Россией, остальной мир погибнет тут же. Так что миру пора бы образумиться и не нападать на нас, а лелеять.

Два явления противостоят сейчас в России — приход молодежи в Церковь и усиление сатанизма, который сменил государственный атеизм. Как это получилось? Враг не дремал — использовал перестройку для захвата последнего бастиона

Царства Божия на земле. А окончательный захват его возможен только при внедрении молодежи мысли, что можно прожить без Бога. Да мало этого, еще и натравить на Него.

Для этого падший денница с помощью слуг направляет все усилия на закабаление отроческих и юных душ, старается — спойть, развратить, обольстить красивой жизнью, опошлить все святое, оплевать святыни, называть любовью случки партнеров, внедрить в сознание законность гражданских браков, славить похабность шведских образцов, высмеивать верность и преданность, переделать отроков и отроковиц в тинейджеров и фанатов. Мы дожили до таких уже речей, сам слышал: «Да что ты, мам, говоришь глупости, нормально я живу. Вон Лилька опять замуж сбежала, а Лялька опять почистилась». Это показатель падения в адские глубины.

Отчего так? От того, что демократия для России гибельна. И никакие законы ее не спасут. Нас еще иногда убаюкивают слова: «Сегодня я подписал Указ», — но жизнь говорит — проснитесь. В конце XIX и начале XX веков население России прибавлялось на два миллиона ежегодно, сейчас убывает в год по миллиону. А прибавить сюда непрерывный русский холокост — аборт. Кроме населения, все растет: наркомания, преступность, сиротство, разводы, ворвался туберкулез — болезнь нищеты, растут цены. Помощь правительства рождающимся детям своевременна, но все деньги уйдут не к русским семьям, а к тем, кто рожает. Курс на благосостояние вкорме неверен. Сидит зимой на тротуаре беременная женщина из Средней Азии, кормит грудью малыша, около нее еще два ребенка. Что ж она аборт не делает? Узбеки живут в десять раз хуже, а рожают в четыре раза больше. А демократическая, упитанная Европа вымирает.

Должен определиться от Бога данный нам курс — курс на православное государство, на монархию. Навсегда сказано: «Ищите прежде Царствия Божия и все остальное приложится вам». И, кажется, нынешний президент это понимает. «Сила Государя — в верности Богу, сила государства — в преданности государю, — пишет святитель Филарет Московский, и добавляет: — Блаженно Отечество, которое помогает гражданам достичь Отечества Небесного». Огромная тоска по хозяину русской земли сказалась в похоронах Патриарха Алексия. Это декабрьское плачущее небо, эти круглосуточные молитвенные очереди, были впервые после похорон священномученика Патриарха Тихона. Перестройка как средство убивания России началась с удара по молодежи, по ее юному сознанию. Молодежи не только промывали мозги, их просто вышибали. Вот фильм «Легко ли быть молодым?» Сколько он искалечил молодых умов. Хотелось же скорее порулить, покомандовать. Но почему же не было вопроса: «Легко ли быть стариком?» А то, что в перестройку увеличилась смертность именно молодых, как раз показатель того, что молодые стали соваться туда, куда идти рано, то есть на место людей опытных. И доньше враг нашего спасения разрушает основы государства, начиная со школы. В нее вдвигали планирование семьи, валеологию — предмет, не только развращающий, но и убивающий будущее детей, сокращающий рождаемость. Вот школу оккупировал Единый госэкзамен, ЕГЭ — этот выкидыш западного образования, которого усыновил министр Фурсенко, это средство воспитания англоязычных биороботов. Этому ЕГЭ не учатся, на него натаскивают.

Но молодые учительницы ЕГЭ принимают, им же меньше теперь времени на занятия. Также и замена сочинения изложением, изложение же быстрее проверять. ЕГЭ напоминает кубик Рубика, который усиленно внедряли, обещая, что он развивает пространственное мышление. И долго развивали,

пока не заметили, что чем тупее человек, тем быстрее он справляется с Рубиком. Он просто овладевает двумя-тремя приемами. И остается таким же тупым, но уже самоуверенным.

Разрушается армия, опять же с помощью молодых — лейтенантам хочется скорее в майоры, а места заняты. Спихнуть, посмеяться еще: о каком это моральном уровне солдата старики толкуют, да у нас электроника, да у нас кнопки.

Идут несколько уже лет нападки на Союз писателей России. Мало того, что тиражи наших книг и журналов ничтожны, гонорары копеечны, у нас еще и здание Правления захватывают. Мы благодарны Святейшему Патриарху Кириллу за помощь в сохранении Дома писателей на Комсомольском проспекте, 13, и надеемся, что он останется нашей землей на территории культуры России.

Разрушается эта культура. Борцы с нею подпитаны деньгами, наградами, прессой и экраном. Когда награждали циников и хохмачей «Аншлага» и им подобных, я думал: «Может, учрежден орден “За заслуги в издательстве над Отечеством”»? Был же такой опыт в России, когда учреждали награды для врагов России, например орден Петра I за измену Мазепе. Нет, тут всерьез, дается за пошлейшие шутки, которые все ниже пояса. Развращение самой целомудренной страны разве не есть дело наказуемое? А оно у нас награждаемое. Дожили до того, что славится пот и похоть карнавалов Латинской Америки, рвутся к нам демонстрации существ, которые присваивают себе, гореть им в огне! голубой небесный цвет, зовутся какими-то геями. А это гомосексуалисты, это педерасты, это содомиты, получившие имя по городу Содому, наказанному Господом за мерзейший грех. Картина Верещагина «Апофеоз войны» как раз показывает пирамиды черепов содомитов Ближнего Востока. Эту заразу истреблял Тимур Тамерлан. Он и на Россию шел. Но Божия Мать грозно велела ему повернуть войска, ибо в России такой заразы нет. И не будет! Почему не будет? Ведь злу не положено предела, и Конституция не запрещает. Но на всякое зло есть средства, а на это найдутся самые действенные: дни, когда однополооориентированные, двуногие животные собираются выйти на улицу, объявлять днями ВДВ, днями воинов Афгана и Чечни. Да еще и мусульмане нам помогут, да продлит Аллах их драгоценные годы, и да восславит. Кстати, в ветхозаветном Израиле за такой грех забивали до смерти камнями. В новозаветные времена можно обойтись без камней, но казацкая плеть не помешает. Надо же спасать, надо же вразумлять апостольскими словами: «Живущие по плоти Богу угодить не могут» (Рим. 8,8) Или: «Тело не для блуда, а для Господа» (Кор.6,13). Блудники на пять процентов больные, на девяносто пять развратники. Пять процентов лечить, остальных воспитывать. Но что же скажет о нас так называемый цивилизованный мир? Он такой передовой, он нас настолько обогнал, что уже и однополых венчает. Но что нам до того, кто и что о нас скажет? Говори — не говори, нас все равно не любят. Ну и что? И не любите, лишь бы нас Господь любил. А Конституция? Но зачем такая Конституция, которая не защищает чистоту нравственных отношений? От них все: и крепость государства, и экономика даже определяется нравственностью.

Если я упомянул плетку, то скажу, что на мысли о ней навел начинающий писатель Виктор Ерофеев. Он подвизается на канале «Культура», и так ненавидит Россию, что советует пороть русских. То есть, значит, он не русский, но все-таки начать исполнять его пожелание надо с него самого. А вот Швыдкого, с того же канала, пороть поздно. Надо просто заменить

его передачу рекламой средств от перхоти. На канале «Культура» пока нет рекламы, пусть будет хоть одна.

А какие средства борьбы с Гаврилой Поповым? Мы-то думали, что мировое правительство тщательно скрывается, а оно — вот оно, и Гаврила — его рупор. Цитата из него: «Страны, которые не примут глобальную перспективу, должны исключаться из Мирового сообщества». Вообще, это было бы неплохо. Как же нам хорошо нам будет без этого, мирового. Итак, что нам предлагается? Для чистоты мирового сообщества «наиболее перспективным представляется генетический контроль еще на стадии зародыша и тем самым постоянная очистка генофонда человечества» («МК», 25.03.09). Если это не фашизм, то что это? Нобелевские лауреаты, вслед за Дарвиным спрыгнувшие с дерева, ставшие вначале гориллами, потом людьми и выпившие с заявлением против прихода Православия в школы, все-таки извинились, а с этим, не прошедшим в свое время очистку, Гаврилой что делать? Тут надо «речей не тратить по-пустому, здесь надо власть употребить».

А вот борьба с таким нашествием, как наркомания должна быть молодежи под силу. Какое средство? Вот такое: приходят молодые люди к хозяину дома, уроженцу азиатских предгорий, или кавказских гор, или бессарабских степей, промышленному наркотиками и спокойно спрашивают: «Тебя вместе с домом сжечь или вначале выйдешь?» Обычно хозяин выходит, смотрит на огонь, и после этого в округе наркотиками не торгуют. Неподкупные сотрудники МВД скажут: в наших сводках нет таких случаев, никто не обращался. И не обратятся, ведь обращаются несправедливо обиженные. А тут все справедливо. Вот, правда, один раз одна женщина обратилась, она еще с советских времен подпольно торговала всем, что спаивает и убивает, а, поощренная свободами демократии, развернулась легально и во всю. Не могла удержаться, ментальность такая. И вот, на старости лет врать не могу, эту торговку трезвые и вполне сознательные юноши вполне сознательно выпороли. Она в милицию. Их вызывают. «Да вы что, отвечали они, да кого вы слушаете, да как вы могли подумать, да как мы на женщину руку поднимем, мы их уважаем».

Еще на тему: еду в метро, опустил голову, читаю. На остановке подошли, остановились около меня брюки. Продолжаю читать, слышу: «У нынешних мужчин совершенно нет никакого уважения к женщине». Поднимаю глаза — в брюках-то представительница прекрасного пола. Сильно оштукатуренная. Встаю и думаю: «То есть мне надо тебя уважать за то, что омужичилась? Дурочка ты, думаю, не знаешь величайшего понятия — женственность. Женственность побеждает любые моды, любые косметики и возрасты».

У нас, под влиянием пропаганды мордобоя на кино и телеэкране, и в жизни доходит до того, что иной девушке приятно перед подругами похвалиться, что из-за нее Витя и Саша разодрались. Драчуны в тюрьме, а девушка и передач не носит, гуляет уже слевой. Вообще, такую девушку, которой радостно, что она — причина драки, надо отдавать сопернику даром. А свою жену выбирать не в хороводе, а в огороде. А девушкам вспомнить Карамзина: «Где еще могла красная девица встретить своего суженого? Только в церкви».

Тюрьмы переполнены молодежью. И мы знаем, что стоит парню залететь за проволоку только на одну «ходку», как пенициментарный процесс становится необратимым. Теперешний суд — суд без милосердия, судит не по душе, а по букве закона, который по-прежнему как дышло. Суд присяжных дело не спасает. Мы знаем — присяжные, как и все чиновничество, покупаемы. Просто необходимо возрождение Церковного суда. Выражение: «Судить по-Божески» как раз произошло от его благотворной деятельности.

Одним из его основателей был святитель Алексий, митрополит московский. Церковный суд как раз и разбирает такие дела, которые могли в будущем развиться в серьезные, исцелял дисциплиной покаяния и послушания. Если Витя и Саша вместо тюрьмы будут какое-то время вместе копать траншею, это и тело закалит, и душу спасет, и биографию не искалечит, и от такой девицы избавит. А лучше всего, если они пойдут в армию. Мы рвались в армию. Этому и девушки помогали. Как это выйти замуж за парня, который не служил? Он что, бракованный? Меня глубоко оскорбляет, когда плохо говорят о нашей армии. Комитет солдатских матерей, часто впадающий в истерику, учит молодежь уклоняться от армии, это преступно. Я дослужился до старшины дивизиона. Никакой дедовщины слыхом не слыживал, слова такого не было. Были «старики», были салаги зеленые. Я составляю наряд — неужели я своих одноклассников назначаю в судомойку, кочегарку, конечно, молодых пошлю. Это, что, дедовщина? Это совершенно нормально. Кстати, от судомойки близко до котла, можно подхарчиться.

Армия — не принудилровка, а школа возмужания. Уверен, что в скором времени в нее вернется Военная присяга, которая, как и раньше, будет начинаться словами: «Я (имярек), обещаюсь Всемогущим Богом», а заканчиваться: «В чем да поможет мне Господь Бог Всемогущий». — «Молись Богу, — говорил Суворов, — от Него победа! Чудо — богатыри русские! Бог нас водит, Он нам Генерал!» Я не взываю к состраданию, когда говорю о своем поколении, как нам досталось. Жили трудно, ели лебеду, крапиву, ходили в лаптях, но было величайшее счастье любви к Отечеству, семье, друг ко другу. Пушкина при копилке читали. Солнечное сияние детства и отрочества! Как целомудренно любили, какие песни пели! И вот услышали мы 9 мая эти песни. Но они уже поются иначе, из них вынута душа. Это оболочки песен, уже модерн, выдрючивание на тему. А ведь в русском искусстве всегда было главным содержание, оно определяло форму. Сейчас вместо музыки, гармонии, мелоса вакханалия ритма и шума. И децибелы, которые рожают дебилов. Это родственные слова.

Нет, совсем не тяжело, а легко и радостно быть молодым. Только не соваться поперед батьки, не стремиться к карьере, не увлекаться восточными единоборствами, не бежать за богатством, не стараться выйти в начальники. И главное — любить Россию, Отечество, — другого не будет. Нет у нас запасной Родины, тут нам жить и умирать, тут оставлять память о себе. Родина — мать, Мать — сыра земля, матушка Россия — это навсегда. Встал утром: слава Тебе, Господи, я православный, я в земле, которая есть подножие Престола Небесного, Дом Пресвятой Богородицы.

Скоро великие юбилеи: четыреста лет Смутного времени и двести лет Бородинской битвы. Потяжелей доставалось, а победили. Будем брать пример у предков, и мы победим. И кризисов никаких не надо бояться. Интересно, когда в России не было кризиса? Что бы ни случилось в мире — России все на пользу. Жить надо спокойно. Не нервничать. «Какие нервы, — говорила праведная Матрона Московская, — на войне нет нервов. А мы на войне». Да, на самой главной войне — Христа с Велиаром, света с тьмой. Но это же главное счастье — быть воином Христовым. И, как сказал поэт: «Ветер века, он в наши дует паруса».

И главное желание моего поколения: оставляя земную жизнь, сказать о молодых: «Вот мы, Господи, а вот наши дети. Они так же любят Тебя, Господи, и Россию, которую Ты вручил нам». Вот тогда-то будет не страшно, а радостно пойти из временной жизни в вечную.

ПОЭЗИЯ

**Любовь
БЕРЗИНА**

«ГРОЗОВОЙ РОССИИ ШИРЬ...»

Любовь Александровна Берзина — родилась в Москве. Окончила МГУ им. М. В. Ломоносова, факультет журналистики. Печаталась в периодических изданиях и альманахах «День поэзии», «Поэзия», «Истоки», «Теплый стан», «Московский вестник», «Сельская молодежь», «Черновик», «Час России» и др. Автор трех книг. Член Союза писателей России. Живет в Москве.

* * *

Ходят тучи грозовые,
Влагой горизонт одет.
Над Россией, над Россией
Солнечный мерцает свет.

Над моим домишком малым,
Спящим на краю болот,
С кустиком калины алой
У разрушенных ворот.

Ветер по верхам сосновым,
По березовым шумит.
Мальчик мой белоголовый
Все их слушает, не спит.

На клочке земли в трясине
Он мужает, богатырь,
Чуя порами своими
Грозовой России ширь.

* * *

Гром прикатил из поднебесья
И разорвался, как снаряд,
И желтых молний перекрестья,
Как люстры, вспыхнули подряд.

И этот свет неотвратимый
Пролился в темное окно,
На черных туч густые гривы,
Стального озера пятно.

Вся жизнь моя, как на ладони,
Под этим светом неземным,
Любовь моя в воде не тонет,
Не исчезает, словно дым.

Она, как вспышки быстрых молний,
Слепящие при свете дня,
Бросается, себя не помня,
К тебе, родимая земля.

Туда, где наклонились ивы,
Реки колышется рядом,
И капли, крупные, как сливы,
Стучат в непрочное окно.

* * *

Жгут полдневного солнца объятья,
Ноги тонут в дорожной пыли,
Треплет ветер березкино платье,
В небесах облаков корабли.

Да плесни из ведра над землею,
Сколько можешь плесни, не скупись,
Чтобы звездной, горячей росой
Крыши изб и березы зажглись.

Прокаленную белой дорогой
По знакомой деревне пройдуся,
И с тобою, журавль одноногий,
Над бездонным колодцем склонюся.

Чтобы радугой гнулась дорога,
Словно после густого дождя,
И дымилась макушка у стога,
Прямо в небо душой уходя.

Зачерпни мне приволья и силы
Из глубин непочатой Руси
И водою живою и стылой
Душу мне и лицо ороси!

И в колодца бревенчатой раме
На мгновенье замру без причин,
Вся обрызгана, словно слезами,
Из бездонных России глубин.

* * *

Сквозь черное кружево веток плывут купола,
Сверкая крестами на солнце морозном.
А в небе над ними блесит самолета игла
Знаменiem грозным.

Для летчика в небе до боли пространства пусты,
Он волен, как птица.
И он запредельной своей высоты
Почти не боится.

Он столько желаний и мыслей оставил внизу,
И страсти так много,
Чтоб снова над миром бескрайним побыть на весу,
Приблизиться к Богу.

Но сверху не поздно на землю родную взглянуть,
Взмолиться не поздно,
По луковкам храмов узнав окончательный путь,
Как в небе по звездам.

* * *

Золотое озеро луны
Над моею головой сверкает.
Ночью дали угольно черны,
И дорог никто не разбирает.

Здесь, в глуши, такая тишина,
И глядит Вселенная очами,
И пред этой бездною одна
Тихо отвечаю ей молчаньем.

Только мне не спится, и восток
Скоро заалет понемногу.
Мелких звезд серебряный песок
Сыплется на черную дорогу.

Что могу я небу рассказать?
Наша жизнь бедна на откровенья.
Средь чернильной темени опять
Ангельское слышится мне пенье.

Снова, как умею, помолюсь
Я неизреченными словами.
О, Спаситель, погляди на Русь
Звездными, горящими глазами.

Знаю, мы погрязли в суете
И к своим деяниям не строги,
Но открой нам, Боже, в темноте
Новые заветные дороги.

СОЛДАТКА

По всей стране плывут гробы.
Рыдают молодые вдовы.
Но не склоняют головы,
Как снег, белы, как век, суровы.

Из Пскова юная жена,
Вся в черном, выпрямляет спину
И молвит, горечи полна:
«Солдатом воспитаю сына.

Пусть будет воин, как отец.
Защитником страны, героем.

А коль найдет его свинец,
То отпоем и упокоим».

Раз может молодая мать
У свежевырытой могилы
И сына Родине отдать,
Россия не теряет силы.

В сусальном злате куполов
И в толще древних стен церковных
Течет, течет святая кровь
Погибших и единокровных.

ОМУТ

И куда мне от России, от родимой стороны?
Ходят волны ледяные в устье Северной Двины.
Море Белое бросает в берег мерзлую шугу,
И домишки замерзают на мерцающем снегу.

Но и здесь я тоже дома: в темную сырую рань
Снится город Белоомут по дороге на Рязань,
Снятся теплые коровы, разворот крутой Оки,
И собак круглоголовых неотступные зрачки.

Я иду бескрайним лесом, берендеевой тропой.
Здесь не пахнет ни бельмеса недалекою Москвой.
У берез дрожащих кудри очень круто завиты,
Держат сосны надо мною необъятные зонты.

Ты найди меня, попробуй, в этой сказочной стране.
Этот омут, он особый, и известен только мне.
Этот путь еще не торен и он мне от Бога дан:
К Белому я выйду морю,
К Черному я выйду морю
И на Тихий океан.

* * *

Кроме белой рубахи и синих небес,
Кроме низко летящей взволнованной стаи,
Мне не нужно богатств, мне не нужно чудес,
Я и так, что ни день, новый клад обретаю.

Снова дарит Отчизна то дождь, то ветра,
То багряный закат, то забытые мощи,
И на голову мне, стоит выйти с утра,
Сыплет золото ветер в березовой роще.

А колонны стволов, как во храме, стоят,
В небесах проступают священные лики.
О, родная земля, твой неброский наряд
Полон духом святым, полон духом великим.

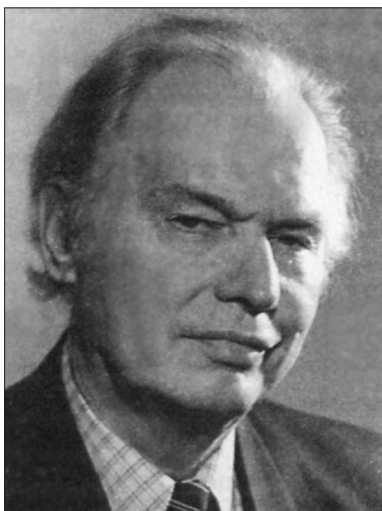
Кто еще, что и я, баснословно богат
Этим воздухом, ветром и горькой калиной
Я не знаю — и в сердце несу этот клад,
И с родною землею не рву пуповину.

РУССКИЙ СИЛУЭТ

*В. Гельмерсен.
Из иллюстраций к «Евгению Онегину».
1914–1923*

История и современность

Валерий ГАНИЧЕВ

«И ГРЯНУЛ БОЙ, ПОЛТАВСКИЙ БОЙ!»

*К 300-летию
Полтавской битвы*

Валерий Николаевич Ганичев — родился в 1933 году на станции Пестово Новгородской области. Окончил в 1956 году Киевский университет. Доктор исторических наук, профессор, лауреат премии Ленинского комсомола. Главный редактор «Роман-журнал XXI век». Председатель Союза писателей России. Автор многих книг прозы и публицистики. **Живет в Москве.**

Несколько раз Отечество наше, его вера, его речь подвергались угрозе уничтожения. Тогда во весь рост вставал народ, звучало призывное слово, а враг был обречен и повержен. Так было на Куликовом, Бородинском, Прохоровском полях. Так было и во время судьбоносной Полтавской битвы в 1709 году. На эту историческую победу, 300-летие которой мы отмечаем в 2009 году, солдат вдохновило высокое, драматическое, обращенное к Богу и Отечеству, проникновенное слово Петра I.

Начало XVIII века. Россия, собравши силы, решила возвратить исконные славянские земли и выйти к морям. Прорубить окно в западную Европу через Балтику и через полуденное окно Черноморья выйти на ее южные земли в Переднюю Азию и Африку. Петр I уже отвоевал Азов и Таганрог, но Черное море было еще «озером турецких султанов». Воевать на два фронта он не мог и сосредоточился на возвращение Балтики. Побережье Финского залива, Нева должны были стать русским предместьем Европы.

Но на пути этим устремлениям стал молодой, энергичный, самонадеянный и талантливый шведский король Карл XII.

Армии двух императоров сошлись под городом Нарвой.

Петр только что начал создавать свою регулярную армию, оснащать ее современным оружием, но не успел. Армия была напичкана иностранными наемниками, всякого рода советниками и авантюристами. Петр после поездки в Европу слепо доверял им.

В итоге — жестокое и, казалось, уничтожающее поражение России. Европа аплодировала. Карл был признан самым выдающимся, самым

непобедимым полководцем того времени, а может и всех времен. Карл выпустил медаль в честь победы, где Петр бежал от него, теряя шпагу и шляпу. Хор славословия был так единодушен, что Карл и сам поверил в это. Не поверил в это один Петр. Он нисколько не сомневался в предназначении России и в то, что заложенный им Петербург станет новой ее столицей. Карл же был самонадеян и даже легкомыслен, заявив о петровской затее: «Пусть строит, все равно это будет наше». Петр же понимал, что поражение потерпела не его армия, которую он задумал как современное войско, а та спешка, с которой начиналась война, и шаткость и непрочность его союзников.

Правильно было сказано, что, если в строительстве кораблей, создании промышленности можно было доверять иностранцам, то на войне, требующей героизма, самопожертвования, презрения к смерти и других воинских качеств, рассчитывать на них невозможно. Стало абсолютно ясно, что умирать за «эту» страну, за эту варварскую Московию они не будут.

С невиданным упорством, большой энергией Петр проявил одно из самых сильных своих качеств — умение извлекать уроки из событий, использовать неудачи как толчок, рычаг для их преодоления, как орудие победы. Он стал создавать новую армию. Он делал вывод в «Гистории свейской войны», что когда это несчастье, вернее, «великое счастье» произошло, оно вынудило русских отказаться от войны и проявить небывалое трудолюбие и активность. В армию прошел новый массовый призыв, рождалась мощная уральская металлургия, было отлито 300 новых пушек и гаубиц. Разведки доносили в Европу: «Русская армия стала вдвое сильнее прежней».

Но Карл XII с презрением отказался прислушиваться к этим сообщениям. Он почитал себя Александром Македонским, и один из его генералов с беспокойством говорил, что король «больше не слушает чужих советов, он делает вид, будто Бог непосредственно внушает ему, что он должен делать».

Он начинает боевые действия на территории Польши, двинулся, чтобы посадить на престол «своего» польского короля Станислава Лещинского.

К началу 1707 года русские армии сосредоточились недалеко от Львова в районе Жолквы. Здесь и собрались все ведущие русские военачальники: Меншиков, Шереметьев, Головкин, Григорий Долгорукий. Туда же прибыл и Петр. Состоялся Генеральный совет, который разработал Жолковский план осторожного постоянного изматывания шведских войск. Петр понимал, что вторжение в Россию неизбежно. Поэтому в плане говорилось, что «надо будет дать баталию при своих границах, когда того необходимая нужда требовать будет». А в «Польше на переправах и партиями также оголождением провианта и фуража томить неприятеля».

Шапкозакидательства уже не было, а был расчет перекрыть все направления движений войск шведского короля на Москву через Белоруссию или Украину. Везде укреплялись крепости, готовились отряды легкой кавалерии, подготавливались отряды сопротивления местного населения, уничтожение всех источников снабжения.

Высшей точкой плана должно было стать генеральное сражение на русской территории. Где оно будет? Конечно, никто не знал, но в истории позднее высветилось название — Полтава.

Этот небольшой город-крепость был обнесен земляным валом с деревянным палисадом для защиты от набегов крымчаков. В зиму 1708—1709 гг. тут кипела работа. Петр приказал укрепить ее согласно предписанию тогдашней инженерной науки. В городе было всего 2,5 тысячи жителей, но ее гарнизон состоял из 4 тысяч человек. Комендантом Полтавы был расчетливый, мужественный и стойкий полковник Иван Степанович Келин.

В это время Карл XII уже распотрошил всех основных союзников Петра. С первых дней выведена из Союза с Россией Дания. Он громил поляков и заставил отречься от престола короля Польши Августа, но, по выражению Петра, «завяз в Польше», занявшись внутренними делами польского государства. А затем направил свои войска на разгром последнего союзника России саксонского курфюрста Августа (уже потерявшего польский престол). Август был разгромлен и выходил из войны. На южном фланге боевых действий была опасная Турция (Османская империя), хотя и заключившая перемирие, но готовая вторгнуться в случае новых поражений России вместе с крымским ханом на южные земли.

Европа рукоплескала Карлу XII и толкала его продолжать войну с Москвией, чтобы, не дай Бог, он не развернулся и не пошел вмешиваться в европейские дела. «На Восток! На Восток!» — рукоплескала и призывала Европа Карла XII. Как это напоминало мюнхенских вдохновителей Гитлера. И действительно, тогда Россия осталась в одиночестве. И, казалось, была обречена на поражение. Дания уже была разгромлена. Польская шляхта переходила на сторону шведов, Саксония склонила голову. В этот момент склонился к измене украинский гетман Мазепа, умный, изворотливый, интуитивный правитель, друг Петра I. Он посчитал, что Петр проиграл и решил перейти к Карлу, чтобы сохранить те свои привилегии и привилегии нового дворянства, казацкой старшины. А привилегии у Мазепы были немалые. Он владел 100 тысячами крестьян на Украине и 20-ю тысячами в России. Петр I к нему благоволил. Мазепа к Петру тоже. Гетман не раз одаривал царя. При первой встрече — золотой крест, осыпанный драгоценными камнями, саблю в золотой оправе, золотое ожерелье с алмазами, а затем были скакуны, щит на золотой цепи, украшенный яхонтами и рубинами. Царь тоже щедро одаривал гетмана и питал расположение к нему и даже выдал ему бывших соратников, генерального писаря и судью Василия Кочубея и полковника Искру, которые раскрывали Петру глаза на готовящуюся измену. Но Мазепа медленно выбирал, примеривался, кто победит, и твердо решил уйти к Карлу. Знаменем этого ухода он избрал «вольность» и «самостийность», тем более что московские полковники с посполитыми, т. е. простыми людьми, да и с казаками вели себя развязно и нахально, забирая лошадей и провиант и часто не выплачивая за это ничего. Это позднее Петр издал распоряжение, наказывающее за поборы жителей, а в начале кампании ему было не до этого. Недовольны были и казаки, которые храбро сражались вместе с русскими солдатами, а их часто недооценивали. Мазепа сам недолюбливал запорожское буйное казачество и советовал в одном письме к Меншикову разгромить Запорожскую сечь, но русскими войсками (архив Санкт-Петербургского Института истории РАН). Всех хотел перехитрить гетман.

Но народ и казачество не поверили Мазепе. Во-первых, потому что, в начале слухи, а потом уже обнародованные его письма к польскому ставлен-

нику Карла XII Станиславу Лещинскому и его агентам стали известны людям. В них Мазепа был готов пойти на соглашение с католической унией, на возврат всей Малороссии под власть католической панской Польши. Гетман обязался передать Украину как законное достояние королевству польскому. Хороша «самостийность»! А по многим свидетельствам он вообще был тайным приверженцем униатства и имел сношения с иезуитами. Этого народ не только не хотел, но и решительно этому воспротивился. Для него духовное православное единство было самым большим достоянием, приобретенным в результате Переяславской Рады. И идти под католическую Польшу, всячески преследующую Православие, он не желал, ибо это было самоубийством. И сам-то Мазепа был в недоверии у народа, как польский пан, и держался на московских штыках.

Ну, а во-вторых, старшина и гетман не уступали, а часто действовали и похлеще в сборе налогов и панщины, чем новые хозяева из других российских земель.

В общем, народ и казачество гетману не поверили и за ним не пошли, а Карл XII поверил и развернул свое войско на Украину. Ведь Мазепа пообещал привезти под его знамена 20 тысяч казаков и снабдить продовольствием для наступления на Москву. Царь, выставив заслоны у Смоленска и Курска, не знал, где Карл начнет наступать.

*Но время шло. Москва напрасно
Гостей к себе ждала всечасно
Средь старых вражеских могил,
Готовя шведам тризну тайно.
Внезапно Карл поворотил
И перенес войну в Украину.*

А. С. Пушкин

Но ни Карл, ни его внезапный союзник не учли, что русская армия не та, она обстреляна, обучена, хорошо снабжена. Во главе ее стояли блестящие генералы: Шереметьев, Апраксин, Репнин, Долгорукий и проявивший недюжинные военные способности, «счастья баловень безродный» Александр Меншиков, и сам Петр проявил блистательное умение и талант полководца. Под его начало уже была взята Нарва, Ревель и другие города.

Карл, действительно, развернул войско на юг, встречая преграды и сопротивление русских армий в Белоруссии. Не отрезвило короля и поражение шведских войск при деревне Лесной, где спешивший на соединение с основным войском генерал Левенгаупт был разбит вдребезги и наголову разгромлен.

В журнале («Юрнале») Петра Великого по поводу этой победы читаем: «Тут первая проба солдатская была, и людей, конечно, ободрила... и мать Полтавской баталии».

Русские войска под командованием Шереметьева и Меншикова двигались с двух сторон, как бы «вели» шведов в коридоре, проводя мелкие бои, сделав с двух сторон заслоны, но в генеральное сражение не вступали, собираясь сконцентрироваться в одном месте.

К весне 1709 года положение обеих сторон определилось. Карл перезимовал в междуречье Ворсклы и Псла в районах Диканьки, Гадяча, Прилук,

Лохвицы. Он слегка поизучал карту России, подаренную ему падшим Августом II, и решил продвигаться на Москву. Карл твердо решил разрушить Россию как страну, свергнуть Петра I и на его место посадить, как в Польше, марионеточного царя, а Псков, Новгород и весь Север России он решил присоединить к Швеции. Вся Украина, Смоленщина должны были отойти к Польше Станислава Лещинского, впрочем, с вассалом-князем Мазепой. «Надо уничтожить мощь Москвы, — сказал он польскому королю, — то есть ее дисциплинированную армию». Европа, как писал американский историк Роберт Мэссин (в книге «Петр I»), ждала, когда Карл XII войдет в Москву, царь в суматохе будет убит, появится царь-марионетка, а Швеция станет хозяйкой Севера и стала бы повелительницей Востока от Эльбы до Амура. «Холопская Россия» распалась бы по мере того, как шведы, поляки, казаки, турки, татары и китайцы отрезали бы от нее солидные куски. Петербург был бы стерт с лица земли. Побережье Балтики отобрано, и пробуждающийся народ остановлен в своем развитии. Вот так очередная идея расчленения России, растаскивания и уничтожения ее вдохновляла очередного покорителя страны. Впереди было отнюдь не рядовое сражение. Таких было уже немало (Нарва, Орешек, Ревель, Лесная и др.). Впереди обозначилась судьбоносная, спасительная или гибельная битва.

Правда, многие шведские генералы, ощутив силу новой русской армии, предостерегали Карла от его заносчивости, стал чувствовать гибельность своей измены и Мазепа. Он направил через ушедшего от шведов миргородского полковника Апостола тайное предложение Петру I арестовать шведского короля, его знатнейших генералов и доставить их в русский лагерь, но просил, чтобы с ним был «заключен договор», гарантирующий его безопасность, который бы поддержали «иностранные дворы». Договор, конечно, не состоялся, ибо в это время Мазепа направил письма и Станиславу Лещинскому, призывая того скорее вводить войска на Украину, где возбуждается простой народ. Ему уже не доверяли ни те, ни другие. Мазепа был обречен. Шведы поставили охрану во дворы его старшины, чтобы они снова не переметнулись к царю. Самого же Мазепу чуть не схватили царские войска в Ромнах. В эту зиму 1708—1709 гг. зимние перепалки и сражения шли с переменным успехом. Шведское войско вышло из этой кампании усталым и лишенным подкрепления, своих припасов и продовольствия. Мазепа посоветовал Карлу взять Полтаву, ибо там, на складах, было много пороху, провианта. Карл предпринимал одну попытку за другой, чтобы сходу взять крепость. Келин, однако, искусно защищался, предпринимал упреждающие вылазки, разгадывал ход минных подкопов, взрывал шведские заряды. Надо сказать, что вместе с регулярными войсками мужественно сражались все жители Полтавы со своим оружием, дети, женщины, старики и подростки.

Меншиков же, пользуясь расположением мирных жителей Полтавы, провел дополнительные войска в город, укрепив силы и дух гарнизона. К июню вокруг Полтавы выстроились основные русские и шведские войска. Карл не заметил, что он оказался в «подкове» у русских, которых было почти в два раза больше.

Русских войск было около 50 тыс. человек против 32 тысяч шведов. В боевую линию вошло 35 тысяч русских против 25 тысяч шведов. Но дело было даже не в количестве: против шведов, как верно написал Пушкин, стояли уже не «рассеянные тучи несчастных нарвских беглецов», а

полки, прошедшие боевую выучку в многочисленных боях, подчиняющиеся дисциплине, регулярному строю, командам, не испытывающие недостатка в порохе, пулях, ядрах, артиллерии.

Карл же уповал на свой военный талант, на преданность и веру в него солдат, на собственную, необходимую для войны, но иногда показную храбрость. Во второй половине июня он получил известия о том, что русские войска хотят перейти через реку, чтобы поставить его между собой и Полтавой. Он со свойственной ему горячностью решил все проверить сам и наблюдал за происходящим. При этом он и его свита находились

Полтавская баталия. Фрагмент мозаики мастерской М. В. Ломоносова в здании Академии наук в Санкт-Петербурге

под градом пуль, все его упрасивали уйти из-под обстрела. Он заявлял: «Пустяки». Уже кто-то из свиты был ранен, и под Левенгауптом убита лошадь. Карл почти повернул назад, но в этот момент пуля настигла его и попала в пятку. Пуля прошла по подошве и застряла в пятке у большого пальца. Он еще ездил по окопам, но боль заставила слечь, вызвать хирурга. Поистине — «Ахиллесова пята». И, находясь в таком болезненном состоянии, он пропустил момент переправы русских войск через Ворсклу, а последний, самый жестокий приступ на Полтаву был отбит.

25 июня русские войска, переправившиеся через Ворсклу, стояли напротив шведов, которые не стреляли в них, экономя снаряды и пули. Петр уже выстроил весь «фрунт», поручив центр испытанному воину фельдмаршалу Шереметьеву, правый фланг был передан под командование генерал-лейтенанта Ренне, левое крыло было под началом генерала от кавалерии князя Меншикова.

Петр ждал генерального сражения, но остерегался, опасался и даже боялся его. В то же время, считая его «зело опасным делом», тщательно готовился, перекрывал все узкие, опасные места. Особенно удачной оказалось его инженерная идея построить шесть отдельных сомкнутых укреплений у леса на расстоянии ружейного выстрела. На них должны были наткаться шведские атакующие отряды и, попадая под обстрел, атаковать их, теряя время, или прорываться между ними и попадать под огонь с двух фронтов.

В военных учебниках говорилось, что это была блестящая мысль Петра создать ступенчатые редуты. И вот оно 27 июня:

*Горит Восток зарею новой.
Уж на равнине, по холмам
Грохочут пушки. Дым багровый
Кругами всходит к небесам.*

При всей точности и внимательности Александра Сергеевича к деталям «новая заря» — это высший знак России, Петру I.

26-го Петр объехал свои полки, везде говорил речи, призывая сражаться не жалея живота своего за Веру и Отечество. Был зачитан знаменитый его приказ: «Воины! Сей пришел час, который должен решить судьбу Отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество. за православную нашу Веру и Церковь».

Не должны вас также смущать слава неприятеля, яко непобедимого, которую ложну быти и которую вы сами победами своими над ним неоднократно доказали. Имейте в сражении перед очами вашими правду и Бога, поборающего вас, на того единого, яко всесильного в бранях уповайте, а о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе для благосостояния вашего».

Карл тоже проехал пред полками, он был изнурен раной, но верил в своих непобедимых солдат и призывал их верить ему и побеждать противника, не раз показывающего тылы шведскому войску. А своим генералам он сказал: «Завтра мы будем обедать в шатрах у московского царя. Нет нужды заботиться о продовольствии солдат — в московском обозе всего много припасено для нас».

К двум часам после полуночи он, терзаемый раной, обвязав ее бинтом, на вторую ногу надел сапог и на носилках со шпагой дал команду к наступлению. Пушкин точно заметил это состояние волнения короля:

*Страдая раной, Карл явился,
Вожди героя шли за ним.
Он в думу тихо погрузился,
Смущенный взор изобразил
Необычайное волнение,
Казалось, Карла приводил
Желанный бой в недоуменье...
Вдруг слабым манием руки
На русских двинул он полки.*

Войска его двинулись и сразу натолкнулись на готовые к бою русские полки и кавалерию. И, конечно, свою роль в задержке наступления сыграли редуты. Хотя первые три редута слева были преодолены отрядом генерала Акселя, что породило «переполох» в русском стане, как позднее признался Петр, но кавалерия Боуэра, ставшая отступать, остановилась, а по приказанию Петра Меншиков ударил 10-тысячным левым флангом и разгромил войско под командой славного генерала Шлиппенбаха, взяв его в плен, а затем, преследуя остатки войска, разбил их окончательно и пленил другого генерала — Росса. Битва кипела.

*И грянул бой, Полтавский бой!
В огне, под градом раскаленным,
Стеной живою отраженным
Над падишим строем свежий строй
Штыки смыкает. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся плеча,
Бросая груды тел на груды,
Шары чугунные повсюду
Меж ними прыгают, разят,
Прах роют и в крови шипят.
Швед, русский — колет, рубит, режет,
Бой барабанный, клики, скрежет.
Гром пушек, топот, ржанье, стон
И смерть, и ад со всех сторон.*

Думаю, ни строки рапортов, ни рассказы не смогут ярче и точнее создать атмосферу, состояние великой битвы.

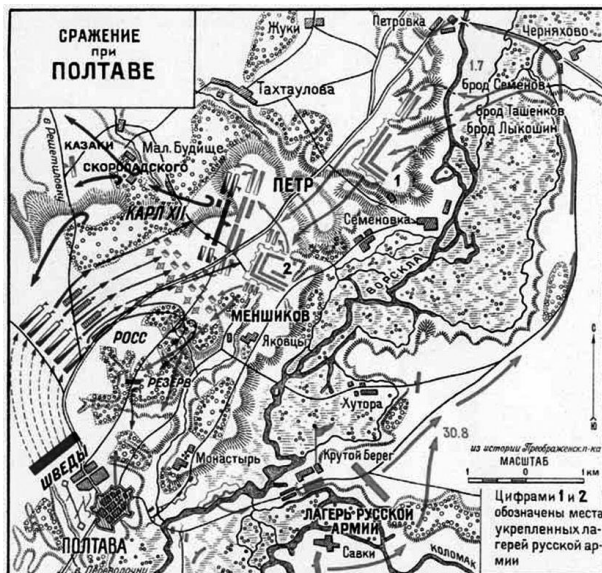
9 часов утра. Кипит «генеральная битва». Петр был в центре ожесточенного боя. На нем была прострелена шляпа, другая пуля попала в пуговицу на его седле, третья — ударила в грудь, но наткнулась на нательный крест—тельник. Храбро вел себя и Карл. Его везли на носилках лошадыми, и он просил везти в самую гущу боя. Падали окружающие его всадники и гвардейцы, были убиты лошади. Его несли на носилках. Он пытался собственным примером побуждать воинов к бою. Но вот под ним опять разбили носилки, он упал, и солдатам показалось, что он убит. Это породило ужас и страх. Вылезая из-под обломков, он кричал: «Шведы! Шведы»! Но шведы уже бежали.

*Но близок, близок миг победы.
Ура! Мы ломим; гнуться шведы.
О, славный час! О, славный вид!
Еще напор — и враг бежит.*

Победа русских войск была полная. В «Юрнале» Петра Великого: «Однако то все более двух часов не продолжалось, ибо непобедимые господа шведы скоро хребет показали... при том в начале — генерал-майор Штапельберг, потом же — генерал-майор Гамильтон, фельдмаршал Рейншильд и принц Виртенбергский купно с несколькими полковниками и иными полковыми и ротными офицерами взяты были и несколько тысяч рядовых, большая часть которых с ружьями и лошадыми отдались и в полон взяты. Неприятельских трупов перечтено на боевом месте 9234, кроме тех, которые... по лесам и полям побиты и от ран померли». Остатки армии с Карлом и несколькими генералами, а также злополучным Мазепой бежали и неустанно скакали по направлению к Днепру.

Победа была полная, но она могла быть и окончательной, если бы не страсть Петра к пирам и переполнившая радость от победы.

После победы русские полки выстроились на поле сражения. Царь объехал их с непокрытой головой и, преклоняя шпагу, приветствовал победите-

лей: «Здравствуйте, сыны Отечества, чада мои возлюбленные! Потом трудов моих создал я вас; без вас государству, как телу без души, жить невозможно! Вы, имея любовь к Богу, к Вере православной, к Отечеству, славе, не щадили живота своего, и на тысячу смертей устремлялись небоязненно. Храбрые дела ваши будут незабвенны у потомства». Слово покрылось криками «Слава!» и «Виват!»

В походной церкви на поле отслужили благодарственный молебен, и во

время пения «Тебе Бога хвалим» было дано три залпа.

И затем вместе с подвижниками в Царском шатре состоялся пир. Туда были приглашены шведские генералы и министры. Царь с лаской и добрым словом обращался к пленным. Фельдмаршалу Реншильду вручил шпагу и похвалил его за храбрость и верное исполнение долга. Царь поднял тост за своих учителей, и на вопрос Рейншильда «кто они?» ответил: «Вы, шведы!» «Хорошо же Ваше величество отблагодарил высоких учителей», — сказал Рейншильд. Петр расстроился, когда ему доложили, что Карл погиб: «Неужели я не увижу своего брата Карла?» И обрадовался, когда узнал, что тот бежал. Петр питал большое уважение к своему врагу.

Когда после пира соорудили погоню, Карл убежал уже далеко. И хотя остатки армии Меншиков догнал на следующий день у Днепра, и она сдалась, но сам Карл с небольшим отрядом и Мазепой бежал через степи, перешел Ингул и Буг и ушел под покровительство турок. Так разгромом шведской армии и ее сателлитов закончилась великая Полтавская битва.

Полтавская битва спасла Россию от порабощения, расчленения и гибели. Это была победа всей державы.

Полтавская победа явилась победой новой регулярной армии России, победой ее полководцев, гнезда Петрова и гения Петра, явившаяся следствием напряжения всех сил страны, участием в ней основных сословий: дворян, купцов, вольнонаемных людей, ремесленников — всего русского народа. Она была победой и украинского народа. Народ Малороссии с первых дней продвижения Карла на территорию Украины принял его как захватчика, оккупанта.

Из большинства земель Малороссии, как только стало известно о предательстве Мазепы, последовала масса челобитных о преданности малороссиян московскому престолу, причем не только из тех полков, где рядом находились великороссийские ратные силы, но и из тех полков, где их не было. Они пришли из городов Прилук, Лубен, Лохвицы, Новгород-Северского, из земель Правобережья. На Глуховской Раде был избран новым

гетманом Скоропадский, объявивший, что будет продолжать дело Богдана Хмельницкого. Полк за полком присягали Петру, героически сражались вместе с русскими войсками и казаками жители Веприка, Опошны, Ромен, Кобеляк, Полтавы. Особо вошел в летопись войны городок Веприк, который мужественно оборонялся. Войско Карла, ведомое им самим, не могло взять городок несколько дней. 30 декабря 1708 года Карл отступил, пережидая невиданные морозы (природа всегда, кстати, морозит в России оккупантов, что тогда в 1708 — 1709 гг., что в 1812, что в 1941 — 1942 гг.), и 6 января уже 1709 года снова пошел на приступ «злосчастного» Веприка. И снова отступление. 7 января новый штурм, но осажденные поражали их выстрелами и камнями, поливали склоны водой, и войска скользили по льду, лили на взбирающихся кипяток, вар, и лишь поздно ночью гарнизон и 400 малороссиян были взяты в плен. Карл за храбрость даже одарил их польскими злотыми, а казаков отпустил по домам. Но Веприк приказал шведскому майору Вильдемееру сжечь. Так Веприк, как Полтава, стал символом сопротивления. Решительно поддержала борьбу с захватчиками Православная Церковь на Украине. Киевский митрополит Кроковский и Переяславский епископ Захария Корнилович отслужили молебен и благословили гетмана Скоропадского и провозгласили анафему в «вечное проклятие вору и изменнику Мазепе». То же сделали архиерей Черниговский и Новгород-Северский протопоп Афоний Заруцкий. Известный историк XIX века украинофил Николай Иванович Костомаров, с известной долей симпатии исследовавший жизнь гетмана Мазепы, так характеризовал события: «Гетман Мазепа как историческая личность, не был представлен никакой национальной идеей. Это был эгоист в полном смысле этого слова. Поляк по воспитанию и приемам жизни, он перешел в Малороссию и там сделал себе карьеру, подделываясь, как мы видели, к московским властям и отнюдь не останавливаясь ни перед какими безнравственными путями... Он лгал всем, всех обманывал — и поляков, и малороссиян, и царя, и Карла, всем готов был сделать зло, как только представлялось ему возможность получить себе выгоду или вывернуться из опасности. Он воспользовался существовавшим у малороссиян желанием сохранить автономию своей страны и свою национальность и обманывал старшин, будто у него план — приобрести для Украины самостоятельность. Но на самом деле, как показывал его тайный договор с Лещинским, он думал отдать Украину под власть Польши..., причем Мазепа знал хорошо: ненавидевший его народ не будет повиноваться новой династии... Ему не жаль было того народа, у которого он за 20 лет своего правления не мог приобрести любви... Он только обманывал своих малороссийских соумышленников призраком независимости, а на самом деле собирался их ввергнуть со всею страной в рабство...»

Да что украинофил Костомаров. Петр I, который мог, казалось, не доверять Малороссии после Мазепы, увидел, что народ и казачество против шведов и измены — за братский союз с Россией. Он ввел казачьи отряды в Полтавский бой и, обращаясь к войскам, произнес ободряющую речь, в которой отметил: «Волею Божией казацкие и малороссийские народы вразумлены, остались нам верными... Порадейте же товарищи! Вера, Церковь и Отечество от вас требуют».

Итак, в истории России Полтавская битва стоит рядом с Куликовской битвой, битвой ополчения Минина и Пожарского за Москву, битвой под

Бородино, сражениями под Москвой, Сталинградом и Прохоровкой, которые спасли Отечество от порабощения и уничтожения.

Полтаве должен поклониться Санкт-Петербург за свое существование, ибо Карл XII неоднократно в своем походе утверждал, что он уничтожит это творение Петра.

Полтавскому сражению обязана и Москва, ибо после победы под Полтавой король предполагал повернуть на Москву и посадить там «своего царька», рассечь Россию на куски и уготовить Москве роль заштатного городка.

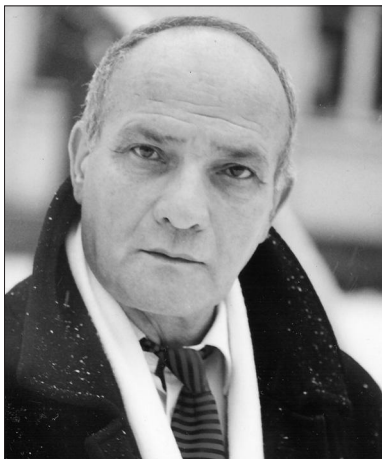
Полтаве должна быть благодарна русская речь, ибо очередной завоеватель ставил своей целью уничтожить Россию, а, следовательно, и язык народа.

Вечная слава всем соотечественникам, русским и украинцам, полководцам, воинам, казакам, защитникам Полтавы, отстоявшим Отечество наше от врагов, не позволившим исчезнуть нашему народу.

РУССКИЙ СИЛУЭТ

Г. Нарбут. Иллюстрация к басне «Фортуна и Нищий» в книге «Три басни Крылова». 1911

Кавад РАШ

КРЕСТОВЫЕ БРАТЯ

Кавад Багирович Раш — родился в 1936 году в Армении, в курдском селе Акко. С 1943 года обучался в русской школе в Кахетии. Окончил ЛГУ, факультет журналистики. Работал в Новосибирске журналистом. В Академгородке создал фехтовальную школу с целью органично соединить дух Царскосельского Пушкинского лицея с лучшими традициями кадетских корпусов, где проработал 10 лет. Историк, публицист, секретарь Правления СП России, капитан 1 ранга запаса. **Живет в Москве.**

Подвиг богатыря-монаха и боярина Александра Пересвета пронзил века, как и подвиг боярина-монаха Андрея Осляби.

Когда преподобный Сергей благословлял на битву с ордой своих монахов-бояр, он, сам боярин, хорошо знал, не только по семейным преданиям, о многовековой традиции на Руси любимцев всего народа — витязей Господних — идти в сражение под знаменем Христа.

Накануне 1917 года имена Пересвета и Осляби носили русские броненосцы. Они и сейчас наши родные современники. Но ни жертвенное служение богатырей, ни великий акт пославшего их на бой преподобного Сергия мы до сих пор не осмыслили, и эта духовная боязливость стоила нам катастрофы 1917 года и позорного «февраля», когда, по замечанию современника событий архимандрита Константина Зайцева, «наше Отечество оказалось низвергнутым в бездны сатанинские с самой кручи величайшего в нашей истории общественно-политического подъема».

Теперь, в XXI веке, чтобы строить на правильных и прочных основах новую Россию, необходимо уважительно, по-сыновнему, но трезво и строго осмыслить духовное наследие, оставленное предыдущими поколениями. Прежде всего необходимо пересмотреть свое отношение к существу русской литературе, историографии и вообще всей общественной мысли обличительному пафосу и самоуничтожению. Упор у таких историков делался не на солидарность русского народа и его сословий, а на раздоры, междоусобицу и вероломство князей. Миролюбивые и братские поступки князей и их съезды почти не упоминались. Не выявлялся всепронизывающий вечевой строй русской жизни, дух всех ее городов (а не только Новгорода и Пскова) и всех сел с их сходами. О церковных собо-

рах сообщалось глухо и нехотя. Боярская Дума (парламент) принижалась. Святые подвижники, духовные вожди народа становились как бы явлением второстепенным. На таком фоне и при подобном разрушительном задании всеми почти историками было просмотрено становое явление всей русской истории, а именно деяния святых богатырей, которых народ повсеместно чтит и называл Божиими людьми.

Битва. Иллюстрация В. А. Фаворского

при жизни Гоголя и автора гимна-молитвы русского народа Жуковского, да в царствование великого змееборца Николая I, который разогнал картечью мятеж декабристов, готовивших истребление царской семьи, вплоть до детей, уже в то время. Тем самым Николай I отодвинул ГУЛАГ на столетие, став, в сущности, творцом великого пушкинского века русской культуры.

Ядро Божиих людей поставляла боярско-дружинная среда, что было невыносимо для разночинных расстриг-семинаристов и детей вчерашней дворни. Против «угнетателей народа» уже тогда велась тотальная, тайная и беспощадная война либералов всех мастей (и западников, и славянофилов), война всеми средствами — заговорами, пером и вскоре бомбами.

Богатырская тема защитников Руси, самое поэтическое явление в русской истории, оказалась нераскрытой, и тем самым народ и его юношество оказались буквально обкраденными. Великий и почти забытый русский историк Иван Забелин (1820-1909), создатель Исторического музея в Москве и более двадцати лет его руководитель, говорил: «Всем известно, что древние, в особенности греки и римляне, умели изображать в своей истории лучших передовых своих деятелей не только в исторической, но и в поэтической правде. Они умели ценить заслуги героев, умели различать золотую правду и истину этих заслуг от житейской лжи и грязи, в которой каждый человек необходимо проживает и всегда больше или меньше ею марается. Они умели отличать в этих заслугах не только реальную и, так сказать, по-

Еретическое и языческое идолопоклонство перед т.н. простым народом, внедренное извне для раскола Русского государства, «народа», из которого хитро исключались все остальные сословия, привело к жутким перекосам, краху государства и кровавому ГУЛАГу.

Будем помнить, что открытая война европейским государствам была объявлена еще в 1848 году публикацией Коммунистического манифеста, он найдет особо рьяных последователей в апостасийной несчастной России, образованная прослойка которой к тому времени уже начала изменять вере отцов. И это еще

лезную их сущность, но и сущность идеальную, то есть историческую идею исполненного дела и подвига, что необходимо и возвышало характер героя до степени идеала.

Наше русское воздвигание истории находится от древних совсем на другом, на противоположном конце. Как известно, мы очень усердно только отрицаем и обличаем нашу историю и о каких-либо характерах-идеалах не смеем и помышлять. Идеального в нашей истории мы не допускаем...»

Но «не обижена Богом в этом отношении и русская история...», — завершает Иван Забелин.

Суждение выдающегося историка, тяжело переживавшего террор бомбистов и бесчинства смуты 1905 года, есть не частное мнение исследователя, а по существу национальное задание на ближайшие столетия для всех историков, мыслителей, писателей, режиссеров, всего журналистского сообщества и, прежде всего, государственных мужей.

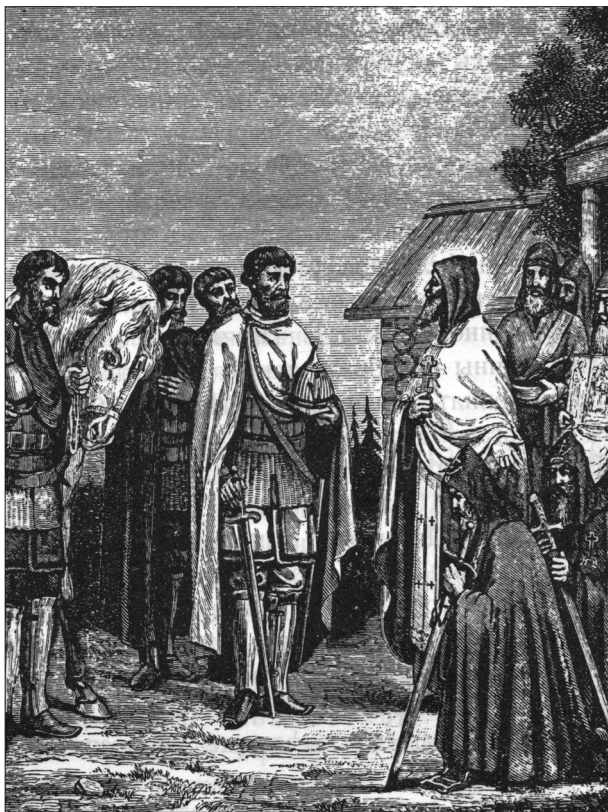
Прав историк, «не обижена Богом в этом отношении русская история», но после Державина, Сергея Аксакова и Пушкина одержимые бесовским обличением писатели и историки не осмыслили доордынский героический период родной истории, когда окончательно сложился русский характер, судя по деяниям богатырей и былинам.

* * *

В XII веке русская земля была осчастливлена подвигами великих витязей. Богатырь Владимира Мономаха, будущий игумен Даниил, служил Богу мечом, как и святой Илья Муромец, как сын ростовского попа Алеша Попович и боярин Добрыня Никитич в образе витязей Господних и любимцев всего русского народа. Добрыня и Алеша — змееборцы, их мечи сносили голову Змию.

Художник В. Васнецов задумывал картину «Три богатыря» как новую икону. Три всадника богатырски служат Церкви и Отечеству. Их религиозный и воинский дух сделали их национальными наставниками народа.

Без религиозного подвижничества русских богатырей невозможно объяснить такое глубокое, орга-

Благословение на битву при. Сергием Радонежским св. блгв. великого князя Димитрия, Пересвета и Осляби

Поединок

ническое и спасительное явление русской жизни, как казачество, а также весь корпус русских былин.

Русская богатырская традиция не прерывалась многие века. После святых Бориса и Глеба мы твердо помним богатыря-игумена Даниила (XI в.), преподобного атамана богатырской заставы Илью Муромца (XII в.), жертвенного витязя Евпатия Коловрата и святого князя Александра Невского (XIII в.), святого князя Димитрия Донского (XIV в.), князя Даниила Холмского — победоносного воеводу века, любимца московского духовенства, отличавшегося личным мужеством в битвах (XV в.), атамана Ермака князя Сибирского, прославленного с дружиной (XVI в.).

Говоря о традициях богатырства, мы начали с XI века, с игумена Даниила. На самом деле следовало бы начать, как минимум, с века IX. Византийский патриарх Фотий писал: «Эти скифы рекомые Рос...» не только были готовы заключить мир с Византией после нападения на Царьград, но и выразили готовность креститься. Русь была крещена богатырем-правителем Киева Аскольдом в 860 году при содействии святых солунских братьев Кирилла и Мефодия. Сам Аскольд крестился с именем Николай.

Аскольд был вероломно убит язычником князем Олегом. Есть сведения, что церковь во имя святого Николая над могилой Аскольда поставила святая княгиня Ольга (преставилась в 969 году).

Иоакимовская летопись называет Аскольда Блаженным. Почитание его в Киеве было всеобщим. Как победитель хазар и отважный воин Аскольд был любим народом.

И вот наступил век Петра Великого. До него мы перечисляли богатырей, ставших духовными вершинами своего века, принявших перед кончиной схиму. В каждом веке с ними служили тысячи доблестных православных подвижников.

И царь Петр неотделим от своей гвардии. За год до конца XVII столетия (век, который наши глуповатые книжники-историки относят к Древ-

ней Руси) Петр заложил по своим чертежам корабль с многозначительным именем «Гото Предестенация» (Божье Предопределение). К этому времени у царя-корабеля в Преображенском полку четыре тысячи отборных и обстрелянных в Азовских походах богатырей. Ядро поставляют дворяне. Все солдаты царя навсегда освобождаются от крепостной повинности. Вместе с семеновцами гвардия Петра I создает невиданный в мировой истории русский век. Гвардейцы Преобразователя выполняли в походах роли пушкарей, гренадер, мушкетеров, морской пехоты, судовых команд. Они стали первыми моряками регулярного флота. Между боями гвардейцы решительно и расторопно выполняли труднейшие поручения Государя по управлению государством.

Такой гвардии и такой страны не знала история. Петр Великий с помощью гвардии выковал имперский доспех для Святой Руси. Петр верил, что с помощью Преображенского полка Бог доверил ему перековать русскую душу в битвах и трудах и преобразить Россию. Сделать это он был намерен, став личным примером для подданных, проявляя исключительную честность, отвагу и трудолюбие. Преображение Господне — любимый праздник царя. Петр I знал, что этот религиозный праздник отмечает только Православная Церковь, а из всех православных церквей он особенно почитаем Русской. В 1700 году Петр I утверждает полковое знамя преображенцев. На знамени — сам юный царь, принимающий от Всевышнего меч и надпись: «Бог препоясывает меня силою и устрояет мне верный путь».

Петр I продолжил религиозное служение Руси. После Полтавской победы он войдет в Москву в мундире Преображенского полка и в прострелянной в бою треуголке. Каждый год царь-герой отмечал полтавскую годовщину в преображенском мундире и прострелянной треуголке. Двести лет в этом мундире будут короноваться русские императоры. Полтавскую победу Петр I с глубочайшим смыслом назвал Русским Воскресением.

Богатыри. Картина В. М. Васнецова

*Бой Добрыни со Змеем.
Картина К. А. Васильева*

С той победы русские гвардейские мундиры стали православной национальной одеждой россиян. В тот день под Полтавой Петр I был, по вещему определению Пушкина, «весь, как Божия гроза!»

Витязь-монах Александр Пересвет есть первообраз всех всадников русского героического тысячелетия до последнего русского всадника тысячелетия Георгия Жукова, принимавшего в 1945 году на белом коне парад гвардейцев-победителей. Петр Великий, отец Отечества, незримо присутствовал в прострелянной треуголке и преображенском мундире в тот дождливый июньский день на Красной площади. Преображенский мундир стал одеянием, подтверждаемым святым коронованием и символом имперского доспеха Святой Руси. Цари короновались в этом мундире и в нем же погребались. Только император

Николай I просил похоронить его в мундире лейб-гвардии Атаманского полка, ибо среди предателей-декабристов не было ни одного казака.

Русские витязи Господни несли тысячу лет богатырское послушание в поле. Из этого движения выросло казачество как форма религиозного послушания в дозорах, заставах и станицах. Императорский драгун маршал Жуков носил имя Змееборца Георгия.

Георгий Жуков — величайший русак XX столетия после гибели Царской Семьи. Он сам признавался, что при иных обстоятельствах мог оказаться в Белой армии. Однако Господь берег его для другой судьбы. Звезда Жукова взойдет в 1940 году в Монголии, когда он, окружив, разгромил японскую армию, используя в том сражении больше всего танков одновременно за всю историю войн. Так Жуков с помощью Сталина создал русский период в Отечественной истории после 1917 года (1941-1991). Этому русскому периоду не смог помешать твориться даже Хрущев, как ни куролесил он десять лет. Даже «ленинский ЦК» — тайный и полновластный хозяин страны — вынужден был до поры терпеть этот русский фактор, рожденный на полях кровавых битв. В войну в 1941 году вступила Красная Армия, из Берлина вернулась, по существу, Русская армия. Это явление красноречиво

признал Сталин, подняв после Парада Победы на Красной площади тост за русский народ.

Даже в 1937 году, после двадцати лет палаческих репрессий, убийств священников и взрыва церквей, во время переписи населения более половины граждан в опросных листах исповеднически мужественно написали, что верят в Бога. Две трети солдат и офицеров во время войны с нацизмом перед боем молились Богу. Сталин все это знал, как знал и то, что Курчатов перед испытанием атомной бомбы молился в Новодевичьем монастыре перед иконой Божией Матери Одигитрии.

«Левых» народов в природе нет хотя бы потому, что левые не выживают, а исчезают, оставляя после себя смрад.

У Воланда правый глаз мертвый, левый мерцает зеленым светом.

В правом углу висят иконы.

Правую руку подают при рукопожатии.

Левой рукой наливают палачу. Левые пути неизбежно ведут в погибель и проклятие.

Все мошеннические и воровские дела зовут «левым заработком».

На Страшном Суде праведники станут справа от Спасителя, а грешники — слева.

Даже Сталин в трагический час сказал народу: «Наше дело правое — победа будет за нами». Зюганов говорит: «Наше дело левое, победа будет за нами». В таком случае, увы, ему и его партии уготована участь вечных маргиналов-неудачников.

Ни в одной из пяти Конституций, принятых у нас после 1917 года, не упоминается Бог. Так же, как во всех философских словарях и энциклопедиях, нет слов «благородство» и «достоинство». Потому мы единственная в истории человечества страна, где люди обращаются друг к другу по половому признаку: «мужчина» и «женщина».

* * *

До ордынского нашествия хана Батыя летописец отмечает, что Русь отразила 37 больших нашествий половцев. Половцы — тюркизированные кочевники-иранцы. Они тюркизированы, как и татаро-монголы, но еще не исламизированы. Кроме половецких натисков, до них еще Русь испытывала нашествия скифов, авар, торков, хазар, печенегов. Русь жила, как осажденный воинский лагерь. Отсюда города, крепости и остроги, отсюда богатырские заставы и мотивы эпических песен, и характер народа, ковавшийся в сечах.

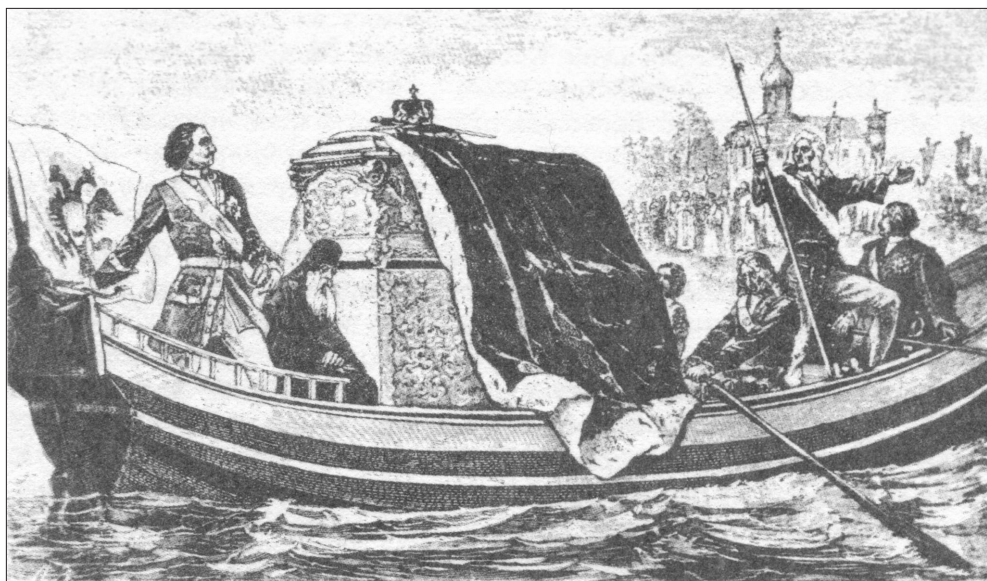

Св. Александр Невский

О чем же поют русские былины в веках? Что они завещают нам? Вопреки либеральной ереси «западников» и «славянофилов» о якобы исключительной праведности только простого народа (позже его назовут пролетариатом) все былины пронизывает идея братства сословий и мечта об органичной целостности народа от князя до боярина, воина, гостя-купца, священника и землепашца, как залог безопасности и процветания. Эти песни не только о мужской дружбе и отваге, они призывают к верности Христу, Отечеству, родному языку и братству. Былины рождались, как и эпические песни Запада, в военно-дружинной среде и бытовали затем во всех слоях народа, призывая к нравственной высоте, ибо Господь наш есть Отец верности.

Песни возвещают о явлении в мир рожденного в трудах и сечах одухотворенного русского характера. Богатырь-боярин Добрыня Никитич, потрясенный победой Ильи Муромца над дотоле непобедимым Соловьем-Разбойником, говорит на княжеском пиру крестьянскому сыну из-под Мурома:

*Гой ты первый богатырь наш киевский,
Старый Илья Муромец Иванович!
Держим все мы на тебя надежду крепкую:
Уж прими-ка ты меня, Добрынюшку,
А со мной и моего брата меньшого,
Смелого Алешеньку Поповича,
Во свои во братья во крестовые.*

Перенесение Петром I мощей св. Александра Невского в Петербург

В этом случае витязи обменивались золочеными крестами и заключали друг друга в крепкие братские объятия. Так создавались богатырские заставы крестовых братьев за Святую Русь!

Там же Добрыня урезонивает брата крестового Алешеньку за склонность к молодецкому буйству:

*Ай же смелый ты, Алешенька Попович млад!
Любо всякому могучему богатырю
По чисту полю порыскать, пополяковать,
Силой с супротивником померяться,
А с неверными за Святую Русь
Позакладывать и буйну голову,
Простоять хоть век свой на заставушке,
За сирот, за вдов, да за бедных людей.
Да не честь же, не хвала богатырю
Для ради утехи молодецкия
Проливать безвинную человечесю кровь.*

Пробьет час, и крестовые братья святого Дмитрия Донского во главе с витязями-монахами Пересветом и Ослябей разобьют Орду, как писали летописи тогда: «И престало время у татар. И наступило время русских». Русская новая армия Петра I во главе с крестовой гвардией дарует нам «Русское Воскресение». 24 июня 1945 года Парад Победителей примет на белом коне Георгий Жуков, самый великий воевода русского тысячелетия. По Красной площади пройдут сводные полки десяти фронтов во главе с деревенщиками-командующими. В колоннах пройдут и отборные отряды и казаков, и морской пехоты. Только один человек на параде знал, что перед ним маршируют тайные крестовые братья. Это был Сталин.

Крестовые братья сражались в Великом Афганском походе, а потом потрясли мир былинной стойкостью в Аргунском ущелье — псковские десантники из шестой роты.

Родные былины поют нам о том, что русский народ никогда не был ни левым, ни красным, не болел дурью всемирности, ибо всемирность — об-

*Маршал Советского Союза
Г. К. Жуков. Картина К. А. Васильева*

ратная сторона бездарности, и лелеял детей, и чтил родителей, и не страдал социалистической склонностью к осквернению могил отцов.

Никита Михалков, чей отец Сергей Михалков стал автором двух гимнов державы и чей дворянский, столбовой крестовый род пятьсот лет верно служит России, сказал: «Недаром же великий Достоевский так просто и емко определил, что такое политика: Политика — это любовь к Родине. Нужно ли что-либо добавлять к этим словам?»

А мы от себя добавим, что гимны Сергея Михалкова — продолжение былинных песен Руси. Музыку к гимну написал генерал Александров, регент храма Христа Спасителя, сдававший экзамены Римскому-Корсакову и учившийся в Императорской капелле, которой руководил создатель «могучей кучки» Милий Балакирев.

Императорская певческая капелла — это нынешняя петербургская капелла имени М. Глинки, бывший хор государевых певчих дьяков. Этот хор существует более полутысячи лет, с того дня, как он впервые запел в 1479 году при Иване III при освящении Успенского собора Кремля.

Несменяема крестовая стража русистов со времен князя Аскольда. В вечном дозоре три брата-богатыря во главе с атаманом святым Ильей Муромцем, как символ Белой Троицы и единства украинцев, русских и белорусов.

*Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота — океан-море,
Широко раздолье по всей земле!*

СОРАТНИКИ

ПРАВОСЛАВНЫЙ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ®

Какая польза человеку,
если он приобретет весь
мир, а душе своей
повредит?

Евангелие от Матфея 16, 26

Газета «Православный Санкт-Петербург» — единственное всероссийское издание в граде святого Петра. Существует с 1993 года по благословению Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева; + 1995). Издается четыре дочерних газеты: «Соборная весть», «Правило веры», «Горница», «Чадушки», которые входят в подписку.

Индекс всероссийской подписки
в каталоге «ПОЧТА РОССИИ»: **31420**

Адрес редакции:
190013, Санкт-Петербург,
Бронницкая ул., д. 17, кв. 4.

www.pravpiter.ru
aleksanrr2796@yandex.ru (дом.)
pravspb@yandex.ru (ред.)

Тел. 8 (812) 317-99-49

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Наталья НАРОЧНИЦКАЯ К ВЕЛИКОЙ НАЦИИ ЧЕРЕЗ ПОЛЕ КУЛИКОВО

Наталья Алексеевна Нарочницкая — доктор исторических наук, окончила с отличием МГИМО, специалист по США, Германии и общим проблемам и тенденциям международных отношений. В 1982–1989 гг. работала в Секретариате ООН. Автор фундаментального труда «Россия и русские в мировой истории», опубликовала более 40 научных трудов. Одна из инициаторов и сопредседателей форумов и объединений русской общественности. Президент «Фонда исторической перспективы». **Живет в Москве.**

На наших глазах распалась великая Держава, современная Россия вновь и вновь подвергается воинственным в новых проявлениях выпадам Запада. Как следствие этой трагедии, происходит очевидная духовно-нравственная деградация народа, лучшая часть которого все же не потеряла духовных основ, связанных с православной верой, хранит их в чистоте и сегодня является единственной надеждой грядущей России, пути движения к которой можно понять, только обратившись к ее славной и драматичной истории.

Значение Куликовской битвы в истории России трудно переоценить. Был совершен не только воинский подвиг, но тяжелейший для раздробленного, поработанного государства подвиг духовный. Только осознав, что государственная власть есть Божеское установление, что она неотделима от Церкви, что властитель наделен обязанностью распространения Христовой истины между подданными, что вера есть основа каждой жизни человеческой, что, воюя за Землю Русскую, воюют за ее святыни, за ее духовное пространство, можно было победить, выйдя на клич Дмитрия Донского: «Подымайся, Русь, на борьбу!»

Историю этого трудного понимания и его непреходящее значение для России грядущей исследует в своей статье доктор исторических наук **Наталья Нарочницкая.**

Отпор Мамаеву нашествию, который начал формироваться задолго да поля Куликова, мож-

но назвать общенациональным, основанным на духе и воле. В то время как иерархи, получавшие ярлыки на церковное служение от Орды, так и не решались провозгласить национальную задачу — освобождение от ига, эта воля была освящена из скита Радонежа. Имя тогдашнего митрополита Киприана в народной памяти не сохранилось, но Сергей Радонежский, благословивший Дмитрия Донского, стал Игуменом земли Русской, поскольку послал на бой, по преданию, иноков — Пересвета и Ослябю, тем самым, придав русскому войску духа Христова воинства. В последний период монгольского владычества Орда ощущала постепенное превращение совокупного потенциала русских земель в равновеликую ей силу. Сохранение Православной веры как духовного стержня обеспечило редкую в истории непрерывность сохранения самостоятельности народа. Сложной системе взаимоотношений внутри вынужденной исторической связки «Русь—Орда» посвящены многочисленные исторические исследования, — как в прошлом, так и в наши дни.

К примеру, исследователь и публицист В. Кожин, — евразиец, и этим объясняется его гипотеза о том, что Мамай не выражал политику всей Орды, которая, якобы, эволюционировала и стала срастаться с Русью. Этот тезис опровергает хотя бы тот факт, что вскоре после Мамаево побоища, уже бесспорный лидер Орды, разорил Москву. Убедительнее представляется другое наблюдение Кожина: связи западноевропейских сил (Венеции и Генуи как сильнейших торговых и морских городов-государств, стоявшего за ними Папства, а также ростовщиков, контролировавших торговлю) с наиболее агрессивной частью золотоордынских владетелей, одним из которых и являлся крымский Мамай; европейское подстрекательство и участие в подготовке мамаева нашествия. Этот исторический аспект еще более усиливает значение Куликовской битвы и разгрома Мамаево как ставленника не только Орды — «Востока», но и католической Европы — «Запада».

По словам митрополита Иоанна, «несчастья внешние должны были послужить к обильному преуспеянию внутреннему, показуя русским людям бессилие человеческих мер к предотвращению бедствий одновременно со всемогуществом Божиим, единым Своим мановением низвергающим или возвышающим целые народы»... Осмысление религиозного содержания власти как служения и ревности о вере, а не только о владении, было в прежние времена достоянием лишь отдельных выдающихся государственных деятелей (напр., А. Боголюбского), но в годы монгольского ига получило окончательное толкование.

«Русский народ, по контрасту с азиатской тьмой навалившегося на него татарского ига, сначала языческого, а потом мусульманского (XIII—XV века) сразу же осознал себя носителем света Христовой веры, защитником ее от неверных, а свою землю почувствовал как «святую Русь». «Святую» в противоположность всем иным землям, оскверненным ересями, иноверием и неверием, — пишет А. Карташев. — Русский народ в этот момент исторически почувствовал себя совершеннолетним, духовно вырос в великую нацию». Светские историки также отмечали

эту веку в развитии русского национального сознания и русской нации. Ведь на Куликово поле вышли рязанцы, москвичи, владимирцы, псковитяне, а с Куликова поля все они вернулись русскими.

Большой пласт произведений, составляющих так называемый Куликовский цикл, свидетельствует, что Русь победила, лишь поднявшись на защиту святынь Православия, но не политических или земельных интересов. «Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича» показывает, что христианское осмысление власти подошло к своему завершению — к учению о Православном Царе, которым в Житии назван Дмитрий, — именно в эсхатологическом смысле, ибо употребление этого титула в мирском значении началось лишь через полтора столетия.

П. Чаадаев писал, что «продолжительное владычество татар — это величайшей важности событие... как оно ни было ужасно, оно принесло нам больше пользы, чем вреда. Вместо того, чтобы разрушить народность, оно только помогло ей развиться и созреть... Оно сделало возможным знаменитые царствования Иоанна III и Иоанна IV, во время которых упрочилось наше могущество и завершилось наше политическое воспитание».

Н. Данилевский точно определил условия, необходимые для формирования сильной, основанной на национальном самосознании государственности, ранее незавершенной из-за естественной разницы местных интересов. Зависимость, а не только внешняя опасность играет роль исторического воспитания, которое научает «дорожить народною свободой и честью». Из форм зависимости — рабства, данничества и феодализма он выделяет именно данничество как воспитательную историческую форму, ускоряющую формирование общенационального мировоззрения, поскольку при данничестве завоеватель не смешивается с покоренным народом, слишком отличным от него.

В ходе монгольского погрома непоколебимой и неповрежденной устояла лишь Православная Церковь, которой пришлось испытать немало искушений и давления — но уже не столько от монголов, сколько от Запада, от латинства. Папство, сосредоточившее в XIII столетии в своих руках как духовную, так и светскую власть, явно воспользовалось положением разоренной и обескровленной Руси, благословив и направив против нее оружие датчан, венгров, монашеских католических орденов, шведов, немцев. Святой Престол не постеснялся испробовать даже антирусские интриги при дворе Батыя.

...О последовавшем после Куликовской битвы возрании Московии написано много. Среди причин и предпосылок этого исторического явления называли и удачное пересечение торговых путей, и географическое положение, и другие факторы природного свойства государства. Однако для времен пятисотлетней давности именно географические и природные условия Московской Руси, действительно «обделенной природой», должны были, казалось, стать как раз непреодолимым препятствием для превращения ее в державу. Западная историография в целом весьма презрительно трактует московский период русской истории как «темный тупик цивилизации».

Большую роль в утверждении такого стереотипа сыграл Н. Бердяев, который, благодаря сочетанию западничества, либерализма и «православной философии» единственный удостоился признания со стороны западного обществоведения. Его перу принадлежат легковесные схемы вроде: «Московский период был самым плохим периодом в русской истории, самым душным, наиболее азиатско-татарским по своему типу...» Но именно в московский период Русь проделала колоссальный путь всестороннего развития, сохраняя в основании своей государственности «воплощенный в праве органический строй» и дух народной жизни.

В общественное сознание глубоко внедрена и другая «аксиома», будто только Петр Великий, европеизировавший государственный механизм, вывел Русь из изоляции и «летаргического сна», обеспечил импульс к развитию и территориальному расширению. Но правда состоит в том, что и до Петра I Русь территориально расширялась не меньшими, а даже большими темпами. С царствования Ивана III уже можно говорить и о европеизации Московской Руси, в смысле широких контактов и взаимопроникновения культур.

Гарвардский «русист» Р. Пайпс награждает Московскую Русь уничижительными оценками, не приводя никаких исторических фактов, которые свидетельствовали бы о ее особой отсталости или варварстве. Его задача — обличить само основание русской государственности, — принцип власти верховной, а не управительной, реализованный в православном самодержавии.

Запад нелегко мирился с геополитическими сдвигами и ростом России. Закрывая собой христианский мир с Востока, Русь, тем не менее, постоянно подвергалась экспансии и угрозам латинизации со стороны Западной Европы, видевшей в ней через призму своей извечной гордыни именно варварский Восток. В этом плане весьма убедительно суждение академика В. Мясникова о том, что «становление империй было императивом времени», и имперская идея России была ответом на исторический вызов, ибо ее окружали не государства, а иные цивилизации с имперской идеологией.

Уникальное по масштабам развитие и распространение Руси-России по двум направлениям: меридианальному — к Северному и Балтийским морям и на Юг — к Черному морю, а также широтному — от Днестра и Днепра, от Черного моря до Тихого океана, стало важнейшим фактором формирования современного облика как Западной Европы, так и Азии. Именно это распространение остановило и раздвинуло, заставив откатиться, оба столь разных по культуре исторических потока, стремящихся с Запада и с Востока к геополитической оси (не географическому центру) Евразии — линии от Балтики и Северного моря до Черноморско-Каспийского бассейна.

В. Максименко в обзоре русского политико-географического развития в контексте движения западных и восточных народов Евразии подметил закономерности, не меняющиеся в зависимости от систем власти, революций или научно-технологических прорывов: начиная с XIII века «завязывается многовековой геополитический сюжет», ра-

зыгрывавшийся и в XX веке. Суть его в том геополитическом вызове, с которым, как показал автор, в течение семи столетий периодически сталкивается Россия: одновременное сжатие Западом и Востоком — своеобразные геополитические «клещи». Заметим, что они сжимаются синхронно и осознанно с того момента, как произошло географическое соприкосновение азиатской и западноевропейской волн. «Как только острие военного натиска монголов обратилось на Русь, крупный шаг к экспансии в ее пределы сделал папский Рим», — пишет Максименко. Он вскрывает дальние намерения не только прямых попыток вступить в союзные отношения с монголами, но и торговых и «географических» предприятий Р. Чэнслера и «искателей приключений» из Московитской кампании, прокладывавшей в XVI веке через Русь путь в Персию, Китай и к Индийскому океану, — с видами на установление английского протектората над «той частью Московии, что лежит между Архангельском и рекой Волгой».

Всем этим планам не суждено было свершиться. Россия успешно выдержала и длительное восточное затопление, и резкие западные штормы. Она последовательно расширяла свои географические пределы в Евразии до тех масштабов, что сделала ее, как уместно применил В.Максименко терминологию Х. Маккиндера, «осевым пространством мировой политики», потому она и оказалась в «центре всемирно-исторической драмы Нового времени».

Превращение Руси в Россию стало определяющим в судьбе православной цивилизации. Свободная от культуртрегерской агрессии, присущей католическому романо-германскому духу, православная цивилизация могла устоять, лишь заняв прочные пространственные рубежи. Роль России как держателя равновесия в мировом соотношении сил и представляющих эти силы государств сформировалась только по закреплению ее географического положения.

...Закономерностью формирования государственных территорий является выход к морям. Борьба за выходы к морю была главным содержанием истории вплоть до окончательного формирования политико-географического облика мира. Лишь державы, имеющие выход к морю, стали играть и до сих пор играют не только заметную, но основополагающую роль в мировом балансе сил. Именно они стали системообразующими факторами в формировании всех порядков международных отношений. Таковой державой сделал и Россию ее выход к Балтийским берегам на Северо-Западе, к Черному морю с окончательным укреплением в Крыму — на Юге, и к Тихому океану — на Востоке, что завершило освоение Сибири и Дальнего Востока.

На этом, обильно политом русской кровью пути, Потемкин стал Таврическим, Румянцев — Задунайским, Суворов — Рымникским, Дибич — Забалканским, Паскевич — Эриваньским, Муравьевы — Карским и Амурским. Для России, страны-цивилизации, географическое расширение и укрепление на морях было закономерным условием ее выживания. Это осознанно или интуитивно чувствовали русские государи от Александра Невского до Петра I. Петр Великий

не очень ценил русское своеобразие, но первым осознал гигантский потенциал России и народа, ощутил геополитические нужды государства, парализованного давлением Швеции, Польши и вассалом Турецкой империи — Крымским ханством.

Явлением, полностью изменившим расстановку сил в Европе, стал рост могущества России в XVII—XVIII веках. Россия превратилась в огромную империю, равной которой по размерам Европа не знала со времен Рима. К. Маркс, не жаловавший Россию, писал: «Изумленная Европа, в начале правления Ивана едва знавшая о существовании Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была ошеломлена внезапным появлением на ее восточных границах огромной империи, и сам султан Баязид, перед которым Европа трепетала, впервые услышал высокомерную речь Московита...»

Путь возрастания и взросления русской цивилизации проходил через стояние на реке Угре, через смуту и изгнание поляков из оккупированного ими Кремля. На этом пути особое значение имело восстановление общей исторической судьбы православных россос — малороссос, белорусов и великороссос, сделавшее их неуязвимыми от давления антиправославных сил. Но в XIX веке, несмотря на непрекращающийся рост мощи государства, собирание русских земель не продолжилось. В следствие этого, Галиция осталась под властью Австрии, сумевшей придать русофобский характер местному украинифильству.

Россия, сформировавшаяся в гигантскую державу, в которой через веротерпимое православное ядро мирно и конструктивно в историческом сравнении сосуществовали Азия и Европа, примирила противоборство между азиатским и европейским духом. Найденный баланс обрел мировое значение. «Россия дала обратное движение той верхне-азиатской волне, которая чуть не поглотила ее наравне с культурной Азией, — подвел итог С. Южаков. — С Запада, наконец, явилась сила, которая взялась... устроить мир между культурной Азией и ее северными соседями... Но эта задача России, приведшая ее к границам Леванта, Персии, Китая и Средне-Азиатских ханств, быстро приблизила ее к Индии — тому Востоку, на который Англия смотрит с почти любовной ревностью, как на свое достояние».

Что касается России, то ее движение в Азию, продиктованное исторической необходимостью, в отличие от английского, не принесло ей от того Востока, в который она проникала, «никакого богатства, только тяжести и жертвы без вознаграждения, если не считать вознаграждением безопасность границ от разбоев и набегов». Запад, спасенный русским кордоном, тем не менее, нелегко мирился с этими геополитическими сдвигами. Обретения Петра Великого не давали покоя Европе более двух веков, пока они не были сданы адептами сахаровско-горбачевской школы. И хотя Россия вновь заслоняет Европу от проснувшегося завоевательного духа иной цивилизации, все также верны слова А. Пушкина: «Европа всегда была в отношении России столь же невежественна, как неблагодарна».

ПОЭЗИЯ

Юрий ШЕСТАКОВ

«МИРУ ДОЛГОЖДАННОМУ НАВСТРЕЧУ...»

Юрий Михайлович Шестаков — родился 13 января 1949 года в селе Богословка Курской области. С семи лет живет в Ленинграде-Санкт-Петербурге, где закончил среднюю школу и физико-химический факультет Ленинградского технологического института им. Ленсовета. В 1988 году принят в Союз писателей СССР. В 1993 году закончил Высшие литературные курсы Московского Литературного института им. А. М. Горького. Лауреат премии Ленинградского комсомола в области литературы (1986). Лауреат Всероссийской литературной премии им. А. Фета (1997). **Живет в Санкт-Петербурге.**

ДОЛГИЙ МЕД

Сквозь добела промерзшее стекло
с проталинкой, дыханьем отогретой,
я вспоминаю тихое тепло,
неспешное соломенное лето.

Ресницами ловлю пушистый свет.
В саду от зелени и солнца тесно.
Всему вокруг меня — двенадцать лет,
а сколько было раньше — неизвестно...

А сколько будет — трудно сосчитать!
Ведь стоит подрасти мне и, поверьте,
уже не нужно будет умирать:
ученые должны открыть бессмертие.

Так думаю, влюбленный в новизну
степного дня — его опять мне мало, —
я радостно сопротивляюсь сну
и так боюсь, чтоб солнце не проспало.

А утром выбегаю в огород,
там бабушка стоит под кособоким
над грядкой и в негромкое ведро
бросает огурцы и помидоры.

Еще совсем не грустно рвать цветы,
не думая, как лето скоротечно.
Еще все то, что очень любишь ты,
Пока светло, незыблемо и вечно.

Спешу я мимо пасеки во двор.
Ворчит пчела сердитая вдогонку.
Серьезен и неспешен разговор
Соседа с дедом — крутят медогонку.

И, как сквозь линзу, глядя сквозь стекло
прозрачного и медленного меда
я вижу, что пространство потекло,
что зыбко преломилась в нем природа...

И, далеко прозрев сквозь долгий мед,
осознаю, глазам своим поверя,
как неизбежно движется вперед
случайно увеличенное время...

ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ

Мир ввысь и вширь тянулся, раздавался,
и я, малец, однажды вслух подумал:
«Вот речка, лес... А я откуда взялся?»
Дед улыбнулся: «Да нашли в саду мы...»
Я сад облазил свой, потом — чужие,
я ко всему старался приглядеться:
свистели птицы, бабочки кружили,
жужжали пчелы.

Не было младенцев!..

Но начал замечать я, что порою
все то, на чем задерживал внимание,
на миг как будто становилось мною,
заполнив неожиданно сознание.
То гнулся я травинкою под ветром,
то ветром, гнущим травы, к речке мчался —
я ощущал себя и в том, и в этом,
а мир все рос, в округу не вмещался!
И к деду в поле я спешил с вопросом:
«А небо, звезды, целый мир откуда?
И не хитри — уже давно порос я!»
Лишь кричал дед:

«Пристал... Да все оттуда!»

НАЧАЛО

Я помню: стены «свежее побелены»,
а за окном — заря листвы зеленой,
восторженно замеченная детством.
И чьи-то руки смугло солнцем пахли,
когда внезапно к небу приподняли —
и разлетелись вширь степные дали —
как дивно мир в пространство был распахнут!
И с тех мгновений, обретая силу,
я вырастал — не по часам и дням,
а по лесам, по рекам и полям,
перераставшим для меня —
в Россию...

* * *

Босиком бегу я по тропинке.	все спешат на утро наглядеться,
И кусты, и травы никнут сонно.	на цветы, на тополя, на речку,
Только лишь глазастые росинки	на меня,
очень любопытны	бегущего из детства
и до солнца	миру долгожданному навстречу...

ОЗЕРО

У озера спокойного —	глубина его души,
два дна,	и небо отразившая, и ветви,
у озера —	меня
двойная глубина:	и по листве бегущий ветер...
одну измеряют даже камыши,	
другая —	

HATJOPMOPT

Не параллелями разделенные,
а толщиной стекла оконного,
голые ветки глядят на зеленые:
эти — в тепле, те — морозом скованы.

Разные в жизни у веток места,
хоть с одного и того же куста,
тем — холоднее, а этим — страшней:
в вазе с водой зеленеть без корней.

ТУМАННОЕ УТРО

К Богословке тропы луговые
скрылись в белом сумраке густом.
Наугад пошел я и впервые
разминулся с Ливенским мостом.

Облака земные словно стерли
огороды, избы, даль полей...
Вброд одолеваю речку Орлик,
леденящей Леты холодней.

Вкруг меня, как пар, клубится время,
и воображенья не унять:

к дому я бреду, почти поверя,
что пошло течение жизни вспять.

Чудится, что выйдут из тумана
вновь живые бабушка и дед,
тетушка, ушедшая так рано,
так неудержимо им вослед.

Заблудившись, сгоряча калечу
ломкие внезапные кусты!
Я спешу к родным, а мне навстречу
лишь кресты, кресты, кресты, кресты...

ЛУНА В ГОРОДЕ

С тесной улицы в сквер завернем.
Я устало вокруг оглянусь
и растерянно улыбнусь,
перепутав луну с фонарем.
Видно, здесь никому не нужна
деревенская эта луна.

Делать нечего в городе ей
среди маленьких солнц фонарей...
В то же время царицей ночной
там взошла, где простор луговой,
где она, думал я, за горой
недалекой живет по соседству
с нашим краем, далеким, как детство...

РОДСТВО

Так вышло, что в судьбе моей два дома:
мой город, где в гранит одето небо,
моя деревня, где все так знакомо...
И, если там я больше года не был,
становится и грустно и неловко.
На родину приеду я опять,
но не смогу в деревне Богословка
о невских берегах не вспоминать.
И взлетную стремительность проспектов
невольно с широтой сравню — степною,
где я родился,
где могилы предков...

Я связан кровно с курскою землею.
Но если там, где помнит все о детстве,
о том, еще соломой крытом крове,
земля мне —
мать,
то Петербург —
отец мне:
по доброте,
по строгости,
по крови...
что в снег лилась,
отхлынув от лица
блокаду прорывавшего отца.

У ПРОХОРОВКИ

*Поутру по огненному знаку
пять машин КВ ушло в атаку*

Сергей Орлов

О жизни и о смерти
до утра
дождь говорил
на языке морзянки...
Работали в тумане трактора,
а чудилось —
в дыму гремели танки.
Лучом пронзило мглу,
и предо мной
сверкнул пейзаж,
как снимок негативный...
Мне жутко миг представить за броней,
которую прожог
кумулятивный!
Я думал, сталь
надежнее земли,
но в сорок третьем здесь пылало лето:
и сталь, и кровь беспомощно текли,
расплавившись,
и схожи были цветом.
Наверно, мир от ярости ослеп:
чернело солнце,
мерк рассудок здравый,
когда в той схватке
с диким воем
степь
утюжили стальные динозавры.

Огромные, железные, они,
друг друга разбивая и калеча,
скрывали там,
за хрупкостью брони,
трепещущее сердце человечье.
Земля и небо —
в звездах и крестах!
Кровоточат и раны, и мозоли.
В эфире жарко, тесно, как на поле, —
звучит «Огонь!» на разных языках,
на общечеловечьем — крик от боли!
И где-то здесь,
среди бугров
и ям,
сквозь смотровую щель шального танка
ворвался полдень
и, как белый шрам,
остался на лице у лейтенанта...

Войны не зная, понимаю я,
что в том бою должна была решиться
судьба России и судьба моя:
родиться мне на свет или не родиться,
и встать ли мне однажды до утра,
за Прохоровку выйти спозаранку,
где бродят тени опаленных танков,
где их родные дети — трактора —
былое поле битвы пашут мирно...

ЗЕРНО

Господи! Грешен, прости...
Слабость душой овладела:
сил не хватает расти
светом — сквозь страстное тело.

Зернышком сохнет душа
в почве бесплодной, как камень,
и, воспаленно дыша,
плоть орошает слезами.

Но никакое зерно
плачем своим не спасется,
помощи просит оно
и у дождя, и у солнца...

Боже! Сквозь пекло земли
в почве и глине телесной
жажду зерна утоли
светлой водою небесной.

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

**Вячеслав
НИКОНОВ**

НАША СТРАТЕГИЯ

Вячеслав Алексеевич Никонов. Известный российский политик и политический аналитик, президент фонда «Политика», доктор исторических наук; родился в 1956 г. в Москве. Окончил исторический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова. Исполнительный директор фонда «Русский мир», президент фонда «Единство во имя России», руководитель межкомиссионной группы Общественной палаты РФ. Вице-президент Ассоциации центров политического консультирования, член президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), заведующий кафедрой истории и политологии Международного университета в Москве, член Экспертного клуба Первого канала, главный редактор журнала «Стратегия России», Кавалер Золотого Почетного знака «Общественное признание» (2003); автор 7 книг и более 500 публикаций. **Живет в Москве.**

Для того чтобы в будущем сохранились понятия Россия и русские, необходимо четко представлять иерархию вызовов и грядущих угроз безопасности нашему Отечеству и учитывать их в подготовке стратегии развития страны до 2020 года. Ряд из них является общим почти для всего человечества — международный терроризм, распространение оружия массового поражения, глобальное изменение климата и т.д. По этим вопросам у России и других центров силы противоречий практически нет. Они возникают, когда речь заходит, например, о войне в Ираке, путях разрешения иранской ядерной проблемы, признании независимости Косова, маршрутах транспортировки энергоносителей. Здесь Россия отстаивает свою принципиальную позицию, порой диаметрально отличающуюся от позиции большинства западных стран, и делает это с полным основанием. Однако сами эти проблемы и противоречия вокруг них — при всей нынешней и потенциальной опасности — по большому счету непосредственно не угрожают существованию России как государству и ее гражданам. Да и в целом, следует признать, главные факторы разрушения традиционно находились внутри самой страны.

Вместе с тем, в последние годы материализовались проблемы, являющиеся для нашей страны — и не только для нее — экзистенциальными, то есть, вопросами жизни и смерти. К великому сожалению, происходят и могут произойти события, которые до опасного уровня снижают ядерный порог:

делают более близкой ту грань, за которой мыслима масштабная война с применением оружия массового поражения, что, как хорошо доказали ученые, может означать почти гарантированную гибель большой или большей части человечества. Речь идет о планируемом расширении НАТО в Грузию и Украину, а также о стремительном разрушении всего механизма контроля над вооружениями, сопровождаемым наращиванием потенциала американского ядерного сдерживания, компонентами которого являются пресловутые системы ПРО в Польше и Чехии.

НАТО — не благотворительная организация и не инструмент демократизации, это крупнейший в мире военный блок с совокупным оборонным бюджетом в 40 раз больше российского, который, начиная с войны против Югославии, активно и глобально использует вооруженную силу. Причем, он единственный в мире, кто этим занимается. Действует статья 5 Вашингтонского договора, учредившего НАТО, которая предусматривает оказание помощи атакованному члену Альянса всеми силами и средствами, включая ядерные. Представим: Грузия в НАТО. Ее руководство особо не скрывает, что членство в блоке нужно, в первую очередь, чтобы перевоевать войны с Абхазией и Южной Осетией и вернуть их под контроль Тбилиси. Если Грузия вступит в НАТО, это только усилит конфликтный потенциал в регионе и вероятность прямого столкновения России с Западом. Никто не спросил и жителей Украины — в подавляющем большинстве в НАТО не собирающихся — в тот момент, когда ее руководители подавали заявку на членство и эту заявку на саммите НАТО рассматривали.

Если почитать, что пишут западные эксперты и политики о логике втягивания Украины в НАТО, то нетрудно уловить основную мысль: приняв ее, можно навсегда решить «российский вопрос», предотвратить «возрождение Российской империи». Под этим скрывается стремление раз и навсегда исключить возможность в той или иной форме восточнославянского единства, которое вызывало беспокойство еще со времен Киевской Руси, когда Нестор летописец дал четкий ответ на вопрос, «откуда есть пошла Земля Русская». Украина в НАТО, помимо прочего, — это отрыв России от ее духовных и исторических корней. Это серьезнейший геостратегический вызов, но еще не экзистенциальный.

Вопрос о жизни и смерти может встать в том случае, если — Украина в НАТО — вспыхивает, например, национальный конфликт в Крыму или еще где-то на юго-востоке страны, и он интерпретируется в Брюсселе и Вашингтоне как посягательство со стороны России. Опять используем все силы и средства? Не большой секрет, что значительная часть нашего существующего ракетно-ядерного потенциала выкована на Украине, и представители предприятий-производителей обслуживают средства, стоящие на боевом дежурстве. Как вы думаете, будут ли обслуживаться российские ракеты в случае членства Украины в НАТО, а если да, то как? Полагаю, догадаться не сложно.

Наш ракетно-ядерный щит ощутимо бы ослаб, причем в условиях, когда Россия заметно отстает по обычным вооружениям.

Контроль над вооружениями в 1960—1990-е годы имел своей целью сделать мир более предсказуемым и максимально снизить ядерный порог. За последние годы Соединенные Штаты вышли из договоров СНВ-2, по ограничению систем противоракетной обороны (оба приказали долго жить), договора о запрещении ядерных испытаний. Ни одна западная страна не ратифицировала Договор об обычных вооруженных силах в Европе, участие в котором недавно приостановила и Россия. Размещаемые в Восточной Европе системы ПРО могут использоваться и для перехвата наших ракет, и для нацеливания чужих ракет на нас. Они интегрированы в огромную глобальную систему, включающую наступательные вооружения, комплексы ПРО по всему миру, средства космического наведения и т.д., имеющие отношение вовсе не к Ирану. Развертывание всех этих систем может усиливать впечатление, что мыслим обезоруживающий первый удар, а это еще больше снижает ядерный порог. Мир становится менее безопасным.

НАТО, Соединенные Штаты нам не враги. У нас много общих интересов. Однако во времена контроля над вооружениями, в XX веке, западные партнеры неизменно уверяли нас, что главное в мировой политике — не намерения и потенциалы. Сейчас нас пытаются уверить в обратном. Намерения, к сожалению, порой вступают в конфликт с реальностью или со случаем, которые способны изменить намерения в один миг. Или автоматически запустить такие механизмы разрешения конфликта, которые моментально выведут его на ядерный уровень.

Нам важно недвусмысленно дать понять: есть красные линии, перейдя которые не только Россия, но и весь мир окажутся у опасной черты, пересечение которых может произойти спонтанно, по воле случая или ошибки. С экзистенциальными угрозами не шутят. Нам надо серьезно задуматься над этим и выработать Геостратегию-2020.

Важнейшее условие успешной реализации широко обсуждаемой стратегии развития страны до 2020 года — правильное позиционирование России в мировом пространстве, позволяющее создать максимально благоприятные предпосылки для внутреннего развития и реализации национальных интересов в ключевых регионах планеты. Представляется весьма уместным развертывание дискуссии о геополитическом измерении Плана-2020. Позволю себе в дискуссионном порядке предложить некоторые принципы внешнеполитического позиционирования России.

Главное представляется практически безальтернативным — мы обречены в обозримом будущем выступать в роли самостоятельного центра силы. Как справедливо подчеркивали президенты — предыдущий и действующий, Россия — одна из немногих стран на планете, способных вести собственную внешнеполитическую игру. Нам просто некому отдать свой суверенитет, даже если бы вдруг захоте-

ли. Страны Европы дружно пожертвовали суверенитетами в пользу Европейского Союза и НАТО, но нас туда никто не примет — мы слишком большие и слишком русские. Да и не надо России туда: ЕС сейчас — зона замедленного развития, во многом из-за чрезмерной зарегулированности европейской экономики (где в Евросоюзе вы найдете плоский подоходный налог в 13%), и нам лучше не ограничивать свободу рук в военно-политической области членством в Североатлантическом блоке. На Востоке суверенитет отдавать просто некуда. А организации, в которые Россия входит — СНГ, ЕврАзЭС, ШОС и т.д. — далеки от создания значимых наднациональных интеграционных структур, которым можно было бы передать полномочия национальных правительств.

Итак, Россия сохранится как самостоятельный центр силы, причем с собственным цивилизационным кодом — восточнохристианским в своей основе. Здесь приходится согласиться с главными творцами теории цивилизаций — Арнольдом Тойнби и Самуэлем Хантингтоном. Таким же центром, которым являются или стремятся стать США, ЕС как целое, Китай, Индия, может быть Япония, Бразилия. Но хватит ли у России сил на относительно самостоятельную роль в мировых делах? Полагаю, да. По авторитетным международным и отечественным оценкам, России должно сильно не повезти, чтобы она не стала 5-й экономикой мира в ближайшее десятилетие (сейчас 7–8-я). Мы останемся государством первого порядка как член Совбеза ООН, как первоклассная энергетическая, ядерная, космическая, ресурсная страна, внесшая огромный вклад в развитие всего человечества на протяжении последнего тысячелетия. Модернизация в рамках Плана-2020 года должна позволить и по социально-экономическим параметрам войти на уровень, соответствующий мировой державе. Россия-2020, безусловно, не сверхдержава, но одна из великих держав.

Такой статус предполагает полноправное участие в организациях, выполняющих функции головного мозга, управляющей системы современного мира. В этом смысле нежелательна изоляция, маргинализация России в мировой системе, к чему сейчас призывает ряд западных политиков (в частности, Джон Маккейн), озвучивающих планы исключения нас из «большой восьмерки», создания глобальной западной системы на основе НАТО как альтернативы системе, основанной на Уставе ООН и международном праве. Одна из возможных предпосылок маргинализации — тот факт, что между центрами силы современного мира ведется конкуренция за невозобновляемые источники энергии, и все основные центры — за исключением России — являются их импортерами. Интересам нашей страны отвечали бы продвижение к созданию будущего механизма глобального управления на базе ООН, институционализация «восьмерки» и расширение ее за счет новых экономических гигантов — Китая, Индии, Бразилии.

Демократические принципы предполагают, в первую очередь, верховенство права, что, вне всякого сомнения, включает в себя вер-

ховенство международного права. Демократия в самой Российской Федерации будет развиваться не потому, что на этом настаивает кто-то извне, а потому что это нужно и выгодно нам самим. Никто не определит за Россию ее судьбу, и стоит отсоветовать пытаться это делать всем, кто хочет поддерживать с нами нормальные отношения.

Одна из наиболее примечательных и опасных тенденций современного мира — ремилитаризации международных отношений. После реального сокращения военных расходов в 1990-е годы, они вновь устремились вверх. Сегодня Соединенные Штаты, на долю которых приходится 57% от мировых оборонных ассигнований, тратят на эти цели в 25 раз больше, чем Россия, а НАТО — в 40 раз. США впервые в своей истории ведут две больших войны (хотя и без особого успеха). С огромным трудом созданная в последние десятилетия прошлого века система контроля над вооружениями трещит по швам. Абсолютно согласен с Владимиром Путиным: «В таких условиях важно сохранить твердость оценок и выдержку, не дать втянуть себя в затратную конфронтацию». Оборонные расходы в нормальных условиях не должны превышать 3% от нашего ВВП.

В основу оборонного строительства следует положить принцип *достаточности безопасности* — обеспечение способности Вооруженных сил отражать весь спектр возможных внутренних и внешних угроз. Упор должен быть сделан на качественные параметры, армия должна быть в растущей степени профессиональной, мобильной, высокотехнологичной, мотивированной, основанной на идеалах чести, на лучших традициях российского воинства, избавлена от коррупции и позорной дедовщины. В условиях глобальной ремилитаризации необходимо будет поддерживать ракетно-ядерный компонент на уровне, способном обеспечить гарантированное сдерживание любого агрессора и взламывать любые системы противоракетной обороны. Предстоит преодолеть также очевидное отставание по таким приоритетным направлениям военного строительства, как развитие собственной ПРО, аэро-космических возможностей, совершенствование систем боевого управления, связи и коммуникаций, электронной и радиотехнической разведки.

Занимаясь укреплением «жесткой силы», ни в коем случае нельзя забывать и о «мягкой силе» — способности воздействовать на остальной мир потенциалом идей, своего примера, морального лидерства, информации, возможностями своих неправительственных организаций. В США внешней политикой занимается более пятнадцати тысяч НКО, их общий бюджет исчисляется многими миллиардами долларов. У нас — не более пятидесяти и максимум у десятка есть какие-то средства для полноценной работы. Здесь у нас пока самый большой провал. В геостратегии-2020 важно выстроит и географическую иерархию внешнеполитических приоритетов.

**Сергей
ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ**

ВЕЧНЫЙ ВЫБОР

Мысли о кризисе

Сергей Вячеславович Перевезенцев — доктор исторических наук, сопредседатель Союза писателей России, автор многочисленных книг и публикаций по истории России и Русской Православной Церкви, первый заместитель главного редактора «Романа-журнала XXI век». Живет в Москве.

Главная и постоянная сегодняшняя новость — кризис... Телевизионные передачи, газеты, журналы просто заполнены различными материалами, посвященными этой теме. Рушатся банки и страховые компании, автомобильные еще недавно гиганты становятся банкротами, закрываются магазины и рестораны, останавливаются стройки, миллионы людей остались без работы... Да и в обычных разговорах «кризис» — тема под номером «один»...

За те несколько месяцев, что кризис «шагает по планете», появилось множество аналитических статей, авторы которых, кажется, уже со всеми подробностями рассказали нам, почему и как он начался. Аналитики вычислили даже того самого несчастного человека, который первым не выплатил ипотечный кредит, после чего лавина невыплаченных кредитов обрушила сначала экономику США, а потом и всю «глобальную экономику».

Но удивительно одно — до сих пор темой для обсуждения не стали главные причины возникновения этого кризиса. Может быть потому, что эти самые главные причины нынешних глобальных кризисных явлений скрываются вовсе не в экономике и не политике, они — из области духовной и нравственной? Впрочем, в ответ на такой вопрос, могут сразу же сказать: причем здесь какая-то там нравственность и уж тем более некая таинственная духовность, если основные нынешние проблемы связаны с экономикой, с финансами, с производством, со снижением уровня жизни? Именно от этих факторов зависит «хорошая», «обеспеченная» жизнь, а вовсе не от рассуждений о нравственности...

Однако хотим мы того, или нет, но господствующее сегодня общество — «общество потребления» —

является следствием торжества определенных духовных и нравственных принципов. Стоит напомнить, что основное условие успешного функционирования такого общества формулируется довольно просто — безудержное потребление. Механизм такого функционирования можно выразить одной фразой: **всякий человек должен в постоянно возрастающей прогрессии потреблять продукцию и услуги, произведенные другими людьми.** Только в этом случае и отдельный человек, и общество в целом обеспечивают собственное существование и открывают пути для дальнейшего развития. Если же сначала один человек, потом десять, сто, пятьсот миллионов людей не захотят или не смогут потреблять, само «общество потребления» рухнет. Чему мы и стали свидетелями: один, два, сто, тысяча, сто тысяч американцев не смогли потреблять услуги ипотечного рынка и... Недаром, кстати говоря, нынешние экономисты одно из средств борьбы с кризисом видят в том, чтобы люди не отказывались от потребления, а, наоборот, продолжали приобретать новые товары. В свою очередь, снижение потребительской активности в какой-либо экономически значимой стране, например, в США или Великобритании, моментально обрушивает биржи во всем мире.

Для все возрастающего потребления нужны средства, которых у обычного человека нет. И тут появляется «масло», смазывающее механизм функционирования «общества потребления» — **его величество Кредит.** Обычный человек начинает жить в кредит. А что такое «жизнь в кредит»? Это ведь жизнь в долг: человек занимает в долг некие средства, а затем на протяжении некоторого времени возвращает заемные средства по частям, но с процентами.

В «обществе потребления» в долг (т.е. в кредит) начинают жить не десятки и сотни тысяч, а сотни миллионов обычных людей, в долг живут банки и компании, целые страны и регионы. Но это выгодно, ибо кредиты дают возможность еще более увеличить потребление. Отвечая на запросы постоянно возрастающего потребления, раздувает рынок товаров и услуг, предлагающий огромное разнообразие продуктов потребления. Экономика растет, банки пухнут от денег, биржи — от количества сделок... Все процветает.

Правда, нужно сказать, что в материальном плане более всего выигрывают те, кто первым вступил на путь потребления — у них буквально на глазах поднимается уровень жизни, они становятся примером для других стран и народов, их начинают называть «развитыми», «передовыми», «прогрессивными».

Здесь экономику, что вполне естественно, дополняет и подгоняет политика. «Развитые страны» приобретают не только экономическое, но и политическое влияние, начинают диктовать свои правила игры, навязывать собственный образ жизни, как лучший и единственно возможный. Со временем возникает «глобальная экономика» — то же «общество потребления», только уже во всемирном масштабе. И весь мир хочет потреблять. И весь мир хочет жить в долг (в кредит).

Но если внимательно приглядеться к этой схеме, то совершенно ясно видно: «глобальная экономика» — это традиционная «финансовая пирамида», успех которой определяется постоянным вовлечением в «пирамидальные» экономические отношения все новых и новых участников, за счет которых организаторы пирамиды имеют возможность увеличивать собствен-

ное благосостояние и политическое влияние. Недаром какой-то невероятный экономический взлет США и Западной Европы произошел в последние годы — на фоне развала стран бывшей социалистической системы и, в первую очередь, стран бывшего СССР. Видимо, этот взлет и произошел за счет разграбления бывшей социалистической системы. Поэтому, кстати говоря, пресловутое «золото партии» и искать не надо. Это «золото», а точнее, богатства, принадлежавшие по праву всему советскому народу, и стали важнейшим «топливом» для взлета «пирамиды» «глобальной экономики». А лишним свидетельством того, что «глобальная экономика» является «пирамидой», стал пример США, где только за последний год рухнули несколько мощных финансовых корпораций, которые считались «китами» американской экономики. А оказались... «финансовыми пирамидами».

Однако всякая экономическая пирамида имеет свои естественные границы — нельзя все время и всем жить в долг (т.е. в кредит). И когда гигантская пирамида под названием «глобальная экономика» охватила практически весь мир, тут ей и пришел естественный конец. Весь мир не может жить в долг, кто-то должен этот долг обеспечивать. «Глобальную экономику» охватил столь же глобальный кризис.

* * *

Казалось бы, при чем здесь духовность? При чем здесь нравственность? Давайте разбираться.

Дело в том, что в первооснове рождения столь своеобразных экономических отношений лежит духовное и нравственное оскудение, а именно ущербная духовно-нравственная природа «общества потребления».

Для того чтобы механизм «общества потребления» действовал, всякий член этого общества (и «общество потребления в целом») должен придерживаться нескольких принципов. Назовем их **«принципы общества потребления»**. **Первый принцип:** человек **обязан** приобретать все новые и новые товары, услуги и т.д. **Второй принцип:** человек **хочет** приобретать все новые и новые товары, услуги и т.д. **Третий принцип:** человек **отказывается от каких бы то ни было ограничений в потреблении**.

Но ведь эти принципы имеют вовсе не экономическую, а... духовно-нравственную природу! Ибо эти принципы формируют целевые и смысловые установки жизни человека, определяют его иерархию ценностей. Ведь человек, нацеленный на безудержное потребление, постепенно утрачивает свое духовное и нравственное существо, и становится «человеком потребляющим», когда даже разумные доводы в пользу ограничения собственных потребностей уже не играют никакой роли, отбрасываются без каких-либо сомнений. Следовательно, «человек потребляющий» по своей духовно-нравственной природе — ущербен.

И сразу возникают вопросы — а откуда взялась эта духовная и нравственная ущербность? Как она появилась? Почему? Отвечая на эти вопросы, стоит вспомнить историю, хоть немного.

«Общество потребления», как известно, выросло из классического капитализма. А каким способом этот самый «классический капитализм» стал господствующим укладом в странах Западной Европы? Как произошел столь гигантский по тем временам экономический рывок западноевропей-

ских стран? Ответы, вроде бы известны: развитие науки и техники, промышленный переворот. Но снова вопрос — а откуда взялись средства? И тут мы должны вспомнить о предтече «классического капитализма» — об «эпохе первоначального накопления». Как известно, это самое «первоначальное накопление» экономических средств в Западной Европе, а потом и в США, осуществлялось за счет, во-первых, откровенного ограбления остального мира, прежде всего, колоний в Африке, Азии, Латинской Америке, и, во-вторых, за счет созданной «экономической пирамиды» под названием «колониальный мир». Иначе говоря, «пирамида» «глобальной экономики» — это вовсе не случайность, не ошибка, а принцип существования как самого «классического капитализма», так и его дитяти — «общества потребления».

* * *

Здесь будет уместно одно наблюдение. Как известно, основой и символом мировой финансовой системы является американский доллар. Доллар знаком каждому, наверное, только благодаря доллару весь мир знает в лицо американских президентов прошлых лет. Но президенты на долларовых купюрах меняются, в зависимости от номинала купюры. А вот одно изображение остается постоянным, оно есть на всех долларовых купюрах — изображение пирамиды... Случайно? Историки связывают это изображение, как и изображение над пирамидой «всевидящего ока», с масонскими корнями американского государства. Но, может быть, пирамида на американских долларах призвана вызывать и другие ассоциации, и является символическим изображением самой сути капитализма?..

* * *

Итак, изначально, уже во времена «эпохи первоначального накопления», когда еще не было «человека потребляющего», существовало что-то, что изменило духовную и нравственную природу человека, побудило его вступить на ту самую дорогу, которая вывела его к «обществу потребления» и «глобальной экономике». Что?

Ответ в данном случае очевиден и неоднократно озвучен в науке и публицистике. Религиозно-философской, а значит, духовно-нравственной, основой и «эпохи первоначального накопления», и «классического капитализма», и современного «общества потребления» являются два учения: гуманизм и протестантизм. Эти два учения во многом разные, хотя бы в том, что гуманизм всегда «скрывал» собственную религиозную природу, а протестантизм, наоборот, является одним из самых влиятельных религиозных направлений. Но их роднит главное: оба направления сместили ценностные акценты в сторону личности человека, его интересов, его потребностей, его грешной материальной природы. Духовно и нравственно ущербный «человек потребляющий» и вырос в лоне гуманистического и протестантского миропонимания. Духовно и нравственно ущербный «человек потребляющий» — это логическое следствие постепенного развития гуманистического и протестантского миропонимания и мироотношения.

Значит, и нынешний кризис «глобальной экономики» — это кризис, в первую очередь, гуманистического и протестантского миропонимания,

господствующих сегодня. Причем, это далеко не первый кризис гуманизма и протестантизма. Все экономические кризисы, сопровождавшие века развития капитализма, все они были следствием постоянно нарастающего духовно-нравственного кризиса, духовного и нравственного оскудения человечества. И глобальность сегодняшнего кризиса свидетельствует только о тех глобальных размерах, которые это оскудение уже приобрело...

* * *

Конечно, экономисты и политики найдут выход из сегодняшнего кризиса. Ну а что дальше? Коренных путей дальнейшего развития может быть, минимум, два.

Первый путь (наиболее реальный). Все остается по-прежнему. После кризиса, наверное, в той или иной степени изменится политическое и экономическое лицо современной цивилизации. Кто-то уйдет, кто-то придет на место ушедших. Скорее всего, на первый план выдвинутся новые экономические и политические центры (тот же Китай, возможно и Россия). Но в целом, после этого кризиса вновь и вновь будет воспроизводиться все то же «общество потребления», даже в еще более глобальных масштабах. Видимо, с какими-то потерями, но и с некими приобретениями. Во всяком случае, именно этой задачей, достижением именно этой цели сейчас все озабочены больше всего — заново воспроизвести потерянное.

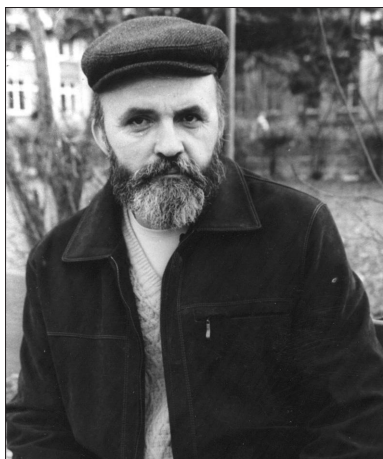
Следовательно, останется главная беда этого общества, да и всего пути развития человечества, на которое оно вступило пятьсот лет назад — все более нарастающее духовно-нравственное оскудение. А, значит, через какое-то время всех нас ждет еще один кризис, наверное, «поглобальнее» того, который мы переживаем сегодня. Потом еще один, потом следующий и т.д. Ведь до тех пор, пока человечество будет оставаться в тенетах гуманизма и протестантизма, экономических кризисов избежать невозможно. И чем «глобальней» будет становиться экономика общества потребления, тем страшнее будут кризисы, и не только экономические.

Второй путь. Этот путь очень труден, ибо он связан с осознанием «человеком потребляющим» собственной духовно-нравственной ущербности. В таком случае ему, «человеку потребляющему» необходимо вступить на дорогу собственного духовного преображения. Как это сделать? Ответ был дан еще две тысячи лет назад.

Но проблема в том, что «человеку потребляющему» этот ответ не нравится, очень не нравится, «человек потребляющий» не хочет с этим ответом соглашаться. Более того, именно в борьбе с этим ответом, в противодействие этому ответу и родился, собственно говоря, «человек потребляющий». И тем не менее, именно этот путь, путь духовного преображения, способен вывести наше общество из тупика, в котором мы все давно уже оказались — из тупика духовного оскудения. В этом смысле нынешний экономический и финансовый кризис — это для всех нас очень тревожный звонок, который предупреждает нас и который может и должен пробудить в нас... совесть.

Услышим ли мы этот звонок? Поймем ли его значение? Каким путем пойдём в будущее? Выбор за нами... Вечный выбор...

ПОЭЗИЯ

Николай ЗИНОВЬЕВ

«ВРЕМЯ БИТЬ В КОЛОКОЛА!»

Николай Александрович Зиновьев — родился на Кубани в станице Кореновской в 1960 году. Учился в ПТУ, техникуме, на филологическом факультете Кубанского гос. Университета. Автор восьми поэтических книг. Лауреат Большой литературной премии России. Член СП России. **Живет в Краснодаре.**

* * *

Парк. Осень. Клены. Желтизна.
И дно фонтана в паутине.
И облака, как на картине,
Стоят недвижимо. И сине
С небес нисходит тишина.

Охапку листьев соберу,
Склоняясь в поясных поклонах
Неутомимому Тому,
Кто вновь их вырежет на кленах.

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

Это — старая улица Мира.
Золотые, родные года!
Я, как странник на пачке «Памира»,
Там остался душой навсегда.

Пусть там хаты стоят не по нити,
И плетни пацанят по грудь,
Вы на окна, на окна взгляните! —
Без решеток они. Вот в чем суть.

* * *

Крестьяне полюшко пахали,
А кто-то пил коньяк в «Астории»,
Но нас тогда уже толкали
Еще не в ад, но из Истории.

Как нынче прошлое поблекло!
Теперь нас тащат прямо в пекло.

* * *

Все говорят: «Вам все равно
Чем жив народ и жив вообще ли?»
Зла не желаю вам я, но
Хочу спросить вас: «Неужели
Так все и есть, как говорят?»
Вы мне в ответ: «Не в коем разе!»
Но шапки, шапки-то горят,
Хоть вы и сбросили их наземь.

У МОНУМЕНТА ЖЕРТВАМ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Над легендарною тачанкою
Плывут неспешно облака.
И ветер песнь поет печальную
В гранитных гривах. На века
Застыли кони оголтелые,
На постаменте солнца блик,
Кладу к нему букет гвоздик.
Гвоздики красные и белые...

* * *

Присмотрись, что рисует мороз
На оконном стекле? Нет, не розы
И не белые ветви берез,
А обозы, обозы, обозы...

И не сказочный рой облаков
На оконном стекле серебрится, —
То замерзших в степи мужиков
Бородатые белые лица.

РОДИНА

Болотная жижа в канаве,
Мосток в три гнилые доски.
Корова по тощей отаве
Таскает пустые соски.

Сухими пучками укропа
Увешана хаты стена...
Родная моя сторона!
Моя ты родная... Европа.

СТАРИННОЕ ОРУЖИЕ

Если натовских танков армада
Путь направит на Русь — их вина.
Выйдет старец из кельи с лампадой,
Освещающей все времена,
Оглядит все всевидящим оком,
Переглянется с миром иным —

И все танки — сколь было их скопом
Станут рылом обычным свиным.
И растащат собаки то рыло
По великой Руси: кто куда...
Кстати, что-то подобное было.
Только вот не припомню когда.

* * *

На нашей улице есть дом,
Всегда закрыты ставни в нем.
От всех нас страшно далеки,
Живут в том доме старики.

Он худ и сед, она — как тень.
Им в муку ночь, и в тягость день.
Их сын остался на войне,
В чужой далекой стороне
Песком его завеян след...
А старикам по сорок лет.

* * *

Дерутся пьяные в проулке,
Мешая с матом хриплый крик.
Прижавшись к грязной штукатурке,
На остановке спит старик.

Смеется пьяная девица,
Садясь в попутный «мерседес»,

Ее литые ягодицы
За нить подергивает бес.

На пустыре с начала мая
Идет строительство тюрьмы.
Все это жизнью называя,
Не ошибаемся ли мы?..

* * *

Духовным зрением проникая
В глубины, скрытые от глаз,
Картина видится такая
Мне, как поэту, в сотый раз:

Тропинка в Рай вся заросла.
Хоть верьте, хоть не верьте.

Дорогу ж в ад, дорогу зла
В асфальт одели черти.

Идти по ней теперь легко,
Скользи, как по паркету.
А Рай теперь так далеко,
Как будто его нету.

* * *

Минуты свободные редки...
А надо минут пятьдесят
Идти до кургана, где предки
Сухою травой шелестят,

Где сойка птенцов своих кормит,
Где крест, так похожий на «плюс»,
Опять ненароком напомнит,
Куда я всю жизнь тороплюсь.

НА СЕНОКОСЕ

Покряхтев и поохав,
Дед отладил косу.
И шагнули мы «с Богом»
По колену в росу.
Дед столетью ровесник,
Он и тут впереди, —
Даже на спину крестик
Сбился с впалой груди.

Так и шли мы, к полудню
Я чуть ноги волок.
И, признаюсь, не помню,
Как упал на валок...
Высоко в поднебесье
Уходил в облака
«Миг», похожий на крестик
Моего старика...

СХОДСТВО

Деда ратная дорога
Дыбом встала, как змея...
Дед мой тем похож на Бога,
Что его не видел я.

* * *

Я гляжу на стожки, на болотину,
На курган у реки, на поскотину.
И сильнее, чем прадед и дед,
Я люблю свою малую родину...
Потому что большой уже нет.

* * *

Весна еще весной осталась
Везде: и в поле, и в лесу.
Но больше всех ее досталось,
Взгляните, детскому лицу.

Когда цветет оно улыбкой,
Оно как будто бы поет.
Поет и жизни нашей зыбкой
Весь смысл бесценный придают.

СИЛА МОЛИТВЫ

Я у иконы Иисуса
Молясь, смахнул слезинку с уса
И беса стер с лица земли —
Осталась вмятина в пыли.
Пусть бесам имя легион —
На одного стал меньше он.

Ходил по храму юный служка
Прямой и тонкий, как свеча.
А за моей спиной старушка
Молясь, рыдала... в три ручья!!!

* * *

Весна всегда под утро
Приходит с теплым ветром,
Приходит как-то смутно,
Почти что незаметно —

Как в дали полевые
Рассветная полоска,
Как женщина впервые
Приходит в сон подростка...

* * *

Разгулялась бесовщина,
Заколдобила наш путь.
«Догорай, моя лучина!» —
Так и тянет затянуть.

Но махнуть на все рукою
И отправиться в кабак —

Легче легкого, не скрою,
Но теперь не будет так.

Хватит ныть! Отголосили.
Время бить в колокола,
А иначе о России
Завтра скажут: «Да, была».

ПОЛНОЛУНИЕ

Сегодня полная луна,
А жизнь, увы, пустая.
Во всяком случае, моя.
Хотя не без креста я.

Никто не станет возражать,
Что я при русском деле:
Стараюсь душу удержать
В ей надоевшем теле.

* * *

Мне любого знамени дороже
Над хатенкой бабкиной дымок,
Пахнувший квашнею и порошей,
Вьющийся вдоль всех моих дорог.

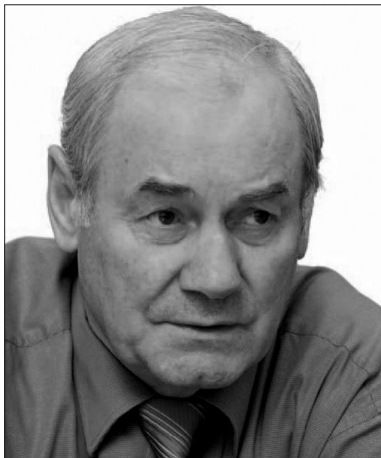
Пусть звучат любые укоризны
Страстью и пристрастием греша.
Только духом Бога и Отчизны
Вечно преисполнена душа.

ПРИЗНАНЬЕ

Я жертва дьявольской эпохи,
И рай не светит мне, увы.
Но я пишу. Пишу о Боге
В надежде, что спасетесь вы.

Признание это иль призванье?
Но да продлятся ваши дни!
А человеческое знание
Незнанью полному сродни.

И потому я не трясусь:
Быть может, с вами и спасусь.

Леонид ИВАШОВ

ЗОНА ОТВЕТСТВЕННОСТИ

*В память 10-летия
натовских бомбардировок
Сербии*

Леонид Григорьевич Ивашов — родился в 1943 г. в Киргизии. В 1964 г. окончил Ташкентское высшее общевойсковое командное училище, в 1974 г. — Военную академию им. М. В. Фрунзе. С должности заместителя командира мотострелкового полка был назначен помощником министра обороны СССР. В первой половине 90-х годов стоял у руля Совета министров обороны государств-участников СНГ. А потом было несколько лет насыщенной работы в качестве главного военного дипломата. Избран вице-президентом Академии геополитических проблем, доктор исторических наук, профессор. Автор нескольких книг по геополитике и международным отношениям. Генерал-полковник. **Живет в Москве.**

Недавняя трагическая история Косово всколыхнулась в памяти в марте нынешнего 2009 г., в канун десятой годовщины начала крупномасштабной агрессии НАТО против Союзной Республики Югославии, завершившейся победой североатлантических сил и разделом дружественной нам страны. Чудовищный акт агрессии, совершенной, якобы, во имя прекращения этнических чисток албанцев в Косово, сопровождался массовым избиением сербов. Десятки убитых, сотни раненых, тысячи изгнанных из отчего дома. Разрушены и подожжены многие церкви и монастыри, осквернены православные святыни. Если это не те самые чистки, не геноцид, то что же? Но только ли натовцы виноваты? Вспоминает участник тех событий, генерал-полковник, начальник Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны РФ (1996 — 2000) Л. Г. Ивашов.

В октябре 1996 г. указом Президента России Б. Н. Ельцина я был назначен начальником Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны РФ. И почти сразу же югославская проблема стала в моей повседневной работе одной из главных. Обстановка вокруг дружественной нам Союзной Республики Югославии (СРЮ) нагнеталась. В западной прессе политический режим С. Милошевича характеризовался как диктаторский, коррумпированный, и уже не только правозащитные организации, но и правительства ряда стран обвиняли его в геноциде албанцев. Из Вашингтона и Брюсселя, где размещается штаб-квартира НАТО, все чаще звучали откровенные угрозы в адрес Белграда. Мировое сообщество явно

готовили к возможности силовой смены там политического режима под надуманным предлогом «угрозы» со стороны сербов.

Ситуация обострилась к лету 1998 г. Командование Североатлантического блока объявило о проведении на территории, сопредельной с Югославией, крупного военного учения.

Когда начались натовские учения, я с И. Д. Сергеевым находился в Греции с официальным визитом. Начало учений стало для нас неприятным сюрпризом, ибо Х. Солана и председатель военного комитета НАТО К. Науман во время визита министра обороны РФ в штаб-квартиру Североатлантического блока дали твердое обещание обязательно поставить российское руководство в известность о сроках и планах этих учений. Налицо был обман России, которая к тому времени уже больше года официально являлась партнером альянса: еще 27 мая 1997 г. был подписан Основополагающий акт Россия-НАТО, заложивший принципы двухстороннего сотрудничества. И именно натовцы первыми нарушили их, не поставив нас в известность о готовящихся учениях. Это делало предположения относительно опасности, которая нависала над Югославией, еще более основательными, так как никто не давал гарантии, что учения не перерастут во вторжение. Тем более, что американцы были по-прежнему верны политике двойных стандартов. Жестко следя за тем, чтобы со стороны сербов санкции соблюдались, что называется до последней буквы, они сквозь пальцы смотрели на рост военной силы у косовских албанцев, а то и негласно способствовали этому. Становилось более чем очевидным желание США разогреть котел косовского сепаратизма до температуры кипения и создать условия для вторжения сил НАТО. Подготовка к нему после проведения летних учений 1998 г. шла по сценарию военной оккупации, предусматривавшему ликвидацию политического режима, расчленение Югославии и отделение Косово.

Первые ракеты и бомбы упали на засыпающие города и села Югославии в ночь с 24 на 25 марта 1999 г. Еще накануне территорию Косово стали покидать международные наблюдатели. Хорошо просматривалась и активная подготовка Североатлантического блока к военным действиям. Х. Солана во всеуслышание заявил о завершении политической фазы кризиса. Элементарная логика, не говоря уже о разведданных, подсказывала: основная ставка теперь сделана на военную силу. С началом военных действий я настоял на том, чтобы Министерство обороны РФ рассматривало их как нарушение принципов Организации Объединенных Наций, как агрессию против суверенного государства и предприняло все возможные меры. По решению И. Д. Сергеева группе связи НАТО, размещенной в Москве в соответствии с Основополагающим актом Россия-НАТО, было предложено в 48 часов покинуть пределы России, до минимума была ограничена деятельность военных атташе стран-членов блока. Наши военнослужащие, обучавшиеся на Западе, были отозваны на родину. Все программы сотрудничества с НАТО в целом и с государствами — участниками агрессии были заморожены.

Российские военные высказывали полную солидарность с действиями дружественного нам народа по отражению агрессии. Оказав сопротивление натовским силам, армия СРЮ действовала в полном соответствии с 49-й и 51-й статьями Устава ООН о праве на индивидуальную или коллективную оборону и другими нормами международного права. Больше того, несмотря на соотношение военных сил не в пользу югославской армии, я считаю,

она выдержала испытание и не была разгромлена. Именно этот фактор стал решающим в предотвращении наземной операции НАТО. По нашим данным, альянс в ходе воздушной операции планировал нанести поражение войскам, военным и экономическим объектам Югославии, парализовать управление страной, деморализовать население и затем осуществить наземное вторжение. На пути этих планов встали высокий боевой дух югославских, прежде всего, сербского, народов, чувство патриотизма и готовность сражаться даже без оружия против агрессора, а также сохранение боеспособности вооруженных сил.

Улучшить ситуацию насколько возможно российская сторона попыталась при разработке военно-технического соглашения, заключение которого было предусмотрено «Мирным соглашением по Косово». По решению министра обороны РФ в Куманово (на территории Македонии), где шли переговоры, были направлены генералы В. М. Заварзин и Е. Н. Бармянцев. Однако участием наших представителей натовцы воспрепятствовали, имея на то формальное основание. Перехватить инициативу удалось лишь после того, как 7–8 июня в Бонне на заседании министров иностранных дел «восьмерки» был выработан проект резолюции Совета Безопасности ООН, которая после ее принятия получила памятный для многих номер — 1244.

Эта резолюция более или менее выправила ситуацию. Но требовалось точно определить нашу и НАТО роль в косовском урегулировании. Американцы «великодушно» разрешили нам одним батальоном участвовать в американском секторе. Нечего сказать, «великодушное» и «соблазнительное» предложение. Переспросив переводчика, действительно ли был использован термин «разрешаем», и, получив подтверждение, я предложил генералу изучить резолюцию Совета Безопасности № 1244: в соответствии с резолюцией присутствие по безопасности в Югославии осуществляют члены ООН и международные организации. При этом не НАТО, а Россия как постоянный член Совета Безопасности, имеет приоритетное право на это самое присутствие. Одной из действенных мер в этом направлении мог бы стать одновременный с натовцами ввод в Косово наших миротворческих подразделений.

По-доброму вспоминаю ту небольшую команду специалистов, которой довелось разрабатывать план участия российского контингента в миротворческой операции. Коллеги из Министерства иностранных дел: А. А. Авдеев — первый заместитель министра, А. Н. Алексеев — начальник департамента МИДа. От Минобороны: в Белграде — генерал-лейтенант В. М. Заварзин, в Москве — офицеры Главного оперативного управления и ГРУ Генштаба, от моего главка — вице-адмирал В. С. Кузнецов, начальник Международно-договорного управления, полковники Е. П. Бужинский, Е. И. Дубков, другие генералы и офицеры, все люди разумные, толковые. Суть плана сводилась к всесторонней оценке ситуации и предложению предусмотреть одновременный с натовцами ввод российского миротворческого контингента, чтобы вернуть Россию в процесс урегулирования на Балканах на равноправной основе, восстановить ее международный престиж.

Санкцию на синхронный с натовцами ввод российского контингента на территорию Косово усилиями министров обороны и иностранных дел дал президент. Для выполнения этой задачи Генеральный штаб определил батальон воздушно-десантных войск из состава российской бригады, вхо-

дивизией в многонациональные миротворческие силы, которые были сведены в дивизию «Север» под командованием американского генерала и дислоцировались на территории Боснии. Российским войскам предстояло совершить марш из Углевика (БиГ — Босния и Герцеговина) до Приштины (Косово) протяженностью более 600 км, пересечь две границы. Одновременно планировалось посадочным способом десантировать два батальона с территории России. Ввод наших десантников имел смысл только при условии синхронных с натовцами действий. В противном случае было лучше вообще ничего не предпринимать: опоздание не только лишило бы вмешательство России в события какого бы то ни было смысла, но и усугубило бы унижительное положение, в котором она оказалась. Выходило бы, что ни дипломаты не смогли сработать, как должно, ни военные. Однако если натовские подразделения выдвигались с территории соседней Македонии, где они уже сосредотачивались в открытую, то нашему батальону, чтобы успеть к границе с Косово в час «Х», необходимо было начать марш заблаговременно и — главное условие — незаметно.

О нормативах подразделений НАТО — сколько им потребуется времени на развертывание и выдвижение — наша военная разведка проинформировала точно и своевременно. С их учетом специалисты произвели расчеты, когда нашему батальону следовало начать выдвижение, и какое количество времени он мог максимально затратить на выполнение марша, был разработан оптимальный маршрут, предусмотрен порядок поддержания связи с министром обороны и Генеральным штабом, определены меры по соблюдению скрытности и дезинформации натовского командования.

На последнем останавлиюсь особо. В группе, которая работала над планом, отдавали себе отчет в том, что в условиях боевых действий в регионе наша бригада в Углевике не могла не находиться «под колпаком» американцев. Поэтому сделать попытку покинуть место постоянной дислокации тайно от командования дивизии «Север» — означало бы наверняка провалить замысел. Дело не в том, что командир бригады проявил бы некое своеволие: нет, он и не подчинялся командованию дивизии, а, согласно установленному порядку, лишь информировал штаб дивизии о тех или иных своих действиях. Но любые, не оговоренные заранее перемещения неизбежно вызвали бы подозрения и доклад в штаб-квартиру НАТО по линии разведки. А если задействована разведка, то такие доклады — нам было хорошо известно — быстро идут на самый верх. В этом случае наш замысел рисковал рухнуть в первый же час своего воплощения в результате мощного политического давления на Б. Н. Ельцина из Вашингтона и Брюсселя, которое последовало бы незамедлительно.

После многочасовых размышлений родилось, казалось бы, простое, но очень остроумное решение — не пытаться скрыть, а наоборот официально проинформировать командование дивизии «Север» о выходе батальона из места постоянной дислокации. Такая практика установилась давно: наши офицеры постоянно находились в штабе дивизии и, оперативно не подчиняясь ее командованию, тем не менее, в порядке информации сообщали ему, когда то или иное подразделение российской бригады выходило на разминирование, патрулирование или выполнение иной задачи подобного рода. Поскольку информирование о таких выходах стало, повторяю, обычным, даже рутинным делом, очередное из них не должно было никого насто-

рожить. И вот в установленный час в череду таких обыденных докладов командование бригады по указанию из Москвы ввело информацию о том, что наш батальон получил приказ на выдвижение на территорию Союзной Республики Югославии. При этом специально был выбран момент доклада — в послеобеденное время, когда тянет вздремнуть и восприятие имеет обыкновение притупляться. Командир дивизии воспринял эту информацию более чем спокойно. Лишь поинтересовался, не нужна ли какая помощь для выполнения той самой «частной задачи». «Помощи не требуется», — услышал в ответ и пожелал русским успеха.

Тонкий учет психологии командования дивизии «Север» сыграл свою роль. Спрятав начало марша за рутинным выходом, мы добились главного — не пошли доклады «наверх» по линии натовской военной разведки и ЦРУ. Сам же штаб дивизии «Север» — это достаточно автономная структура, выше него находился лишь штаб многонациональных сил, в худшем для нас случае командир дивизии доложил бы туда, да и то, вероятно, лишь в рамках итогового доклада за день. В общем, наш батальон получил временную фору и в течение нескольких часов двигался в удивительно спокойной обстановке. Хочется надеяться, что когда-нибудь имена двух достойных россиян — офицера Генерального штаба и офицера ГРУ, авторов этой остроумной дезинформации, можно будет назвать публично.

Колонна состояла из 15 БТРов и 35 бортовых автомобилей с личным составом. На стороне наших 200 парней был один, но исключительный фактор: большая часть марша проходила по территории дружественной Сербии, и с первых часов стало ясно, что наш расчет на горячие симпатии сербов к воинам под российским триколором оправдался с лихвой. Эффективную помощь в продвижении батальона оказал генерал-лейтенант Е. Н. Бармянцев, наш военный атташе в Югославии.

Под Белградом батальон принял под свое командование генерал-лейтенант В. М. Заварзин.

Разведка постоянно докладывала министру обороны о местоположении натовских войск, и как только спецподразделения альянса (разведки, связи и другие) пересекли границу Македонии с Косово, генералу В. М. Заварзину была дана команда: «Вперед!». Ночью 12 июня наш батальон в соответствии с планом пересек административную границу Сербии с Косово и двинулся на Приштину.

К этому времени о выдвижении российских десантников в Брюсселе уже знали. Мы ощутили это по резко возросшему дипломатическому давлению со стороны США. Американская делегация во главе с С. Тэлботтом была на пути в Вашингтон, когда во время полета над Европой на борт поступила команда возвратиться в Москву. Задача, как потом стало ясно, состояла в том, чтобы сковать военно-политическое руководство России видимостью переговоров и обеспечить упреждающий ввод натовских войск в Косово. Министр иностранных дел И. С. Иванов поздно вечером привез всю команду С. Тэлботта в Министерство обороны. Последний назвал себя специальным представителем президента США и потребовал (именно так!), чтобы переговоры с ним вели министр иностранных дел, министр обороны, начальник Генштаба и другие высокопоставленные военные. И. С. Иванов почему-то согласился удовлетворить это требование. В зале для заседаний коллегии сели за стол. Никаких переговоров на самом деле не было. Ук-

радкой поглядывая на часы, заокеанский визитер вел неспешный светский разговор. Пустое времяпровождение становилось все более очевидным. Я предложил: пусть министры и начальник Генштаба идут заниматься своими делами, а «переговорщиками», если угодно, будем мы. Если нет конкретной темы, военные могли бы приступить к согласованию вопросов технического плана — об организации взаимодействия и прочее. С. Тэлботт категорически возразил, заявив, что он против отдельных переговоров военных. И действительно, ему нужно было отвлечь от дела не нас, а первых лиц Министерства обороны и Министерства иностранных дел.

Наконец, у И. Д. Сергеева и И. С. Иванова терпение лопнуло, и они ушли в кабинет министра обороны. Спустя некоторое время я последовал за ними, оставив С. Тэлботта и его команду в зале на попечении одного из генералов. И. С. Иванова больше всего страшила перспектива возможного боестолкновения с натовцами. Он настаивал: батальон вводить нельзя, давайте его вернем, задержим, посмотрим, как будет развиваться обстановка. Однако это самое худшее в военном деле, когда несколько раз меняешь подчиненным задачу. Они, видя нерешительность командира, и сами начинают действовать с оглядкой. По вопросам и репликам И. Д. Сергеева я видел, что маршал тоже опасался неспровоцированного открытия огня против нашего контингента. Но в отличие от своего коллеги склонность к импульсивным решениям не демонстрировал, а побуждал нас к более углубленному и всестороннему анализу ситуации. Вопрос о возможности вооруженного столкновения с натовцами мы отработывали еще на стадии принятия решения о броске в Косово. Опираясь на данные разведки и на практику принятия решений в НАТО, приводили аргументы в пользу того, что без решения Совета НАТО американцы удар не нанесут, а другие западные страны тем более. А чтобы такое решение не состоялось, нужно было работать с отдельными членами альянса. И даже если решение о вооруженной конфронтации примут, у нас оставалось время для реагирования, поскольку это могло случиться лишь после неоднократного со стороны США выкручивания рук своим союзникам. Но и при этом на конфликт с Россией решились бы немногие. Так что перспективы консенсуса в НАТО по вопросу о вооруженном столкновении с Россией были весьма призрачными.

Был и еще один вариант, запасной: лететь в Белград и в случае угрозы боестолкновения с натовцами провести блицпереговоры о совместном противодействии угрозе нашим миротворцам. Мы хорошо знали настроения сербских военных: они были готовы развернуть войска в южном направлении и войти в Косово. В этом случае натовцы оказались бы перед перспективой наземной операции, которой они страшно боялись. Тем более, что армия СРЮ с удовольствием отомстила бы агрессорам и за жертвы и за поруганную честь. Да еще в братском союзе с русскими. Этот аргумент стал решающим. Но можно лишь представить, какой груз ответственности брал на себя министр обороны. Как стало известно, почти сразу же, к давлению на него добавлялись и самочинные действия некоторых должностных лиц. Я находился в кабинете министра обороны, когда его адъютант сообщил мне о звонке В. М. Заварзина по мобильному телефону. Он сообщал: только что по командно-штабной связи боснийской бригады получен приказ начальника Генерального штаба А. В. Квашнина развернуть батальон в обратном направлении (колонна к этому моменту

уже пересекла границу и двигалась по территории Косово, правда, об этом из числа присутствующих в кабинете министра обороны знали лишь единицы). Пришлось напомнить В. М. Заварзину, что решение на ввод батальона принял Верховный Главнокомандующий — Президент России, а приказ о нем отдал министр обороны.

Этот приказ обязателен к исполнению. Следовательно, никаких разворотов и остановок — только вперед. А чтобы уберечь В. М. Заварзина от новых, не санкционированных министром обороны приказов, я предложил ему на некоторое время выключить мобильный телефон. Потом, правда, была еще одна попытка А. В. Квашнина — опять же через штаб бригады (в колонне шла командно-штабная машина со своей аппаратурой связи) — передать приказ на остановку батальона. Виктор Михайлович, помня о нашем разговоре, действовал четко и жестко, взяв на себя ответственность за выполнение поставленной задачи.

Между тем в кабинете И. Д. Ссргеева обстановка явно стала уравновешеннее: батальон, если судить по докладу А. В. Квашнина, двигался в обратном направлении, и И. С. Иванов успокоился. Неожиданно в кабинет вошел генерал-лейтенант А. И. Мазуркевич, присматривавший за американской группой, и сообщил, что CNN ведет прямой репортаж о вхождении в Приштину российского батальона. А господин С. Тэлботт срочно желает видеть министра иностранных дел. Для И. С. Иванова это было подобно грому с ясного неба. Он полагался на заверения А. В. Квашнина (начальник Генштаба и сам был уверен, что его команда о возвращении батальона дошла до исполнителей и действует), а тут... И. С. Иванов в сердцах обругал нас: мол, с вами, военными, как свяжешься, так обязательно попадешь в неприятность. Вышел к американцам и попытался объяснить им, что допущена техническая ошибка, которая будет оперативно исправлена. И уехал к себе. Вслед за ним здание нашего Министерства обороны покинули и С. Тэлботт с командой. Через непродолжительное время по основным телеканалам прошел сюжет, в котором И. С. Иванов публично повторил сказанное американцам и добавил, что российский батальон будет возвращен в место постоянной дислокации. Но десантников уже с ликованием встречало сербское население Приштины, а мировые СМИ трубили об этом как о триумфе России. Затем наш батальон вышел на аэродром «Слатина» и, как положено по уставу, занял круговую оборону.

Но одно напряжение сменилось в Министерстве обороны другим. На завтра в 11 часов утра И. Д. Сергееву предстоял доклад у президента страны, и он, естественно, волновался в ожидании, как отреагируют натовцы? Не спровоцируют ли обстрел, столкновение? В тот же район шла английская бригада. Пытались мы предвосхитить и возможную реакцию Б. Н. Ельцина. Обстановку разрядил звонок В. М. Заварзина. Он докладывал, что англичане предлагают ему встречу. Я, в свою очередь, доложил И. Д. Сергееву, получил согласие и поставил задачу генералу:

— Встречайся, но на своей территории, англичан должно быть не более пяти — шести человек, чтобы не допустить даже тени провокации или чего-то подобного. По завершении встречи доложить.

Время проходит, В. М. Заварзин молчит. Наконец докладывает:

— Англичане — нормальные мужики. Никакой политики: обсуждаем, как организовать меры безопасности, взаимодействие и т. д.

Потом дополнительно доложил, что командир бригады и пять его старших офицеров просят разрешения переночевать в расположении батальона. У них еще ничего не устроено, а о русском гостеприимстве они наслышаны. Как быть?

От такого звонка сразу стало спокойнее на душе. Доложил Игорю Дмитриевичу Сергееву. От неожиданности он, кажется, даже слегка опешил. Гостей приютить разрешил, посоветовал накормить ужином и даже предложить им по рюмке водки, но не больше. Так что первую ночь новой косовской драмы руководители английской бригады ночевали в нашей командно-штабной машине.

Потом, уже под утро, и Д. Фогльсонг попробовал установить связь с В. М. Заварзиным. То есть стало ясно, что натовские военные восприняли рейд российского батальона спокойно и на разных уровнях стали налаживать взаимодействие. Это окончательно разрядило обстановку в окружении И. Д. Сергеева, и мы приступили к подготовке его доклада Б. Н. Ельцину. Изложили ситуацию до ввода нашего батальона и после, указали на попытку С. Тэлботта ввести нас в заблуждение относительно срока ввода натовских войск, убаюкать видимостью переговоров и упредить российский контингент, заняв важнейший стратегический пункт Косово — аэродром «Слатина». В текст заложили твердое убеждение, что Россия, не сделав в сложившейся ситуации решительного шага, потерпела бы поражение, и не только на дипломатическом фронте, оказалась бы просителем в процессе осуществления международного присутствия в Косово.

Со слов очевидца знаю, что когда И. Д. Сергеев появился в зале, где должно было состояться совещание, присутствующие смотрели на него настороженно, и никто особенно не стремился поприветствовать его, обменяться рукопожатием. Вошел Б. Н. Ельцин, попросил доложить об обстоятельствах ввода российского контингента. Маршал не стал ссылаться на кого-то из подчиненных, хотя и знал, что реакция президента — Верховного Главнокомандующего, обычно плохо предсказуема. Вполне можно было сойти с трибуны уже и не министром обороны, как случилось с его предшественником. Но взял всю ответственность на себя и доложил: «В сложившейся ситуации, выполняя ваше указание об одновременном вводе, принял решение выдвинуть батальон, взять под контроль стратегически важные объекты. Задача выполнена успешно. Воины-десантники под командованием генерала Заварзина действовали решительно и смело».

После доклада в зале наступила тишина. Паузу прервала фраза, произнесенная со всем известной ельцинской интонацией: «Ну, наконец, я щелкнул по носу...» (здесь президент назвал некоторых руководителей стран НАТО). Тут же из зала донеслось подобострастное: «Вы, Борис Николаевич, не щелкнули — вы врезали по физиономии». Б. Н. Ельцин поднялся и обнял И. Д. Сергеева, поблагодарив за подвиг российских ребят. К маршалу тут же выстроилась очередь с поздравлениями.

Добавлю, что на следующий день Б. Н. Ельцин подписал указ о присвоении В. М. Заварзину очередного воинского звания — генерал-полковник, с чем И. Д. Сергеев и мы, члены его команды, искренне поздравили старшего воинского начальника вновь образованного приштинского гарнизона. Правда, и в этой ситуации не обошлось без маленькой интриги со стороны антироссийских (не побоюсь этого слова) сил. Нам стало известно, что лейтмотивом готовившейся на НТВ программы «Итоги» небезызвестный Е. А. Киселев собирался

сделать заявление, будто военные пошли на ввод батальона в Приштину самолично, вопреки воле президента и Верховного Главнокомандующего. Намекалось на своеволие военачальников и чуть ли не на возможность военного переворота. Пришлось пойти на упреждающие меры. Как только указ о присвоении В. М. Заварзину воинского звания «генерал-полковник» был подписан, мы позаботились о скорейшем распространении этого известия по каналам оперативной информации. Теперь уже ни у кого не возникало сомнений, что военачальник отмечен президентом именно за успешный рейд батальона. Столкнуть военных с Верховным не удалось, и Е. А. Киселеву осталось лишь пробормотать нечто невразумительное: мол, если за командование батальоном давать генеральские звезды, то сколько же будет в России генералов?

Как стало известно, уже после некоторой стабилизации обстановки в Косово, в НАТО все-таки нашлись горячие головы, которые предлагали вооруженным путем воспрепятствовать российскому контингенту. Но наш батальон прочно закрепился на аэродроме «Слатина». Первоначальный план предусматривал, что с территории России будут переброшены по воздуху еще два батальона. Один предназначался для Косовской Митровицы, а второй бы усиливал наш первый батальон в районе аэродрома. Потом он мог бы отойти в город Ниш и стать оперативным резервом. Однако Румыния и Венгрия в нарушение Чикагской конвенции о праве авиационных полетов не предоставили воздушного коридора, и тот вариант не сработал.

Какой должна быть зона ответственности российского контингента, определилось на переговорах с американцами в Хельсинки 18 июня. В конце концов в соответствии с резолюцией Совета Безопасности № 1244 в Косово была развернута многонациональная группировка сил стабилизации. В ее состав вошли части и подразделения 22 государств мира, в том числе России. Общая численность группировки КФОР составляла около 46,5 тыс. солдат и офицеров. Российский воинский контингент насчитывал свыше 3,5 тыс. человек и организационно состоял из четырех тактических групп. Каждая из них выполняла свои обязанности в соответствии с общим планом операции, не подчиняясь натовскому командованию. Дополнительно российские миротворцы предупреждали провокации албанских боевиков, оперативно выезжали на защиту православных храмов, откликались на социально-бытовые просьбы сербского населения. Сложностей было много. Но по общему признанию, пребывание в регионе российских десантников существенно стабилизировало ситуацию.

Так продолжалось до апреля 2003 г., когда начальник Генштаба А. В. Квашнин против всякой логики заявил: «У нас не осталось стратегических интересов на Балканах, а на выводе миротворцев мы экономим 25 млн. долларов в год». Как следствие, российские миротворческие подразделения были выведены из Боснии и Герцеговины, а также из Косово. Убежден, что это шло вразрез со стратегическими интересами России на Балканах. Они есть в регионе уже не одно столетие, не исчезли и сегодня. К сожалению, в силу господствующей ныне бухгалтерской, утилитарно-прагматической логики мы бросили на Кубе уникальный разведцентр Лурдес, оставили вьетнамский Камрань — лучшую бухту в Юго-Восточной Азии... И что, Россия выиграла? Сдачей всех геополитических позиций обернулся и уход с Балкан. А ведь впервые за много лет ребята-десантники, совершившие бросок на Приштину, возродили у той части мирового сообщества, которая не желает жить по указке из Вашингтона, настоящую веру в Россию.

Славянское БРАТСТВО

Николай БУРЛЯЕВ

РАСПЯТОЕ КОСОВО

Николай Петрович Бурляев — родился в 1946 г. в Москве. Закончил актерский ф-т театрального училища им. Б. В. Шукина и режиссерский ф-т ВГИКа. Лауреат Государственной Премии Югославии («Вукова награда»). Лауреат международных кинофестивалей в Венеции, Каннах, Берлине, Оберхаузене, Сан-Франциско, Акапулько др. Создатель и бессменный Президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь». Председатель Международного Объединения Кинематографистов Славянских и Православных Народов. Президент Фонда культуры казаков России. Академик. Народный артист РФ. Снимался в 70 фильмах. Кавалер орденов Преподобного Сергия Радонежского III степени и Международной премии, ордена Святого Всехвального Апостола Андрея Первозванного. Член правления Союза кинематографистов России. Член СП России. Художественный руководитель киностудии «Отечество». **Живет в Москве.**

Наша делегация: режиссер — М. Н. Пташук, публицист — Д. А. Достоевский и я направлялась в Сербию для проведения «Эхо Международного Кинофорума «Золотой Витязь». В течение недели мы намеревались показать сербским зрителям фильмы: «Андрей Рублев», «Сибирский цирюльник», «Лермонтов», «В августе 44-го...», «Кооператив политбюро», фильмы по роману Ф. М. Достоевского — «Мальчики» и «Игрок», а так же программу документальных фильмов киностудии «Отечество» — «На поле Куликовом», «Дума о поле Куликовом» и «Непокоренная Россия».

Я не раскрывал своим коллегам все подробности нашего «турне», организованного Международным Объединением Кинематографистов Славянских и Православных Народов, Министерством Культуры РФ, и белградским Обществом Сербско-Русской дружбы. Лишь в общих чертах я сообщил, что поездка будет необыкновенно интересной, что мы побываем не только в Белграде, но и на Косово, куда до нас не ступала нога не только российских, но и сербских кинематографистов, во всяком случае — последние три года.

Уже подлетая к Белграду мы увидели в иллюминаторе разбомбленные мосты — словно гигантские птицы, разметавшие свои переломанные крылья в водах голубого Дуная. Проезжая по улицам Белграда, вглядывались в обезображенные, разрушенные ракетными взрывами, здания, узнавали о демографической и социальной катастрофе, идущей параллельно чудовищной экологической катастрофой, последовавшей после бомбардировок с урановой начинкой, о резком возрастании онкологических заболеваний, особенно среди молодежи.

И все это — последствие варварской агрессии, бесчинства двух десятков «цивилизованных» стран НАТО и Америки в Югославии.

Невольно вспоминались слова Лермонтова: «...Жалкий человек! Чего он хочет? — Небо ясно. Под небом место есть для всех, но непрестанно и напрасно один враждует он. Зачем?!»

Зачем было нужно столь циничное и необоснованное надругательство, насилие над «отдельно взятым» народом?..

Из аэропорта, где нас встретила молодая, но уже можно сказать — выдающаяся актриса сербского театра Ивана Жигон, недавно избранная на пост Председателя Общества Сербско-Русской дружбы, сразу же направились в Черногорию, через которую мы должны были попасть в Косовский край. Ехали быстро, торопились. Путь предстоял не шуточный: километров 600 до того места в горах, в нейтральной зоне между Черногорией и Косово, куда мы должны были прибыть без опоздания, ровно в 24.00 — время встречи с военным конвоем итальянских солдат контингента миротворческих сил КФОР, которые взяли на себя ответственность сопровождения нашей киноделегации по Косово. Российское посольство в Белграде и наши военные представители не решились взять подобную ответственность на себя. Итальянцы решили экскортировать нас ночью, так как днем это было не безопасно.

Около 22 часов, на промежуточной остановке в монастыре Башня Георгия, построенном в 1171 году, соединились с сербскими кинематографистами, прибывшими для подкрепления нашей международной, полувоенной акции — Эхо «Золотого Витязя» в Косово. Вице-президент МКФ «Золотой Витязь», президент кинокомпании «Филм и тон», лауреат премии МКФ «Золотой Витязь» «За выдающийся вклад в кинематограф» имени С. Ф. Бондарчука, обладатель десятков наград различных международных кинофестивалей, киносценарист Иован Маркович, популярная сербская актриса (мать Ивана Жигон) — Елена Жигон, член Президиума ФИПРЕСИ, киносценарист Божидар Зечевич и с ними фотокорреспондент и советник сербского Министерства по делам религии. После быстротечной постной, но вкусной трапезы в тепле у высокорослого и молодого игумена, отца Петра, снова в путь.

Мы, три россиянина, оделись весьма легкомысленно, надеясь на южный югославский климат и прогноз погоды, сообщавший накануне, что в Белграде +20. Уже в белградском аэропорту было +7, а в горах —8 и пронизывающий ветер за бортом.

По дороге наш водитель, родом с Косово, но три года не бывавший на родине, ставшей оккупированной зоной, рассказывал нам о том, что в Дечанах (первом городке, с которого мы должны начать путешествие по Косово), несколько дней тому назад албанцы убили трех последних сербов — мать и дочь. Теперь сербское присутствие в Дечанах, это — 30 монахов в Дечанском монастыре, живущих под охраной итальянских войск и не выходящих за пределы монастыря уже три года. Вдоль по дороге видим десятки дальнобойных машин с контрабандой, (свободно курсирующих на Косово), припарковавшихся на ночлег. Ночью даже контрабандисты не рискуют двигаться дальше.

На условленное место в нейтральной зоне прибыли почти вовремя: в 00.03 минуты, в ночь с 23 на 24 марта. Только здесь осознали, что непреднамеренно, но символично пересекли границу с Косово именно 24 марта. В этот день, три года назад НАТО начало бомбардировку Югославии.

Мы-то приехали вовремя, а итальянцев... нет...

Ждем 30 минут... Час... Час тридцать, а их все нет...

Ночь, холод, снегопад, и абсолютная неизвестность впереди.

Вдруг с косовской, албанской стороны забрезжили фары. Все обрадовались — «итальянцы»! Оказалось нет... албанская легковая машина медленно проехала мимо нас и встала в двухстах метрах выше развернувшись фарами в нашу сторону. Спустя пять минут вернулась и пристроилась позади нас.

На двух наших машинах белградские номера. Теперь наш визит на Косово для албанцев уже не секрет. «Албанец» на машине вновь объезжает нас и занимает ту же позицию в двухстах метрах вверху.

Решаем возвращаться назад, в Черногорию. Обе наши машины срываются с места. Пролетаем мимо «албанца», но чем выше в гору, тем меньше наша скорость... Через 300 метров застреваем, буксуем по гололеду... Все — приехали. Возвращение в Черногорию не возможно. Двигаться на Косово.. к албанцам.. без конвоя?..

Выхода нет. Возвращаемся, мимо «албанца», на место предполагаемой встречи с конвоем... Ждем... Проходит еще 10 минут... С албанской стороны вновь засветилось горное пространство. Вглядываемся в завьюженную ночь с надеждой и вопросом, кто же это..? Медленно надвигались на нас три пары фар. Долгожданные итальянцы!..

Боже, как все перевернуто и противоречиво в этом мире: итальянцы, три года назад воевавшие как члены НАТО против Югославии, бывшие ее врагами, а значит и нашими врагами, сейчас, появившись из снежной ночи как тати в камуфляже, воспринимаются нами — спасителями. Еще час итальянцы, по своей связи решали вопрос с командованием, что делать с доставившими нас машинами. По первоначальному плану конвой принимал под охрану лишь кинематографистов, а машины должны были вернуться в Черногорию. Наконец свинтили с машин белградские номера и караваном в окружении бронетранспортеров двинулись в сторону Дечана. По гололеду двигались медленно, 5 километров в час. Дорогу в 20 верст до монастыря преодолели за 2 часа. И все это время, высунувшись по пояс из бойниц на крышах БТР-ов, подле своих пулеметов, на пронизывающем ветру, на холоде всматривались в горы и окружающий недобрый мир два солдата.

В шестом часу утра добрались, наконец, до Дечанского монастыря, где нас встретил не сомкнувший в эту ночь глаз, отец Феодосий, сорокалетний чернобородый игумен, с иконописным аскетическим лицом. Высокорослый, спокойный и ласковый, он прежде всего провел нас в трапезную, покормил и пригласил на Литургию в храм. Отдохнув два часа, а кто и вовсе не спав, мы все собрались в храме.

Литургия на пороге смерти, в предощущении своего собственного распятия — особая Литургия. Высокорослые и прекрасные, в белом облачении, похожие на светоносных ангелов сосредоточенно и несуетливо они совершали свою службу пред Господом. Полумрак величественного храма XIII века, освещенного разноцветными огоньками лампад и неяркими, падающими из высоких окон столпами утреннего света. Стены на десятки метров вверх, расписанные бесценными фресками. Пение пятнадцати монахов и мерный, ритмичный звук позвякивающего паникадила. Тихое причастие немногих прихожан из соседних местечек, добравшихся на утреннюю службу под

охраной испанских КФОРовцев. Три года монахи Дечанского монастыря не покидают стен своей обители, охраняемой итальянским КФОРом в количестве 600 солдат. У них нет сообщения с другими монастырями и теми немногими сербами, что еще остались на территории Косова. Некоторые итальянские солдаты стоят на богослужении вместе с сербами, прикладываются к иконам и мощам православных святых, подставляют свой лоб для помазания игумену, прикладываются к его благословляющей руке. Кое-кто из солдат крестились в православную веру.

Поэтому их не долго задерживают в Косово: четыре месяца и — домой, в Италию, (российские солдаты служат здесь больше года). Но многие итальянцы уезжают домой другими людьми. Кто-то возвращается из Косова мертвым. Уже 21 итальянский солдат погибли здесь: половина — подорвалась на минах, половину выкосили снайперы.

Мы задали вопрос итальянцам указывая на окрестные горы:

— Там есть снайперы?

— Есть.

— Они могут выстрелить в нас?

— Могут.

Таких творческих встреч в нашей жизни не было никогда. Под охраной бронетехники и пулеметчиков, в трапезной монастыря перед тридцатью монахами и пятьюдесятью прихожанами, среди которых были и неизвестно как попавшие сюда три профессора итальянского университета, поклонники фильмов Тарковского — «Иванова детства» и «Андрея Рублева», пораженные тем, что на Косово встретили героя этих картин.

Собравшиеся жадно ловили каждое слово Дмитрия Андреевича Достоевского, правнука великого русского писателя, белорусского режиссера Михаила Николаевича Пташука, стихи о Косово в исполнении выдающихся сербских актрис Иваны и Елены Жигон, поэзию бесстрашной сербской женщины, режиссера Елены Бойович, снявшей о косовской трагедии уже не один фильм...

В этот же день под конвоем итальянской бронетехники в предоставленном нам военном автобусе с зашторенными окнами, которые нам запрещено было открывать, мы передислоцировались в женский монастырь Печь Патриаршия, где показали фильм «Мальчики» (по Достоевскому) и документальную дилогию «На поле Куликовом» и «Дума о поле Куликовом» (выдающегося русского режиссера Б. Л. Карпова). Все наши фильмы смотрятся здесь иными глазами, ибо чувства и эмоции наших косовских зрителей, забывших о кинематографе, обострены до предела.

Только вокруг Печи Патриаршей уничтожено около 28 монастырей и храмов мирового исторического значения. Нет второго такого места на планете, как Косово — где на столь небольшом пространстве земли сосредоточено около 3000 уникальных монастырей и храмов с XI—XIX век, памятников мирового культурного значения. Более 130 из них уже разрушены. Эти святыни вселенской культуры уже не обозначают на картах Европы. Стереть с лица земли культуру и память народную, значит уничтожить и сам народ.

— Настанут ли на Косово лучшие времена? — спросила меня одна из монахинь.

Я ответил ей словами легендарного сербского воеводы:

— Нам нет спасения — мы победим!

— У меня нет ненависти ни к одному албанцу, — сказала она. — Нельзя ненавидя кого-то, любить Христа. Это дает нам силу... всем сестрам... Албанцев готовят к независимому Косово, ими умело манипулируют. Беда, что некоторые сербы тоже пятали свои руки их кровью. Это дает повод албанцам для их жестокости и мстительности...

И снова в путь. Вдоль дорог албанцы сняли все прежние сербские указатели селений и городков, разрушили кладбища и все красивые сербские дома. На их фундаментах поспешно воздвигаются примитивные красные кирпичные коробки. Некогда цветущий, опрятный и прекрасный Косовский край превращен в свалку. Всюду грязь и разруха. Наши сербы, много раз бывавшие здесь в былые времена, ничего не могли узнавать.

Албанцам дана команда: уничтожать прежнее, строиться и размножаться. Из миллиона трехсот албанцев, наводнивших сегодня Косово, триста тысяч доставлено сюда из Албании. Сегодня на Косово — царство вора. Вора, осознавшего, что пришел его час. Миг, когда при поддержке Запада он может предаться вожделенной вседозволенности. Я вглядывался в лица албанцев, мелькавшие в лобовом стекле, проплывавшие мимо зашторенных окон нашего автобуса. У всех поголовно, у взрослых и детей, единое испуганно-агрессивное, вопрошающе-суетливое выражение лица, словно их застали врасплох на месте преступления.

Нет сегодня на нашей планете второго подобного места, где столь цинично и жестоко попираются все права и свобода человека-серб. Даже при апартеиде у обитателей африканского гетто была возможность свободно дышать и передвигаться внутри оно. На Косово сербы не могут сделать свободно ни единого шага, не подвергая себя смертельной опасности. Старуху — за лекарством и в храм, ребенка — в школу и домой водят под охраной два-три автоматчика. Даже Святейшего Патриарха Сербского Павла на богослужение в его резиденцию, в Печский монастырь доставляют в бронетранспортере, унижая многочасовыми задержками на блок-постах.

Сегодня сербы на Косово не могут свободно дышать, не могут сделать ни единого шага. На Косово для сербов — двойное гетто, двойной геноцид: албанский и КФОРовский. KFOR — переводится, как «Косовские Силы Разума». Хотя правильнее было бы назвать всю эту кровавую косовскую вакханалию — б е з у м и е м. Царство вора под прикрытием КФОР.

Как корабль от монастыря к монастырю, словно от острова к острову переправлялся кино-караван «Золотого Витязя», укрепляя души осажденных в них людей. Творцы «нового мирового порядка» хотят спрятать от мира свой Косовский позор — оккупированное, арестованное Православие. Они лгут ничего не ведающим людям планеты о том, что творится на Косово. Впрочем еще 150 лет тому назад поэт Ф. И. Тютчев писал «Славянам»: «Давно на почве европейской, где ложь так пышно разрослась, давно наукой фарисейской двойная правда создалась: для них — закон и равноправность, для нас — насилие и обман, и закрепила стародавность их как наследие славян».

В местечке Осояны, в полуразрушенной школе собрались 180 сербов, первых возвращенцев в родные места. Они решились на это доверяя испанским войскам, охраняющим этот сектор Косова. Сербь выделяют испанских

военных из всех КФОРовцев, надеются, что те смогут их защитить. Живут сербы в крохотных пластиковых контейнерах, словно в собачьих будках. У стариков и детей в глазах — страдание и немой, но кричащий вопрос: «Что ожидает их завтра?!..»

Мы раздали детям сладости, игрушки, учебники — скромный дар Общества Сербско-Русской дружбы. Они молча вертели в руках игрушки, словно видели их впервые.

Наше выступление перед суроволицей, но необыкновенно горячо, как-то ожесточенно, аплодирующей аудиторией... Сербская поэзия о Косовской трагедии в исполнении Елены и Ивана Жигон вызывала слезы. Зрители с окаменелыми лицами терли свои глаза, казалось выплакавшие весь запас слез. Когда мы все вместе запели «Тамо далеко...» зрители встали со своих мест, словно это зазвучал сербский гимн. Солдаты из нашей итальянской охраны, пораженные, смотрели на это славянское священнодействие.

Когда тронулись дальше, Михаил Пташук угостил итальянцев белорусской водкой. Солдаты с удовольствием хлебали из горлышка, и мы вместе пели «О доле mio», «Тамо далеко» и русскую песню «Ах, зачем ты меня целовала, Дуня?..» Итальянцы радовались как дети, аплодировали, кричали «Достоевский!..» Контакт был налажен полный. И на видеокамеры наши позировали с удовольствием, и шторы на окнах позволяли нам распахивать когда угодно...

Итальянцы благополучно проконвоировали нас через все Косово с юга на север. Въехали в город Косовская Митровица, поделенный мостом на две части албанскую и сербскую. Едва въехали на сербскую территорию, пейзаж разительно изменился. Даже в этой беднейшей части Сербии — чистота и порядок рачительных хозяев своей земли.

В придорожном кафе прощались с нашими итальянскими друзьями. Заказали для них 23 рюмки ракии. Поблагодарили за заботу о нас на протяжении этих двух суток. Каждый из солдат подошел к каждому из нас: и с каждым из итальянцев мы трижды по-русски, сердечно лобызались.

Вечером в Косовской Митровице, в Приштинском Университете состоялось открытие Киноклуба «Золотой Витязь». Четырехсотместный зал был заполнен битком, стояли вдоль стен и лестниц. Снимали видеокамеры, записывали для радио, было много журналистов — это означало, что наше нелегальное положение закончилось.

Мы подарили новому Киноклубу видеопроектор и заложили основу клубного видеофонда двадцатью видеокассетами: «Лермонтов», «Сибирский цирюльник», «В августе 44-го...», «Кооператив политбюро», «Мальчики», «Игрок», документальный фильм «Непокоренная Россия» и 15 сербских документальных фильмов от Кинокомпании «Филм и тон» Иована Марковича.

Все, что последовало за пределами Косовского края: путешествие по живописной Сербии, встречи, просмотры, пресс-конференции, киноакадемия, кинотека, горы, комфортабельная жизнь — все воспринималось как сон. Все наши мысли были о Косово...

В Белградском Русском Доме, в переполненном зале в присутствии послов России, Украины и Белоруссии и большого количества журналистов мы рассказали о своей военно-полевой кинематографической акции, рассказали правду о Косово. Все каналы телевидения и все газеты дали об этом ин-

формацию. На Открытии 49 Белградского кинофестиваля документально-го фильма Международному Кинофоруму «Золотой Витязь» была вручена специальная Грамота с формулировкой «За великую поддержку и помощь в наитяжелейшие годы для Сербского народа и Сербской культуры». Показанный на фестивале документальный фильм Татьяны Карповой «Видимое и сокровенное» вызвал восторженный прием зрителей. А потом в рамках фестиваля прошел «День МКФ «Золотой Витязь» и было показано 10 сербских фильмов, премированных на Всеславянском Кинофоруме за 10 лет... Много было приятного, но все это уже не веселило сердца. И Пташук, и Достоевский, и я — постоянно думали о Косово.

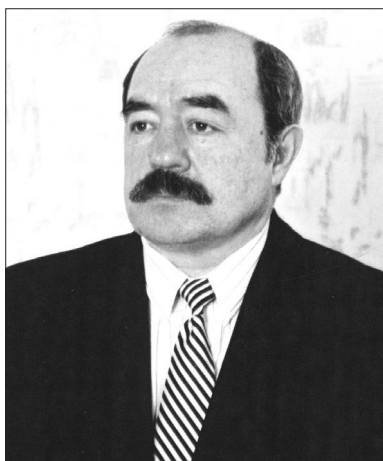
Там — было наше п р о б у ж д е н и е. Ибо вся жизнь человеческая — сплошной сон и пробуждается мы только при соприкосновении с Истиной. На распятом Косово живет Истина.

РУССКИЙ СИЛУЭТ

*В. Гельмерсен. Из иллюстраций
к «Евгению Онегину». 1914–1923*

ПОЭЗИЯ

Виктор ВЕСЕЛОВ

«ЗАЩИЩАЯ ЧЕСТЬ СВОЕЙ СТРАНЫ»

Виктор Романович Веселов — окончил историко-филологический факультет Костромского пединститута, вел уроки русского языка, литературы, истории в сельской школе. Служил в Армии, офицер запаса. Доктор исторических наук, профессор Костромского государственного университета. Заслуженный работник высшей школы РФ. Автор поэтических книг и более 250 научных, публицистических работ. Член СП России. **Живет в Костроме.**

НЕ ШУТИТЕ

Не шутите со страной, где болью
Стонет ветер на седых камнях
И где травы вдруг запахнут кровью,
Пролитой когда-то на полях.

Здесь в войну легли костями солдаты,
Защищая честь своей страны.
Разные в истории есть даты:
Дни побед, дни скорби, дни вины.

Шли с востока с гиканьем и воем,
Резали и грабили, и жгли.
Шли с Европы с барабанным боем,
Нас рабами сделать не смогли.

Но сегодня взяли нас за горло
Те, которым место лишь в аду.
Нам сегодня совестно и горько
За страну, которая в бреду,

Где старушка милостыню просит,
А магнат футбольный клуб купил,
Где чеченки в сумках бомбы носят,
А народ по-черному запил.

Но всему есть сроки и пределы,
И с коленей встанет та страна,
Где смолкают внуки, если деды
Надевают в праздник ордена.

ТИШИНА

Нам тишиной заляпывают рот
И сторожат неласковое слово.
Страна кричит, но глух ее народ,
Хотя его молчание сурово.

ЗАПЛАКАННОСТЬ

Плач журавлей за туманом,
Слёзам не выплакан срок.
Голос послышится мамин:
«Что-то взгрустнулось, сынок».

Эта заплаканность дали
С русской душою в родстве.
Столько разлито печали,
Сколько росы на траве...

ИЮНЬ

Кочевой, раскаленный, багровый,
Словно ворог, июнь жжет леса,
И дымятся горячею кровью
Над рассветной волной небеса.

Полыхает пожарами лето,
Но к огню мы привыкший народ.
Покажи мне такого поэта,
Кто прохладно в России живет.

КРОВЬ

Нет уже ни злости, ни отравы,
Только боль, пронзительная боль.
Новый век свои диктует нравы.
И ему по вкусу, видно, кровь.

До сих пор она еще сочится
С самого начала октября.
Что еще у нас с тобой случится,
Раненая Родина моя...

ПАЯЦЫ

Телеэкран — кормушка для паяцев,
Один аншлаг сменяется другим.
Кривляются бесстыдно и глумятся
Над всем святым и самым дорогим.

Над памятью, над тишиной могильной,
Над тем, за что на подвиг шли и в бой,
И над страной, уже почти дебильной.
Она всю хохочет над собой.

КОЛОКОЛ

Он заржавел и поддается туго,
И взгляд его угрюм и нелюдим.
Да и страна, видать, слаба на ухо,
Так крепко спит, попробуй разбуди.

Ну что ж качнем. И вот из поднебесья
На колокольном языке своем
Он загудел суровой, грозной песней.
Вставай, страна. И мы еще споем...

НЕПРЯДВА

Наш поздний стих, взойди, буди набатом
Заснувшую кошмарным сном страну.
Война пришла, и нам идти в солдаты
Поротно, взводно и по одному.

Не время, друг, валяться на кровати
И выжидать, смотреть телемуру.
Благослови, Господь. Мы выйдем ратью
И перейдем Непрядву поутру.

МЕЧ

Нам ни к чему слепое безрассудство,
Пыл генералов и витиев речь.
Пусть вызреет в душе святое чувство,
В его огне выковывай свой меч.

Он вознесется пламенно и строго
И станет карою и праведным судом
Для тех, кто предал Родину и Бога,
Считал тебя безропотным рабом.

ФИЛИН

Пасмурно, брат мой, и грустно,
Плещется в Волге беда.
Красная пала звезда,
Кровушкой крашена русской.

Что нам высотный жилец
Завтра с утра напорочит?
Филин ночной все хохочет,
Жутко хохочет подлец...

ОТЦЫ

Все чаще стали сниться нам
Отцы, ушедшие из жизни,
И горечь тихой укоризны
Мы ощущаем в этих снах.

Слова невнятные, без зла,
Но взгляды, нервные движенья,

В которых много сожаленья
И нет знакомого тепла.

На сердце ляжет тень вины
За те и эти наши годы.
Отцы все чаще к нам приходят,
Все беспокойней наши сны.

БАЛЛАДА О ПАМЯТИ

От рожденья, с душой нам подарено
Чтить и слышать дыханье веков,
Дикий клич могола, хазарина
И пресветлость рублевских икон.

И когда ветер с древних курганов
Хриплой песней приносит поклон,
Слышно, как половецкие ханы
Русских девушек гонят в полон.

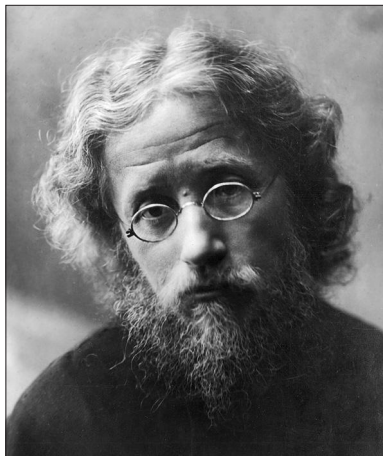
Сколько боли стерпела Россия,
Крест свой праведный молча несла.
Об одном лишь у Бога просила,
Чтоб душа оставалась светла.

Белой лебеди крик над Непрядвой,
Над рейхстагом наш флаг под огнем.
И невзгоды, и радости рядом,
Если помним, то значит живем.

*В. Гельмерсен. Из иллюстраций
к «Евгению Онегину». 1914–1923*

23/X—5/IX 1950 года

**Протоиерей
Борис
НИКОЛАЕВСКИЙ**

ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ*

Протоиерей Борис Николаевский (1884-1954) последние годы своей жизни служил в Свято-Троицком храме в Лесном. В этот период отец Борис записал свои духовные размышления, касающиеся вопросов, волнующих его прихожан. Эти размышления составили содержание «Духовных бесед».

«Духовные беседы» подготовлены к публикации С. Н. Корытиным и Н. Б. Егоровой и печатаются по благословлению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

*Продолжение. Начало в № 1, 2, 3, 4 за 2008 г. и № 1, 2 за 2009 г.

Вы, несомненно, слышали, и не раз, выражения: я имею право, ты не имеешь права, я требую своего заработанного и т. д.

На заводе на Урале — в нашей столярной мастерской — был столяр Иван Кузьмич. Он постоянно бегал в бухгалтерию с нарядом в руках, постоянно горячился, все казалось ему, что его обсчитали. Вот наряд мой, здесь записана моя работа, мне мало зарплаты выписали, я своего требую. Я имею право требовать — я заработанное ищу, вы обязаны, вы должны, и тому подобные речи.

Да вы сами слышали такие речи. Человек кричит: я имею право!

Что значат эти слова: «Имею право»?

Человек, который говорит так, глубоко убежден, что он должен получить и обязательно получит и то, и другое, за свою такую-то и такую работу от того, кто ему эту работу дал. Он имеет право, а этот второй, работодатель, обязан, должен наградить, заплатить за сделанное.

И не только в этом случае, в случае зарплаты за работу, это понятие — право — применяется, просто здесь оно более ясно. Права и обязанности каждого гражданина определяются в законах каждого государства.

Но меня сейчас интересует именно вопрос работы и зарпла-

ты за нее. А почему так? А потому, что такие понятия проникли даже в религию. Такие правовые (как их называют) отношения в иных вероисповеданиях мыслятся и между Господом и человеком. Я Тебе работаю — исполняю Твои заповеди, говорит человек Господу, а Ты мне заплати, награди меня Царством Небесным. Ты должен, Ты обещал мне это сделать.

И это грустнее всего, что такие учения имеются даже в христианских вероисповеданиях, именно в католичестве и протестантстве. А сколько от такого неправильного учения получается зла, горя, вы увидите сами.

Скажите: может ли кто подумать, что такие отношения могут быть между Богом и человеком? А оказывается, что не только могут так думать, а на самом деле так думают — в католичестве.

Как же это могло получиться? А вот как!

Свой центр католики имеют в городе Риме, где живет глава Католической Церкви — Римский Папа.

А город Рим и Римское государство существуют очень давно. Более 2500 лет тому назад Рим имел строго определенные законы, где ясно и определенно были указаны права и обязанности римского гражданина. Самое слово «право» из Рима пошло по всей земле. «Я имею право» — гордо говорил римлянин. И у нас это слово сохранилось доныне.

Это право было основой всей — и общественной, и семейной, и личной — жизни человека. И потому, когда римляне приняли христианство, то они поняли и приняли его, как привыкли принимать все на свете.

Увидели, что и к христианству подходит правовая точка зрения (труд — земная жизнь, награда — Царство Небесное), и успокоились. На первых порах христианства это не было так опасно, потому что христиане горели пламенем любви ко Христу, пламенной ревностью, горящею верою. Мученики шли на костры, их бросали в цирке на съедение зверям, а они вдохновенно славили Господа...

Но потом, когда мирской дух проник в церковь, когда ослабел этот порыв вдохновенный и люди начали думать не о том, как совершеннее исполнить волю Божию, а начали мудрить (как и мы делаем), как бы поудобнее исполнить эту волю, чтобы и мирских радостей не лишиться, и с любезным сердцу миром не расстаться, да и в Царствие Небесное попасть. Как говорит о нас епископ Феофан: «Ныне люди хотят и есть сладко, и пить что повкуснее и работать меньше, и спать подольше, и Богу не молиться, да и в Царство Небесное угодить».

Вот тут и вышло на первое место правовое учение о спасении. Вычитали люди в Евангелии, что нужно делать добрые дела, жить добродетельно-свято, иначе не будешь в Царствии Божием. И наоборот, если не будешь выполнять заповеди Божии, то обязательно в ад угодишь. Это так было согласно с их законами, когда нарушители

законов карались по закону, а исполнявшие их — благоденствовали. И потому они дальше и думать не стали.

Стало быть, надо взяться за Евангелие, надо жить добродетелью — почему? Да потому, что это выгоднее, чем грешить. И получилось католическое учение: надо делать добрые дела обязательно — это главное, сказали, в христианстве.

Добром своим можно все грехи покрыть, можно все ошибки, все нарушения заповедей Божиих искупить, покрыть...

Простой человек по-простому и соображал, примерно так (скажем грубо): я нагрешил на 10 рублей; и отдал нищему, или на храм пожертвовал 10 рублей — стало быть, в расчете с Тобой, Господи: Ты не имеешь права наказывать меня, я рассчитался.

Скажете, может быть, я глупости говорю — что такого ничего не бывало.

А вот было: 600 лет тому назад, когда Папа задумал посылать войска для освобождения Иерусалима, а денег не было, он разослал по всей Европе продавцов индульгенций, это были такие бумажки, вроде квитанций. Человек знал за собой грех, который его тяготил, он шел к такому продавцу индульгенций, там в списке находили его грех, и было указано, сколько за него нужно было заплатить. Тот платил требуемую сумму — и шел домой довольный. Все в порядке. Не надо каяться, не надо нести покаянные труды, никакого исправления не требуется! Чего же лучше желать?..

Была точная такса за грехи. Чем грех страшнее, тем он дороже стоил. Причем можно было уплатить не только за грех, уже совершенный, но и за такой грех, который только еще собирался человек совершить. В истории записано, что один человек уплатил за грех «убийство матери», а потом пошел и убил свою мать. Понимаете, к какому ужасу пришли паписты, до какого ужаса докатились!..

И с этих индульгенций начался страшный протест против такого учения, и пол-Европы откатилось от католичества.

А эти индульгенции были прямой вывод из учения папистов. Дело в том, что в правовом союзе человек стоит пред лицом Божиим совсем не так, как безответный, всем Господу обязанный грешник, нет... Он чувствует себя независимым от Господа и обещанную награду ищет не по милости Божией, а требует себе зарплату у Господа, считает, что Господь обязан дать ему награду! ведь она заработана добрыми делами моими.

Видите... здесь предмет упования — не милость Божия, а собственные силы человека, а добрые дела — ручательство, что Господь выполнит, что обещал... Я не требую, говорит человек, лишнего, Ты подай мне ту меру, которая равна моим трудам и подвигам... Так они понимают слова Господа: *Какою мерою мерите, такою и отмерится вам* (Мф. 7, 2).

Можно ли представить более грустное, более странное положение, чем такое обращение к Господу?

Но и этого мало. Есть в католичестве учение о сверхдолжных заслугах святых. «Есть люди, каковы святые, которые делают столько добрых дел, что не только покрывают ими свои грехи, но еще имеют избыток добрых дел (то есть лишние добрые дела). Этот излишек в добрых делах и есть «сверхдолжная заслуга».

Эти сверхдолжные заслуги человеку тому совсем не нужны (так учит папизм), и поэтому они поступают к Папе в сокровищницу (что-то вроде кладовой сверхдолжных заслуг).

«Находя, что за грехи, совершенные после искупления, человек должен понести наказания, и если человек не освободил себя своими подвигами, то (наказания эти) следуют за человеком в жизнь загробную. Там, — говорят католические ученые, — есть такое особое место, куда души поступают по смерти и где терпят наказания, *очищающие* от грехов, не оплаченных в жизни. Это место и есть *чистилище*».

Чтобы освободить души из чистилища, нужно обратиться в сокровищницу сверхдолжных заслуг (то есть попросту к Папе) и получить индульгенции на имя освобождаемой души. Папа Сикст IV в 1477 году окончательно установил тот *догмат*, что «души умерших освобождаются от чистилища при посредстве индульгенций».

Следовательно, не Бог, а Папа прощает грехи. А у Папы целая бухгалтерия: коли у тебя не хватит добрых дел, а у меня лишние, Папа возьмет мои излишки и на тебя переведет. Точно как бухгалтер — перевод суммы с одного счета на другой.

Даже говорить об этом горько! А таково все учение католической общины. «Страшная опасность этого учения (как говорит Патриарх Сергей) заключается в том, что оно давало человеку возможность, при нежелании, ограничиться одною внешностью, нравственная работа позабывалась.

Отсюда добрый католик был внутри часто очень плохим христианином: несмотря на это, думал, что он спасается, и в этом самообмане погибал».

Недаром епископ Феофан на вопрос: «Спасутся ли католики?» отвечал: «Не знаю, ибо это в воле Божией, одно определенно знаю: если я стану католиком, то уже никак не спасусь».

А напоследок, в 1870 году на Ватиканском Соборе паписты объявили новый догмат: «Папа непогрешим». А куда же девать слова Священного Писания: *Никто не чист от скверны, хотя и один только день прожил на земле*. Но что им за дело до Евангелия?..

Вот к чему привело то учение, в основу которого положена правовая теория («Я имею право...» «Ты должен, обязан» и т. д.).

Бедному католику и проверить это учение невозможно, потому что, чтобы проверить, надо взять в руки Евангелие и читать его, а читать Евангелие католику в прежние времена решительно было запрещено: можно только слушать тот отрывок, который ксендз в костеле за службой прочитает.

Против злоупотреблений папистов решительно восстали с протестом Лютер и окружающие его. Отсюда последователи их называются протестанты или лютеране. Они в своих книгах совершенно правильно заявили, что католическое учение — это не Евангелие, не учение Христово, а соображения человеческого разума, который судит обо всем — по-человечески, а не по-Божьему. И надо обратиться к Христовой Истине, Евангелие дать всем в руки... И это было верно.

Но беда в том, что и они остались на той же основе — на правовой точке зрения. В их исповедании сказано: «Кто будет исповедывать, что он посредством дел заслуживает благодать, — тот пренебрегает заслугой Христа и пути к Богу ищет помимо Христа, человеческими силами».

Опять слово «заслуга», только теперь уже не человека, а Христа Господа. У католиков — заслуги человека обязывают Бога награждать грешника. У протестантов — заслуга Господа Иисуса Христа.

Только разница здесь огромная: заслуга человека очень и очень мала, а заслуга Господа превосходит всякую меру, она так огромна, что (как говорят протестанты) больше и желать нечего, не нужно искать иного удовлетворения.

Так говорит Святейший Патриарх Сергей.

Протестанты обратились к самой жизни и старались ею проверить свои выводы — но на жизнь они смотрели с правовой точки зрения. Они хотели своим учением принести мир совести, но мир этот они поняли опять по-правовому, в смысле чувства безопасности, безнаказанности за совершенные грехи. Человек боится наказания, и вот ему указывается на смерть Иисуса Христа, как на такое великое, чрезмерное удовлетворение правды Божией, что эта правда уже никак не может, не вправе требовать еще чего-нибудь от человека, каких-нибудь других удовлетворений. Человек, раз он верит в Евангелие, должен успокоиться насчет себя...

Протестанты в этой величайшей тайне нашего спасения думали найти ту основу правового союза, которая лежит между членами союза (Богом и человеком) и которая одного из них заставляет, несмотря ни на что, сделать уступку в пользу другого...

Если Христос заплатил за наши грехи даже более, чем они стоят, зачем еще думать, что нужно самому трудиться для этого удовлетворения?.. Усилия человеческие (или добрые дела), не говоря уже, что они очень несовершенны пред Богом, — они прямо излишни и даже опасны: они умаляют значение заслуги Христовой!

Что же такое оправдание?

Оправдать — значит, как на суде, объявить человека оправданным, считать его отныне праведным, хотя на самом деле он остался прежним грешником. Следствием такого акта может быть только перемена отношения между Богом и человеком, сам же человек не меняется. Мы по-прежнему грешники, но Господь Бог обращается с нами, в силу заслуг Христовых, как будто мы не согрешили, а, на-

против, исполнили законы, или как будто бы заслуга Иисуса Христа была нашей. (Следовательно, протестанты, отвергнув заслугу человеческую, которая мала для умилоствления разгневанного Бога, на это место поставили заслугу Иисуса Христа.)

А как же заповеди о любви к Богу?

На это протестанты говорят: «Это весьма неразумно, пишут наши противники, будто бы люди, повинные вечному гневу, заслуживают отпущения грехов через дело любви — когда невозможно и любить Бога, если прежде не получено верою отпущение грехов. Не может сердце, истинно чувствующее, что Бог гневается, любить Бога, прежде чем Он будет умилоствлен. Пока Он устрашает и представляется подвергающим нас вечной смерти, не может природа человеческая заставить себя любить гневающегося, осуждающего и наказывающего его».

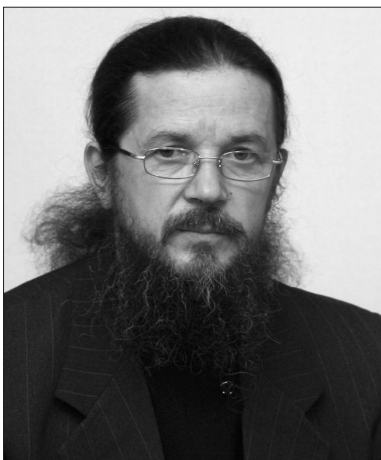
А как же получается оправдание?

Когда люди веруют, что они воспринимаются в благодати и им отпускаются грехи ради Христа, Который Своею смертью удовлетворил за наши грехи, — эту веру Бог вменяет в правду пред Собою...

Что же получается на деле?

«Протестантство прямо противоречило требованиям нравственной природы человека, от которой оно исходило. Душа человеческая ищет добра ради добра, хочет жизни ради жизни: она хочет не числиться только в Царствии Божием, но действительно жить в нем и переживать свободно и сознательно Богообщение. Поэтому душа человеческая никогда не могла согласиться с протестантами призрачным оправданием».

Итак, попросту сказать, протестанты учат: если ты веруешь во Христа, то и все — ты уже спасен, и ни о чем больше не беспокойся. Живи, как хочешь, добрые дела не нужны, да и нежелательны, так как они оскорбляют Господа — и только. И в результате получилось: стремились дать успокоение человеческой совести, а успокоения и не получилось. И Реформация никакого успеха не имела.

Священник
Владимир ЧУГУНОВ

ПАСХАЛЬНОЕ ДЫХАНИЕ ВЕЧНОСТИ

Владимир Аркадьевич Чугунов — родился в 1954 году в Нижнем Новгороде (тогда г. Горький), служил в ГСВГ (ГДР), работал на Горьковском автозаводе, старателем в Сибири, пастухом, окончил Литературный институт им. А. М. Горького, Нижегородский педагогический университет, курс «Практическая теология». Печатался в журналах «Москва», «Наш современник», «Вертикаль-XXI», «Слово». С 1990 года — священнослужитель. Семья большая — девять детей. Автор книг прозы «Деревенька», «Русские мальчишки», «Городок», «Дыхание вечности». **Живет на приходе, в старинном Поволжском селе Николо-Погост, Городецкого района, Нижегородской области.**

ЛУНА НАД ПОГОСТОМ

Все это вспоминается мне как во сне. Встают перед глазами светлые дни моего детства, той счастливой поры, когда не помнишь, что было раньше, а что потом, и, в общем-то, это не важно, в памяти отчетливо сохранились лишь эти коротенькие эпизоды, но такой удивительной яркости, что хорошо помнятся даже запахи, выражения лиц, глаз, голосов, как это бывает только во сне. Но сон этот — детство, которое, чудится мне, начинается с того цветущего сада, за глиняной стеной хлева, с соломенной крышей, с того дубового бревна, на котором, отдыхая от косьбы, сидит дедушка Миша и, щуря подслеповатые глазки, смотрит на блестящую в грядках укропа, моркови, гороха росу. Я сижу рядом в черных трусишках, босенький, усердно натягиваю их на покрывшиеся коростами колени и зажимаю большим пальцем пупок, кажущийся мне чем-то лишним на моем гладком, сытенком животе.

— Что ты его припер? Ай стыдишься? Не тро-ож, — говорит дедушка. — Ты, мил человек, через него мамку в утробе сосал, и это тебе знак, что «земля еси и в землю отыдеши», когда помрешь.

— Да разве и я помру, деда?

— Нешто ты лучше других? Все помрем, милоч, — говорит спокойно дедушка. — Одни прежде, другие немножко погодя, конец один.

Я вспоминаю серое лицо старшего маминого брата, которого хоронили прошлогод, как выражается бабушка, и спрашиваю:

— И всех-всех — в гроб закопают?

— Все-эх, — равнодушно отвечает дедушка.

Я смотрю на него, и меня страшит его спокойствие. Бабушка, полувшая неподалеку морковь, с трудом разгибает спину и говорит:

— Ты что робенку пугашь?

— Чевой-то я его пугаю? — возражает дедушка и, поворачиваясь ко мне: — Ты ай напугался, милоч?

— Нек! — храбро отвечаю я, и, задыхаясь от переполняющего меня чувства хвастливости, говорю: — Я и собак даже не боюсь, и коров не боюсь, и гусей не боюсь, я даже всех волков не боюсь...

— Пра-авильно, — останавливает меня дедушка. — Волков бояться — в лес не ходить. А человеку нужно правильное понятие о жизни иметь. Так? — Я согласно киваю головой. — Ну вот. А ну сказывай живо: отколь дети берутся?

— Из животов! — бойко отвечаю я.

— Та-ак, — одобрительно кивает головой дедушка. — А каким макаром они туды попадают?

— Ветром надуло! — отвечаю я дедушкиными же словами, когда он на бабушкино сообщение о том, что какая-то «Евдокея опять забрюхателя», сказал: «Никак, ветром надуло».

— Молодец!

И дедушка гладит меня по голове. Бабушка качает головой и безнадежно вздыхает. А я размышляю о том, что животы, вероятно, появляются лишь у тех женщин, которые ходят разиня рот.

На горизонте, немного левее задымленного туманцем солнца, из бобовой грядки показывается светлая и жесткая, как солома, Сашина шевелюра. Сашок мне двоюродный брат, я у него в гостях, ему пять лет, и он на год младше меня, под мышкой у него деревянная сабля, в руках бобы.

— А-а, явился? — сразу строжеет дедушка. — А ну, живо сказывай, куда табак с протвиня подевался?

— А я столи столозом яму нанималса? — спокойно отвечает Сашок, жуя бобы и подшмыгивая зеленые сопли.

— Чего-чего?

— Сево слысал.

— Опять разговорчивый стал? Ну-ка, подь сюды.

— Сас! Лазбезалса. Дулака насол.

— Видит Бог, не хотел, а придется тебя высечь.

— Поплобуй. Зыть столи надоело?

— Еще как попробую! И отцу накажу, чтоб добавил.

— Не сказыс.

— Скажу.

— А я тада тибя залезу!

— Это еще что за разговоры? — наконец возмущается бабушка. — Ты что несешь, изверг? Ты думаешь, с кем разговариваешь? Ты... Я тебе щас покажу... Я те покажу...

Она быстро пробирается меж грядок. Сашок летит сломя голову и ныряет в заднюю калитку. Захватив с бревна одежонку, бегу следом, зная, что сегодня ему попадет.

Прежде чем скрыться за баней, Сашок оборачивается и, размахивая саблей, кричит:

— А твой селтов Хлусев кукулузы насазал! Э-э! — И бежит дальше.

Кукуруза — больная дедушки тема. Дня не проходит, чтобы дедушка не обругал и кукурузу, и «кукурузника». Сашок прекрасно знает об этом, знает, чем досадить дедушке. Одним словом — изверг.

На задах, за баней, недалеко от мусорной ямы, наш шалаш с видом на кукурузное поле. У входа — огромное железное колесо от сенокосилки, которое мы недавно прикатали с колхозной конюшни. Внутри, на соломе, свернутый змейкой, с хлопком, из настоящего конского волоса, маленький кнут, которым Сашок хлопает, как заправский пастух, а я, почему-то, все время — себе по шее, да так больно...

— Холос, — говорит Сашок, запихивая в рваную полевую сумку свежие початки кукурузы, — ухому в голод к тете Масы. Вылосту, зыною-усь и буду на масыне лоботать.

— А меня покатаешь?

— А как зы! — говорит Сашок, подбирая сопли. — Я слазу на двух масынах буду лоботать. На одной, как у дядь Толи.

— У папы?

— Ага! А на длугой, как у Петлухи в буквале — «ЗИМ» называца.

Сашок тревожно прислушивается, поднимается и поддегивает штаны.

Мы идем сначала задами. Наш нижний порядок вдоль одноименной деревеньке речушки, как все говорят, Козэвки. Мы перебираемся по шатким жердям через речку, хотя есть нормальный деревянный мост с перилами, и тропинкой в бурьяне поднимаемся на холм, где в два ряда расположен верхний порядок. Внизу до рези в глазах сверкает Козэвка, заляпанная лаптями кубышек, на которых частенько дремлют жабы. Сашок безжалостно расстреливает их из рогатки каждый день, чтобы шел дождь, а дождя почему-то все нет и нет. За деревней — поля, сияющий как осколок солнца в траве пруд, тонкая прослойка леса, какое-то огромное село с голубенькой церковью, опять холмы и целые нагромождения облаков. Куда ни глянь — кругом небо, просторы, подернутые сизой дымкой дали. И сердечко мое стучит от восторга, как у воробья.

Из-под лопухов неожиданно вылезает будто специально вываливавшаяся в пыли Светланка Козлова. Глядя на решительную нашу походку, на сумку, спрашивает:

— Куда-то вы настробутились?

— На кудыкины голы, где зывут воны, — не останавливаясь, небрежно отвечает Сашок.

Светланка бежит за нами, дергает меня за руку.

— Ну куда, а, куда?

— В город, — важно отвечаю я.

— И я хочу. Можно?

— Ыссо баб нам не хватало! — презрительно роняет Сашок.

Светланка обижается.

— Сам ты баба!

— Не-э, — останавливаясь, возражает Сашок, — я музык!

И вытирает рукой сопли. Светланка начинает дразниться:

*Неотвожа, красна рожа,
На татарина похожа!
Семьсот поросят —
Все на Саньке висят!*

Сашок кидается за ней. Светланка летит сверкая пятками по улице. Потом останавливается и, вываливая язык, кричит:

— Э-э! Э-э! Все расскажу, куда подалися!
— А я тада тебя залезу! — грозит ей кулаком Сашок.
— Куда залезешь? — не понимает Светлана.
— Не залезу, а залезу!
— Дурак! То залезу, то не залезу! — кричит она и, мотнув жиденькой косичкой, исчезает в проулке.

Мы двигаемся дальше. За деревней идем дорогой вдоль ржаного поля. Пыль обжигает ступни, брызжет по сторонам. Мне жарко, хочется пить. Я вспоминаю бабушкин квас, что всегда стоит в сених в маленькой кадучке, ядреный, холодненький, только из погреба. Зачерпнешь, бывало, деревянным, вырезанным дедушкой из липы ковшом и тянешь, пока не задохнешься. И застреляет в нос, и выступают на глаза слезы.

— Квасу бы, — говорю я.
— В голоде напьемся.
— Это еще когда... я щас пить хочу.

Мы останавливаемся, оборачиваемся и смотрим на деревню, от которой отошли с километр. Мне становится страшно: а ну заблудимся.

Идем дальше. Навстречу едет телега, на телеге дяденька, в черном, сильно поношенном пиджаке, накинутом на голое тело. На груди татуировка — восходящее над морем солнце. На голове выдавшая виды кепка. Увидев нас, дяденька подбирает вожжи. Лошадь и так, казалось, спавшая на ходу, останавливается и, свесив морду, закрывает слезящиеся глаза, которые тотчас облепляют мухи.

— Это куда гавша намылилась? — весело спрашивает дяденька. — Ну че примолкли, моряки, языки проглотили?

— В голод... зыть... — неохотно отвечает Сашок.

— Ишь — в го-ород. От времечко настало — всем городов подавай! А тут вам, что не живется?

— А сто, с голоду столи тут сдохнуть? — огрызается Сашок.

— А кто помер-то? — сдерживая улыбку, возражает дяденька. — Кто? — мы молчим. — То-то! Не те ноне времена. Прежде — было, а теперь... Теперь... эт-та, как эт-та... А! «Всюду жись привольна и широка...» О! — осклабился он. — Учитесь, пока живой... Закурите?

— Мы не курим, — говорю я, заметив, как Сашок сразу наострил уши.

— Это правильно! Курить — здоровью вредить! — И, достав папироску, словно мы его упрашивали, говорит: — Ладно уж, полезайте в телегу. Повезу как графьев... Поживете малость, пока женилки подрастут, а там хоть в город, хоть за город.

— Какеи ыссо зынилки?

— А вот приедем на конюшню, я те покажу, какие.

Мы забираемся по оглоблям на телегу. Дяденька дергает вожжи. Некоторое время едем молча, и меня начинает клонить в сон. Возница взглядывает на нас и по-армейски командует: «Запе-вай!» Сашок на это мастак.

*С неба звездоска упала
Пляма мне калосыну.
Не пойду в колхоз лоботать
За одну калтосыну.*

— Во-от, это я одобряя-аю! Молодец!
Сашок, польщенный, улыбается и затягивает следующую:

*С неба звездоська упала
Пляма Гитлелу на нос.
Вся Амелика узнала,
Сто у Гитлела понос.*

— Правильно! Так, его, курву, так!
Сашок выводит следующую:

*В систом поле ветел свисет,
Солок гладусов молос.
На помойке нисий длиссет —
Плохватил яво понос.*

— Чей-то они у тебя все распоносились?

— Натлескались сиво-нито!

На конюшне дяденька снимает нас по очереди с телеги и говорит:

— А теперь марш домой!

— А зынилку посто не показыс?

— Женилку? — немного озадаченно чешет затылок дяденька. — А это тебе тятка покажет. Как придешь домой, сразу проси: покажи, тятя, женилку. Он те и покажет.

Не помню, спрашивал Сашок или нет, но взбучку получил хорошую и, забравшись ко мне на печь, вытирая слезы, сказал:

— Я их всех залезу.

* * *

— Ба-аб, а баб, ну Расскажи...— клянчу я.

— Ай, не умаялся за день-то бегамши? Не спится, что ль? Не знаю, голубок, чего тебе еще рассказать... Говорено-переговорено... Ну, да ладно, слушай, коль не спится. Буду со стола прибирать да сказывать... Шли, стало быть, мы раз обозом в город сено торговать. Рано вышли. И немало прошли. Да с обеда потянуло отколе-то ветром, небо заволокло, повалил снег. Враз стемнело. Хоть глаз выколи — в двух шагах ничего не видать. Дорогу смело, куда ехать, Бог знает. Становимся на ночлег, лошадей выпрягли, к сену подпустили. Сами скутались на возу. Михал Демьяныч мой захрапел, а я сквозь щелку дивлюсь, как это снег играет. Вдруг из метели как образина какая: ведьма не ведьма, кикимора не кикимора, а такая, как бы не соврать, страшила несусветная, не приведи Господи кому увидеть. Космы-ти по ветру вьются длинные, на концах узлы завязаны, глаза огнем горят синим, как порой уголья в печи, а лапы ну ровно медвежьи. Как это она меня схватит! Как это я закричу!.. — бабушка выдерживает томительную паузу, чего-чего не вообразиться в это мгновение, а она: — Ну и проснулась, конечно. Глянь — мамыньки родные! — на снег без боли глядеть нельзя! Небо — окиян опрокинутый! Сани привалило с боков. Мне: «Штой-то ты, Марфа, вкричишь?» — «Образины, мол, напужалася».

Смыкаются веки, урчит под мышкой Барсик, попискивает над ухом голодный комар. Хорошо! Кончается одна история, начинается другая. Голос певучий, ровный.

—... и тогда выполощет матушку сыру землю, аки скорлупу яичную, аки девицу непорочную, аки харатью белую, аки вдову благочестивую. И будет тогда все не так. Не будем мы боле ни сеять, ни жать, ни косить, ни молотить, потому как все само собой расти будет...

— И кукулуза?

— А ба! И этот не спит! — всплескивает руками бабушка. — А ну живо спать! Гляньте в окно! Слышите, стучит? Слышите, ходит? — Она сама стучит по стеклу, топает ногами и спрашивает — Кто там? А-а, это ты, Дрема? Ну-ка, ну-ка их.. — и говорит нараспев:

*Ходит Дрема
Возле дома.
Ходит Сон
Близ окон.
И глядят:
Все ли спят?*

Бабушка задувает керосиновую лампу, становится темно и в темноте страшно. Мерещится это лохматое, косматое, рогатое чудище Дрема, заглядывающее в наше оконце.

— Слысыс?

— Ага...

И мы натягивает на головы байковое одеяло.

* * *

Просыпаюсь на печи. В окно падают первые пучки зари, тихо в избе, таинственно. Бабушка стоит на коленях перед киотом. Теплится лампадка, едва освещая почерневший лик. Все еще спят в доме. Мне хочется окликнуть бабушку — и не смею. Не смею нарушить ТО, что происходит с ней. Мне становится страшно, я опускаю голову на подушку и смотрю в потолок, на ползающих по нему сонных мух, прислушиваюсь к таинственному шепоту.

— Господи! Царица Небесная! — доносится до меня ее тихий, трогательный до слез голос. — Как же всех жалко-то! А сколь горя, страданий, слез. А как трудно жить. Как спасаться? Так тяжело порой дышать, Господи, Царица Небесная!..

И это — «тяжело дышать, трудно жить» — наполняет мое детское сердечко жалостью и недоумением. «Тяжело дышать, трудно жить» — ничего этого мне еще не известно: мне легко жить и дышать. Я и не подозревал до тех пор, что кому-то тяжело дышать и трудно жить, когда мне так хорошо, так весело живется. Слезы навертываются на глаза, мне жаль бабушку. «Бабушка, миленька, — думаю я, — вот вырасту, стану большой, буду за тебя огород копать, полоть, а ты сиди отдыхай...»

Когда я выглядываю другой раз, бабушки уже нет в комнате. И тут я вижу на полу свежую траву, веточки березы в кринке, на столе.

Уходит дедушка — наш черед пасти стадо, следом, зевая во весь рот, тетя на дойку, потом дядя, работавший в колхозе пастухом. Бабушка выходит в чулан и вскоре появляется «в рукавах» (самотканой, льняной, коричневого цвета, в клеточку кофточке), в туго повязанном на глаза белом платке и длинной, темно-синей в горошек ситцевой юбке. Заметив, что я не сплю, зовет: «Айда со мной в церкву?»

— А Сашу возьмем?

— А ну его. Озорничать только. Не трожь, спит.

Я слезаю с печи, одеваюсь. Прошу покушать, но бабушка говорит, что нельзя, а после «обедни» будет можно. Я не знаю, что такое «обедня», и почему до нее нельзя есть, но расспрашивать не решаюсь: значит, так надо.

Мы выходим. Утро туманное, солнце плавает в мутных клубках. Туман то подымается, то опускается.

— Коли подымется, дождь будет, — рассуждает вслух бабушка.

Мне весело, я забыл про свою недавнюю жалость к бабушке и скачу впереди то на одной, то на другой ноге. Наконец, падаю и до крови сдираю коленку. Бабушка сердито берет меня за руку и не отпускает до конца пути. За деревней к нам пристают еще несколько старушек, и разговор заходит о житье-бытье, о том, что сыновья и внуки табунами бегут в город, в Бога не веруют, сосут папироски, матерятся, венчаться не хотят, «тэтак в блюде и живут», видать, и впрямь наступают последние времена...

У паперти толпится народ. Церковь деревянная, в каменной ограде, среди высоченных лип, в зеленой вязи которых вольготно грают грачи и галки. Воробьи неприкаянно носятся над землей. На колокольне с заколоченными окнами сидят голуби. Время от времени они слетают вниз, где у огромной деревянной бочки с водой им сыпят на землю семечки.

Мы входим в церковь, и тут — свежая трава на полу. Молоденькие березки стоят в дверях, у икон, у распятия, в трапезной, у алтаря, у бокового выхода. Свет пыльно сочится в высокие, с решетками, окна, в боковую дверь и достает до аналая, на котором лежит икона с изображением сидящих под дубом, за низким столом трех Ангелов. Все кланяются друг другу, иные звучно целуются.

Начинается служба. Я помню только начало и обрывки, потому что, присев на ступеньку, напротив алтаря, тут же уснул, прижавшись к перилам. И, просыпаясь иногда, как из-под воды, улавливал неслаженное пение клира и голос священника, которому в ту пору было, наверное, лет девяносто. Он был так худ и так слаб, что едва переставлял ноги.

— Вставай, вставай скорей причащаца, — будит меня бабушка.

Складывает крестообразно на груди мои руки, подводит к батюшке, стоящему на амвоне возле маленького столика, на котором стоит серебряная чаша. Поддев дрожащей рукой длинной серебряной лжицей что-то из чаши, он протягивает мне, как показалось кровь и говорит: «Причащается младенец...» — и называет мое полное имя.

Затем мне дают кусочек просфоры, и я запиваю его теплой, сладкой водичкой.

— Ай, какой молодец! Ай, какой умненькай! — льется со всех сторон, и я гордо задираю голову, хотя и не понимаю, за что меня хвалят.

— Ну вот, — подходит ко мне Гриша-дурачек или убогий, как зовут его в деревне, лицо у него румяное, сытое, глаза карие, ясные, бородка

курчава. Ко всем подряд он нанимается в работники. Ни разу я не видел его унылым. Когда его просят прийти пособить, он всем отвечает: «Хорошо, если не помру я только!» И так весело при этом улыбается, словно помереть для него — плевое дело. — Ну вот, — говорит он, — теперь и помирать можно!

— Таке молоды и помирать? — возражает бабушка.

— А чего бы чай и не помереть? — без всякого трагического оттенка в лице отвечает Гриша. — Помер — и прямиком в рай!

— Ишь, куда намылился! В рай! Рай-от заслужить сперва надо. В рай! — беззлобно ворчит бабушка, хотя ей самой очень хочется попасть в рай. Уж я-то знаю. Уши она всем этим своим раем прожужжала. Я даже немного представляю, что такое рай. Когда у бабушке в избе все прибрано, чистенько и светло, она вздохнет, бывало, и с тихой улыбкой на лице скажет: «Ищ ведь, райко-то как!» Но почему она пожалела своего рая для Гриши, я понять не мог. Или это была не жалость? Тогда что?

Потом была длинная «вечерня», во время которой все стояли на коленях, на четвереньках, а я даже лежал на свежей травке. Во время этих стояний, батюшка сам, стоя на коленях в открытых Царских воротах, дрожащим, слабым голосом читал длинные молитвы, смысла которых вряд ли кто понимал, но слушали, благоговейно склонив головы.

Но всему на свете приходит конец. И вот уже народ затеснился к «кресту», а затем посочился в распахнутые двери.

С утра было теплее, а теперь небо сплошь затянуто тучами, ветер дует сырой. Бабушка, не обращая внимания на мое хныканье, тащит меня за руку так, что я едва успеваю переставлять ноги, но так и не утягивает от дождя. Он застает нас на полпути. Налетает шумной, плотной стеной, взрывает мучнистую пыль. Становится холодно, зубы мои постукивают, и я уже не прошусь отдыхать.

И как хорошо, как приятно потом забраться на печь, напившись горячего молока с медом, упасть в овечьи шкуры и тотчас уснуть.

Просыпаюсь к вечеру совершенно бодрым. Все бывшее кажется сном: и церковь, похожая на березовую рощицу, и невесомое порхание огоньков у иконостаса, и неслаженное пение старушек на клиросе, и трогательный голос батюшки: «О благорастворении возду-ухов... О все-е-ех и-и за-а вся-а-а...»

Раздвигаю занавески: за столом сидит бабушка с какой-то женщиной, что-то вроде нищенки или погорелой, в потертом черном пиджаке, как у дяденьки-возницы, в черном платке. Бабушка подливает ей в глиняную миску похлебки, женщина аппетитно ест и рассказывает:

— А руки у Антихриста будут волосатые и будет он поэтому в белых перчатках. Прикинется милостивым, а внутри волк. Волк в овечьей шкуре. И как скажут: «Перепись!» — стало быть, конец. И тогда солнце померкнет, луна превратится в кровь, и запылает земля от востока до запада... Но верным рабам огонь тот не повредит, как трем отрокам, которых в печь огненную бросили, а к ним Ангел небесный сошел, и ходят они посреди огня и поют! А...— тут она подымает голову, и мы встречаемся с ней глазами.

Водворяется мертвая тишина... И далее разговор их переходит на шепот. Мне страшны эти слова, как сказка про Соловья-разбойника. Но и на того была управа — Илья Муромец. А коль и вправду все так будет, придет Илья и победит Антихриста.

Только садимся за стол, распахиается дверь и вбегает тетя Валя.

— Ой, мам, что там деется-то! Бык взбесился. На пастбище корову задрал. Пастухи вступились, так он их давай гонять. Страху, что натерпелись! Насилу в калду заманили со стадом. Коров на дойку во двор загнали, так он и один на дворе беситца. Пристрелить бы, да как без председателя? Поди, докажи потом. Степан верхом в Егорьевско ускакал.

Нас с Сашком словно ветром выносит из-за стола. Прибегаем на ферму. Толпа народу: мужики, бабы, дети. В калде, у огромного лопуха, стоит огромный белый бык, с железным кольцом в ноздрях. Глаза кровавые, страшные, он ревет, высунув язык, кося глазом и пуская пену. Копают под собой землю, поводит рогами. Две собаки крутятся перед его мордой. Пастухи подзадоривают их. Мужики ругаются, другие спорят, бабы охают и ахают, дети визжат от восторга. Кто-то кричит: «Едет!» Обернувшись, вижу подъезжавшую двуколку, а в ней председателя в пиджаке, фуражке и сапогах. Подъехав, он лихо соскакивает на землю, выхватывает из пролетки ружье и, нагнувшись, между жердей залезает в калду. Подходит близко к быку, который сразу затаился и притих, взводит курки и, почти в упор, выстреливает быку прямо в лоб.

Бык падает на передние колени, качаясь, валится на бок и, задрав голову, сучит по земле ногами. Поднимается пыль. Из лба фонтаном бьет густая, черная кровь, заливает морду, землю вокруг нее.

Мне жалко животное, я хлюпаю носом и со страхом кошусь на председателя, который стоит в задумчивости, держа в руке ружье стволами вниз. Они дымят. Быку сразу перехватывают горло и начинают свежевать.

— Племенной зараза...— говорит председатель и, вскочив в пролетку, уезжает.

Мы с Сашком бредем домой. На пути нам попадается телега с задранной коровой. Брюхо у нее пропорото от паха, торчат сломанные ребра.

— А мне, так совсем не стласна, — хорохорится Сашок. — Я б ево залазу с пулемета — тла-та-та-та...

Жарко пылает костер. В тоскливой дреме, положи морду на лапы, постукивает Волчек, иногда вскидывается, прислушиваясь к ночным крикам пивика, шорохам, ржанью и храпу коней. Жабы заливаются в болотце, лес кажется совсем близким, страшен и темен. Я сижу, ткнувшись подбородком в колени. Приятно калит лицо, не оторвать глаз от огня, так и тянет протянуть руку и поймать взвизгивающие к небу искры. Ночь такая темная, такая тихая, что кажется, кто-то стоит неподалеку в ожидании, когда потухнет костер. Мы с Сашком сидим рядом с дедушкой. Гриша против нас, по ту сторону костра, лицо его покраснелось, глаза расширились то ли от ужаса, то ли от вранья.

— Ходили летось бабы по ягоды, — говорит он, — да заплутались маненька. Кричат — ау. И им — ау. Оне туды. И приаукали к болоту. Допетрили, что леший их кружит, перепугались до смерти. А сорока над ими: «Тр-р-р, тр, тр...» Чуть живехоньки из лесу-то вышли.

— Бре-эхня-а, — говоит дедушка. — Никаких таких лешиев нет.

— А домовые?

— И домовых нету.

— Ан есть, Ляксеич. На себе испытал. Лег это раз в сенях не там, где обычно сплю, так ночь как придавит, не вздохнуть, не пер... — и глянув на нас: — Ну да... Руки как плети, а он, гад, и трется своей кошачьей мордой, под ладонь, зараза. Лезет. Насилу отвязался. Маманя баит, не любит, когда в доме непорядок.

— Ты это ври, да не завирайся, — говорит спокойно дедушка.

Кто-то мелькает над самым костром и с писком кидается прочь. Гриша смотрит, вытаращив глаза и разиня рот.

— Аяй!.. А вправду, Ляксеич, бабы рассказывают про Ивана Зыбина, что колдун?

— Ванька-то? Дурак, скорее всего, а не колдун, — уверенно отвечает дедушка. — Бабы врут, а ты уши развесил, тетеря.

— Ну не скажи... Помню, раз шел к нам, а я в окно усек и перекрестил дверь. Так на воле стал и кричит: «Гришка, подь сюды, дело есть!» — «Ступай, говорю, в избу». «Да плево дело, выдь на минуточку!» Я «Живые помощи» про себя давай читать, выхожу, а он — тресь себя по башке: «Хлеб в печи забыл!» — и тягу.

— Мели, Емеля, твоя неделя. Хлеб в печи забыл... Придумает же! Глупее ничего придумать не мог? — по обыкновению равнодушно возражает дедушка. — Ступай за хворостом!

— Ты че, Ляксеич, не видишь, время какое? Луна над погостом. Леший след спутает, заведет в болото да утопит.

— Гляди, беда какая! Одним лешим станет больше, а болтуном меньше.

Гриша обижается и отворачивается, с достоинством поглаживая бородку. Но обида вскоре забывается, и он начинает новую историю. Мы слушаем с жадным любопытством, косимся на лес и жмемся к бесстрашному дедушке. Сашок засыпает. Я никак не могу заснуть, сердечко мое трепещет. Я смотрю на луну, на погост — и на меня нападает еще ни разу не испытанный страх перед могущественной злой силой, от которой некуда деться...

Но всходит солнце и рассеиваются страхи вместе с темнотой, преображается мир, особенно радостно в нем после жуткой ночи, и костер, казавшийся недавно единственным спасением, теперь выглядит жалко, как ядовитое пятно на теле земли.

* * *

Солнце перерезано пополам тонким сизым облачком, стоит над самым горизонтом, ниже того места, где расположен верхний порядок. Оно бледно-розовое, призрачное, печальное, тихое. Легкие сумерки, ни ветра, ни шороха. С той стороны, где мы с Сашком предполагали город, отдаленно доносятся веселые девичьи голоса и переборы гармони. Это из соседней деревни идет в нашу на гулянье молодежь.

Мы с Сашком сидим на крылечке светланкиного дома. Светланка в чистом платьице и все поглядывает на меня. Веселая процессия входит в деревню. Девки идут, взявшись под руки, во всю ширину. В середине высокая, чернобровая, черноволосая, не знаю, как ее звать, и назову хоть Шурочкой. Голос ее сочный, густой. Парни точно так же, только не под руки, идут следом. Гармонист между рядов. По ту и другую стороны, кто на завалинках,

кто на лавках или как мы — на крыльце, сидят старики и старухи. Точнее, почти одни старухи-вдовухи, потому что стариков в деревне всего пять.

Поют частушки в основном девки, парни отвечают редко, а вот семечки грызут бойко.

*У миленка моего
Поговорочка на «о».
Он на «о», и я на «о»,
Все равно люблю его!*

Сашок лыбится во всю ширину рта. Светланка не переставая косится на меня — и меня это начинает беспокоить.

*Гармонисту за игру —
Табуретку синюю.
Четыре сына, восемь дочек
И жену красивую.*

Парни смеются. Светланка ерзает и будто нечаянно задевает меня плечом. Я отодвигаюсь, показываю ей кулак и говорю: «Еще раз толкнешь, получишь!» — «Сам получишь!»

Хриплым, пропитым голосом запекает гармонист:

*У меня девчонок много,
Как в корзиночке грибов.
Только я с одной имею
Настоящую любовь*

Ему тут же отвечают:

*Гармонист у нас хороший,
Я его приворожу:
Я возьму и на гармошку
Две ромашки положу.*

Дойдя до конца деревни, возвращаются назад. И так до наступления темноты. Солнце давно уже скрылось за холмом, стала темнее полоска леса, показываются звезды. Кое-где уже светятся едва приметным заревом оконца. По одному расходятся старики и старухи. Песни тонут где-то за деревней. Мы с Сашком идем домой. И я очень рад, что наконец избавился от светланкиного внимания. Мы спускаемся проулком и выходим на зады. Вдруг Сашок замирает и шепчет:

— Слысыс?
— Чего? — шепчу и я.
— Сопот слысыс?

Спускаемся ниже. За усадями, в бурьяне, стоит с кем-то Шурочка. Я сразу узнал ее по голосу.

— Ты ай белены объелся? — говорит она кому-то.

Шепот. Возня. Шлепок.

— Ой! Ктой-то там?

Мы с братцем летим вниз, и ноги мои едва за мной поспевают. Вслед нам летит разбойничий свист. Мы перебираемся по жердям на ту сторону, и на родном берегу мне становится спокойнее.

— Чего это они там? — спрашиваю я.

— Зазымаюца.

— Зачем?

— Ну спелва зазымаюца, апосля зеняца.

* * *

Едем в лес за сеном. Бежит вдоль ржаного поля пепельная лента дороги. Лошадь идет бодрым шагом, ровно катится по мягкой пыли телега. Пыль летит из-под копыт, брызжет в стороны. По ржи волнами ходит ветер, приятно обдумает лицо, шею, и если бы не строка, было бы полное блаженство. Откуда-то сверху льется пение жаворонка. Задираю голову и вижу крохотную, дрожащую в небе точку. Правит Сашок, и время от времени покрикивает, как взрослый: «Посла! Но, лазлази тибя глом! Я кому говолю? Посла, говолю! Халела!» Я сижу рядом и краем уха слышу разговор деда с дядей.

— Я тебе, Степан, давно не указ, у самого дети малые, но как отец всеж-ки скажу. Коли в избу пустить свинью, она свое поганое дело сделает. Все вверх дном перевернет, все опрокинет. А и выгонишь, не сразу порядок наведешь. Так и в жизни, Степан. Мотри. Не пущай свинью в душу. Семья — дело святое. А с этим шутки плохи. Мотри, Степан...

Дядя сидит явно недовольный и все отворачивается от дедушки. И когда отворачивается, рот его кривит нехорошая улыбка.

В лесу ветра нет и на поляне очень жарко. Звонко-оглушительно стрекочут кузнечики, поют птицы, стучит в отдалении дятел. Пока навивают воз, мы собираем конопатые ягоды луговой земляники, пресной, хрустящей на зубах как песок. Потом забираемся наверх, на дрожащую громаду пахучего сена и, уцепившись за гнет, смотрим по сторонам. На возу так высоко, что ступни ломит от страха.

* * *

Дедушка только что вычистил самовар и, сидя на крылечке, поглаживая сияющее на полуденном солнце самоварное брюхо, рассуждает вслух:

— Самовар — незаменимая вещь в избе. Ишь как блестит! Ну, блести, блести, милоч... Вот, к примеру, на морозе назябнешь, пришел домой — а на столе самовар сипит. Хошь руки об ево грей, хошь выпей весь. А после бани? После бани без самовара тоска. А вода в ем от березовых углев, знаете какая легкая? Пьешь и все хочется.

Мы с Сашком не возражаем. За самоваром бабушка нас одаривает колотым сахаром, а по праздникам — «подушечками» и «печенюшками».

Когда дедушка уносит самовар, мы идем за дом, где в специально вырытой квадратной, на штык глубиной, канаве тетушка месит ногами грязь — глину, солому и песок. Потом накладывает месиво в ведро и кидает рукой на плетеную из тальника стену хлева. Брызги отлетают мне в лицо, прилипают и тут же засыхают щекочущими коростами.

Появляется дядя.

— Помочь? — спрашивает он, весело-виновато бегая туда-сюда глазами. Хочет отнять у тетушки ведро, она со всей силы дергает его на себя, оступается и чуть не падает.

— Че цепляйся? — кричит она, раскрасневшись. — Ишь вцепился клешнями-то, как в свое!

— А то — чужое... — ненастойчиво возражает дядя.

— Сказала бы я тебе, да дети рядом!

Дядя будто только теперь замечает нас.

— Это откуда взялось? А ну марш отсель! Марш, кому говорю?!

Мы удаляемся с повернутыми назад головами.

* * *

— Ну и посол в оголот к бауски под юбку! — говорит с презрением Сашок, и я соглашаюсь.

По дороге братец уверяет меня, что мед там хоть ложкой черпай.

— Я узэ, навелна, целое ведло созлал! — говорит он и подтягивает штаны.

Сползают они у него вовсе не оттого, что широки, а оттого, что живот у него постоянно то надувается, то опадает, угадать невозможно. Ест же он все подряд, без разбору. И всякий раз, похлопывая себя по животу, приговаривает: «В лусском пузе все сгниет!» И, по словам бабушки, ни одна холера его не берет.

— А если он нас в свиней превратит?

Я боюсь не столько пчел (я еще не знаю, что они жалят), сколько колдовских чар Ивана Зыбина, на пасеку которого мы направляемся есть мед.

— А клест на сто? — храбрится Сашок. — Мы яво клестом, он и сдохнет, как сильвяк!

Улы на задах, у плетня, заросшего с нашей стороны репейником, конским щавелем, крапивой, лебедой, беленой. Кое-как минуем ферму, извожившись попутно в навозе, и пробираемся через бурьян к огороду. Какая-то пчелка проносится мимо, потом еще одна и еще. Добравшись до плетня, я слышу мерное гудение. И тут разом кончается геройство моего братца. Он хватается за голову и, отмахиваясь руками, с визгом кидается назад. Пчелы за ним. Я приседаю в надежде, что беда минет стороной, но тут словно иглой колют мне под правый глаз. Пчела отрывается и начинает тяжело подыматься. Я вскрикиваю от боли и бегу следом за братом. Пчелы носятся над нами, бьют в голову, в шею, путаются в волосах, жалят. Если бы не высокий бурьян, нам пришлось бы туго.

Домой возвращаемся с воем. Голова моя становится деревянной, словно кто сдавливает ее со всех сторон. Глаз совсем заплыл, щеку тянет вниз и, как что-то прилепленное, она трясется при ходьбе. Изверга тут же наказывают, а меня стыдят:

— А ежели он тебе в печь велит лезть, полезешь?

— Не-е, — реву я, — В печь не полезу-у...

— И на том спасибо, — говорит дедушка, — Поди, жала выну.

* * *

Двое нас в комнате — я и Светлана. Почему мы вдвоем и никого больше нет, не знаю. Нам скучно, мы уже во все переиграли и не знаем, во что бы еще поиграть.

— В жених и невесту давай играть? — предлагает Светланка.
 — Как?
 — Эх, очень даже абныкнавенна. Ты будешь жених, а я невеста, и мы поженимся.
 — Как?
 — Эх, очень даже абныкнавенна, как все люди женица.
 — А как?
 — Ну что ты расакался, как маленький? Как, да, как! Очень даже абныкнавенна! Ты меня любишь? Ну говори, говори...
 — Я не знаю.
 — Как это ты не знаешь, ежели ты жених? Смешно даже. Жених, тоже мне! Ну? Говори.
 — Чего?
 — Беда прям с тобой! Говори: я тебя люблю.
 — Я тебя люблю.
 — Ой! Я тебя тоже... Ну? И чего молчишь опять? Говори.
 — Чего?
 — Давай поженимся?
 Я повторяю.
 — Ладно уж, давай... Ну, и чего стоишь опять, как пень?
 — А чего делать-то?
 — Как это — чего? Как это — чего? А целовать, кто невесту будет — дядя?
 — Я не хочу.
 — А зачем тогда говорил, что любишь?
 — У тебя рот шершавый.
 — А ты шибздик!
 — А ты дура!
 — А я тебя выше! — и она встает на цыпочки рядом со мной.
 Я тоже встаю на цыпочки.
 — Нет — я!
 — Нет — я!
 Спор заканчивается борьбой. Я побарываю Светланку, оседлав, раскладываю ее руки во всю ширину. Она почти не сопротивляется.
 — Ну, кто выше?
 Она начинает хлюпать носом. Я спрашиваю:
 — Че, больно, да, больно? Сама выше захотела быть, ну! Кто выше?
 — Пусти, дурак!
 — А ну повтори!
 — А кто же ты? Невестов только дураки побарывают!
 Я встаю, говорю:
 — А я откуда знал? Ты же не сказала. И первая дразниться начала!
 — А ты тоже!.. Хорош гусь! Замуж уговорил, а целовать не хочешь.
 Все маме скажу!
 — А я... а я — папе! А мой папа твою маму поборет!

* * *

Осень. Холодно беспросветное небо. Невесомый, косой дождь, туман. Скучно на улице. Деревья голы, скелетной худобой оголились плетни. Не деревня — а пепелище. Дома черны, поля вокруг перепаханы.

Пасмурно и в избе. Сажу у печи и смотрю на костер внутри... Не могу оторвать глаз. Когда прогорают дрова, бабушка разгребаёт угли по сторонам и ставит чугунок с похлебкой, закрывает заслонку. Затем вываливает из дежи тесто на посыпанный мукой стол, срезает с боков длинным ножом. Небольшой кусочек теста опускает в крынку с водой — на закваску. Тяжело дыша, месит тесто. Утирает фартуком пот с лица. Через определенное время вынимает чугунок из печи. Разбивает синеющие угли и сажает хлебы, укладывая их на капустные листья, чтоб не пригорали снизу.

Хорошо сидеть у печи, когда на улице сыро. Тепло, бездумно и так сладко-грустно на душе. В избе темно от бревенчатых стен, а печь празднично бела, и занавески на ней чистенькие, лишь ухваты рогато чернеют в углу да лежат на полу кочерга с совком.

Видя, что бабушка немного освободилась, прошу рассказать чего-нибудь.

— Уж и не знаю, право, чего... — по обыкновению отвечает она. — Разве что про звездочета еще не баили...

— Который звезда считает?

— Нет. Звездочет тот вроде кудесника. Судьбу по звездам угадывал... Ну слушай. Жил, стало быть, на свете звездочет. Звали его... А вот, как звали, забыла, имя больно чудное, ненашенское. Допытался, значит, он по звездам, что родился в Русалиме Царь всея Израиля. Продал он все, что у него было, а было у него не мало, не молоденький уж был, в годах, купил на вырученные деньги три самоцвета, сел он верхом на коня и подался к месту встречи с другими звездочетами. Не один же он этим делом промышлял, и другие были. Вот и сговорились они сооца в Русалим идти. Дороги там не то, что наши: леса дремучи, реки кипучи, пески сыпучи, скалы да горы на пути непроходимы. Словом, не легок путь. И народ вокруг разный — и добрый, и недобрый. Не все Бога помнят. И в тех дремучих лесах водились разбойники. Едет он — и вдруг стал под ним конь. Глянь-поглянь, а на дороге человек почти нагишом лежит. Голова в крови, стонет бедняга. Соскочил звездочет наземь, втащил бедолагу на коня, перевалил через хребет, и назад подался. Пока возился с им, все сроки прошли. Когда спохватился — чуть не зарыдал от горя. А тот, которого он из беды вызволил, был старый еврей. «О чем, спрашивает, пригорюнился?» Тот, так, мол, и так. «Ты, баит, не переживай так-то, а доподлинно известно мне из старинных книг, что в Вихлееме Иудейском должен народиться Царь Израиля. Ступай с Богом — там Его встретишь». Возгорелась опять в нем надежда. Продал он один самоцвет, нарядил караван, верблюдов разных там, и в путь. Долго ли, коротко ли ехал, не знаю, но всеж-ки добрался он до Вихлиема... А маманьки, а батюшки! Это что же тут деется? Глядит он, и глазам своим не верит. Бегут по улице бабоньки, волосы растрепаны, на руках у них ребятишки. За имя царские солдаты охотятся. Детишек отымают и прямо на глазам матерей бьют головками о камни, а иных рассекают мечами. Осатанели, словом. Вбегает со страху звездочет в одну избу, а там молодка с сынком на руках. Мечется, сердешная, не знает, куда сокровище свое единственное от беды схоронить. А солдатня уж тут как тут, сапожищами по приступкам топают. И взмолилась она тогда: «Спаси, мил человек, сынаньку, и Господь не оставит тебя». Сжалился над ней звездочет, достал второй самоцвет и сунул начальнику ихнему, что над солдатами начальником был. Ушли они, спрашивает ее звездочет, что

тут такое. И поведала она ему о рождении необыкновенного Младенчика, о том, что приходили к Нему на поклон мудрецы, похожие обликом, мол, на тебя, человек добрый. А как прознал про то Ирод-царь — велел всех малышей сничтожить. «И что, баит, неуж убили Его?» — «Нет, мол, батюшка, а слышала я, бежали они всем семейством в Египет». И звездочет подался туда. Не близок путь до Египта, но и там Его звездочет не застал... И долго с тех пор все ходил и ездил по белу свету в поисках своо Царя. Уж совсем стареньким прибыл он на праздник в Русалим. Глянь-поглянь, а и тут что-то неладное творится. Бежит по улице народ, кричит: «Казнь! Казнь! Все на казнь!» Когда ж прознал, сердешный, кого на кресте распяли, как последнего разбойника, опустилсЯ при дороге на камень и заплакал. И почто, думает, столько лет бестолку скитался? Кому нужен теперь его самоцвет? Достал его из кармана, повертел в руке и уж хотел бросить с досады, да услышал чей-то истошный крик. Глядь: ведут солдаты молодую невольницу, с виду ровно с его краев уроженка. Признала и она земляка, в ноги ему кинулась: спаси, помоги. Он и выкупил ее. Остались они вдвоем. И двух слов смолвить не успели, как затряслась земля, посыпались камни с высоких стен Русалима. И надо же такому горю случиться, один камень угодил ему прямо в голову. Повалился бедняга наземь с окровавленной головой. Молодка склонилась над ним. И вдруг слышит, как тот в своем предсмертном чаше глядит куда-то вверх и спрашивает кого-то: «Когда, когда я видел Тебя жаждущим и алчущим, или в темнице и помог Тебе?» И тут лицо его просияло как солнце в полдни. «Так это, баит, был Ты?» — и помер.

Бабушка смахивает набежавшую слезу. Я тоже весь во власти воображения. И смерть, эта страшная смерть уже не кажется мне такой страшной, как прежде.

Бабушка встает с табурета. Прихватывая тряпицей, снимает с твoрила заслонку. По избе растекается запах печеного хлеба, аппетитный, так и сглатываешь слюну. Бабушка поддевает хлебы деревянной лопатой и кидает их на стол, слегка смазывает куриным пером топленным маслом, которое тут же впитывается в корку, треснувшую где-нибудь сбоку, и накрывает хлебы полотенцем преть.

Угли уже задохнулись в печи, почернели. Бабушка выгребает их, складывает в ведро, а потом в специальный сундучок с другими углями. Часть засыпает в самовар, запаливает лучины и, кинув их в горловину, приставляет трубу, втыкая ее одним концом в самовар, а другим в «тягу» на печи. Самовар потный от холодной воды, тускло блестит медью.

— Это штой-то задумался? — спрашивает его немного погодя бабушка.

Снимает трубу, заглядывает, а потом, сложив вчетверо полотенце, хлопает по горловине, как порой Сашку по голове. Приставляет трубу на место. Самовар, наконец, начинает сопеть, издает тоненький свист, поверхность подсыхает, становится зеркальной, и я строю рожицы кривому мальчику с широким, как у китайца носом и сплюсненной сверху головой. Когда самовар закипает, бабушка снимает трубу и накидывает заглушку — из пароотвода летят брызги.

* * *

Сквозь запотевшее оконце сочится тусклый осенний свет, на улице пасмурно и холодно, а здесь, в отопленной баньке, с выстоявшимся смоли-

тым духом, жарко и уютно. Стены, потолок, каменка — все черное, закопченное. Тихо посапывает каменка. Дедушка трясет над ней веником — подсушивает.

— Не жарко? А то поди в предбанник. Попарюсь, потом вас помою.

— Не-э, не жарко...— храбрюсь я, сидя на корточках на полу.

Тельце мое раскраснелось от жару. Я закрываю рот ладошками, чтобы не так горячо было дышать. Сажусь на корточках, склонив голову меж колен. Пот бежит по лицу, попадает в глаза, в рот. Соленый, вкусный. Тело мое тоже покрывается капельками, как трава росой. Капельки набухают, а затем стекают грязными ручейками. Дедушка зачерпывает из таза, где недавно парился березовый веник, и плещет на каменку. Камни взрываются белым облаком, и пепел вместе с жаром садится мне на спину и голову. Я дышу часто-часто и все одно задыхаюсь.

— Деда, жа-арко, деда, — хнычу я и ползу к дверям.

Дедушка осторожно, чтоб не обжечься о пар, слезает с полки и отворяет мне дверь. Я быстро выползаю в предбанник, дверь захлопывается.

«А как же в Аду?» — думаю я, припоминая бабушкины истории о мучениях грешников. Предбанник мне теперь представляется Раем.

Сашок сидит на лавке и наблюдает за мухой, которой он оторвал одно крыло. Муха прыгает, переворачивается на спину и дрыгает лапками. Братцу это кажется забавным. Я сажусь на лавочку и устало опускаю руки на колени. Плечи тяготит, голова кружится, сердце бьется сильно, слегка подташнивает.

— Сто, упалился? — спрашивает Сашок.

Он уже замерз сидеть тут, кожа на нем гусиная, а все равно не идет в баню, боится.

— А жарко как!

— У нас самая залкая баня в дилевне, — хвастается братец. — А папка ыссо сыбсе палица. Лас, лас себя веником-ти. Выбезыт — и в снегу валяца. А потом ыссо палица.

— А ты что не паришься?

— У меня баска клузыща. Один лаз я дазы о сюгунок тлеснулся. А вылосту, тозы буду палица.

Минут через десять выходит дедушка. Он долго сидит отпыхиваясь и постанывая, глядя на нас мутными глазами.

— Ох, ух, ох, ух...— постанывает он.

Наконец дедушка приходит в норму, открывает отдушину, слегка выстужает баньку, и тогда мы с Сашком идем мыться. Сначала дедушка моет нас самих (как обычно в банях), а уж потом, под конец, головы. Моет щелоком, который получается, если печной золы положить в воду, когда она осядет, постоит, получится щелок. Волосы от него становятся мягкими, нежными, как шелковистый кукурузный покров на початках.

Из баньки выходим затемно. И я, шагая по тропке, среди вишен, чувствую свое горячее лицо, легкость и приятную задумчивость в голове. На столе блестит самовар, чаек душистый, со смородиновым листом. Сахар наколот маленькими кусочками, которые долго и приятно тают во рту, когда прихлебываешь из блюдечка чаек. Пот бежит по лицу, и я вытираю его полотенцем.

— Сидит это она перед зеркалом в бане, спиной к двери. Глядит, отворяется дверь и входит суженый. Да такой-де красивый, нарядный, статный. Залюбовалась она на него и забыла зеркало-то перевернуть. А он ей ожерелье на шею одевает, норовит обнять, она испугалась, перевернула быстренько зеркало, глянь — а на шее веревка удавкой. Еще бы чуть-чуть и задушил.

— А я помню, в девках забежишь за амбар, портки symешь, голу задницу выставишь за угол и ждешь. Коль мягкой лапой погладят, богатый жених будет, а шершавой, так бедный. Так кто-то шутейно и приложил мороженой лопатой, три дня сести не могла. Девки смеются: «Что, Нюра, богатый ли жених выпал?»

Мы с Сашком ловим с печи каждое слово. Разговор начинается потихоньку. У того корова приболела, вымя твердое, серпу не жует. У того овца отбилась от стада ягниться в лес, и третий день не выходит. Но только становится гуще тьма в прорези белеющих в полумраке занавесок, в избе словно пропадают стены, мрак по углам, желтое пятно ползает по закопченному потолку, над поскрипывающим зонтом керосиновой лампы. В красном углу заветно порхает спасительный огонек лампадки. Речь заходит про Ивана Зыбина. Женщины спорят. Одни говорят, вранье, другие, нет, в самом деле, замечали неладное.

— А вот что дедушка тятэ сказывал после соборования. Дело у него вышло по молодости с Зыбиным-старшим, что летось на огороде помер с полным ртом земли. Был, говорит, я тогда лет шестнадцати, было у них семеро детей в семье и все девки, он поскребыш. Баловали его сызмальства, а в лета вошел, совсем от рук отбился. Отец видит, маху дал, завел разок в амбар, да отходил плеткой. Два дня лежкой лежал. А чего добился. Нет, ты учи дитя, пока поперек лавки лежит. Ну, и озлился парень. «Погоди, думает, тятя, отольются тебе мои слезы!» Замкнулся... А тут старик Зыбин, как ворон добычу почуял. То да се, и уговорил малого. Сладились сойтись в полночь у того на сеновале. Приходит, а старик уж ждет. Летучая мышь тускло светится. Лошадь фырчит, да копытом бьет. А собаки по деревне развылись — страсть. «Готов, парень?» — Тот: сказал, дак че? «Сымай, говорит, крест». Снял. «Клади под левую пятку». Не послушался. «А теперь, говорит, прыгай». Тот глянь: а под ним геенна огненная. Он со страху-то и перекрестся. Так куда че делось. Старик аж задрожал от злости: «Догадался, щенок!»

— А ну ты, Нюра, брешешь все! — машет на нее рукой бабушка, а сама все же крестится.

Нюра божится, выпуча глаза. Все молчат. Тихо. Когда немного уляжется страх, подпустят еще. Мы ни живы ни мертвы. Но больше всех мне нравится слушать бабушку, проникновенный певучий голос ее у всех вызывает слезы, не важно, о чем бы ни заговорила.

— Шла, стало быть, Она, Заступница наша, под видом странницы по заметенной дороге, — начинает бабушка, глядя куда-то в угол, сама в необыкновенном волнении, точно все это сейчас и происходит у нее перед глазами. — Ночь выдалась морозная, ветер колючий да хваткий. Подходит она к одной деревеньке, где жили не то кулугуре, не то татарва, Бог весть, что за люди такие, только все, как один, непутевые. Стучится в крайнюю

избу: «Пустите, люди добрые, переночевать». А те: нет, не пустим. Идет дале. Тут еще и обругали. В другом доме так чуть не зашибли. И так вся деревня. Она ж измучилась от долгого пути, шла спасать грешников на распутьях мира, и никто-то Ее признать не хотел. Зашла Она на зады, спряталась в копну сена и заплакала. И вот, отколь ни возьмись, набегают на деревню черная туча, гремит гром, сверкают молоньи. То пророк Божий Илья, заступник обиженных, разгневался на жестоких жителей. Запылала враз деревня. И-и-и! Понеслося пламя по ветру от избы к избе. Ровно свечки, крыши пылают. Искры летят по ветру. Поскакали все на волю, кто в чем был, скотину с хлебов выпустили. Крик, стон, скотина ревет, а слез что!.. Она же, Матушка наша, увидев народное горе, сжалилась нам имя. Не могло ее сердечко вместить обиду. Сняла Она с Себя покров, подняла на руках. Илья увидел сверху спасительный омофор искры летят по ветру и отступился.

Напряженное молчание, вздохи, всхлипывания и сквозь слезы Нюрино:

— А-и мы-те все хуже татарвы: нелюбовныи, неблагоданыи, завидуции...

* * *

Приходит и день разлуки. Не знаю, так ли мне хочется домой, в свой пристанционный поселок, но на душе у меня тоска, который день подряд, куда-то все тянет, чего-то хочется. Я многое уже начинаю понимать иначе. Как? Этого я еще не могу объяснить. И только все чаще и чаще, как бы с удивлением оглядываюсь вокруг, словно жду какого-то подарка. Бабушка все вечера напролет рассказывает свои истории, но они уже не так действуют на меня, я скучаю и даже порой плачу по ночам.

Но вот подкатывает к дому «Победа», которую отец взял напрокат, как объяснял потом каждому любопытному в деревне. А любопытными были все. Выходит отец, мама. Я реву и прижимаюсь к ее ногам.

— Эх ты-ы, ревушка-коровушка, дай молочка, — говорит мама, глядя меня дрожащей рукой по голове. — Погляди лучше. Кого мы тебе привезли! Сестренку Наташу.

Глянув на перевязанное красной, атласной лентой одеяло, я еще пуще заливаюсь слезами.

— Не хочу Наташу, хочу домо-о-ой...

Вся входят в избу. Наташу определяют в люльку, которую принес откуда-то дядя и приладил на веревках к кольцу в матице, распеленывают. Я подхожу и с неприязнью разглядываю малышку. Лицо коричневое, нос пуговкой. Я злюсь непонятно отчего и все мечтаю обрезать ножом веревку, чтобы люлька с сестрице грохнулась об пол. Но вскоре Наташа просыпается. Мы смотрим друг на друга, она улыбается, открыв потешный беззубый рот, злость моя проходит, и все время до нашего отъезда я нянчусь с сестрицей, трогаю украдкой от мамы «грязными руками» ее розовые прозрачные пальчики, пятки, мягкие, как у Барсика, помогаю купать, подавая то мыло, то ковш.

И вот — ясный погожий денек, бабье лето, летят по воздуху паутинки, садятся на голые кусты смородины, на стебли пижмы, полыни. Нас провожает почти вся деревня. Бабушка закладывает снедью все свободное пространство в машине. Прощаясь, плачет. Дедушка подымает меня на руки и, вынув из кармана пастушью дудку, дарит на память.

- Держи, пастухом будешь!
- Еще напороочишь... — тут же возражает мама.
- Не забудешь дедушку?
- Я изо всей силы трясу головой.
- Ни-ког-да!
- Ну и помянешь, значит.

Незаметно от родителей Сашок сует мне в карман рогатку и несколько пуль — гаек.

В машине долго смотрю в заднее стекло. Едем. Сашок бежит и машет рукой, а остальные стоят на дороге, глядя нам вслед и сиротливо склонив головы.

* * *

Теперь нет ни деда, ни бабушки. Деревенька захирела, развалилась, как и многие деревеньки в нашем многострадальном Отечестве. На месте, где стояли дома, на кучах битого кирпича, уныло качается крапива да лебеда. Пророчество дедушкино сбылось: я, действительно, несколько лет работал пастухом. Приезжая порой, смотрю на погост, на высокий бурьян, скрывший могильные холмы с покосившимися, а кое-где упавшими крестами, и все опять встает в моей памяти. Царствие вам Небесное, родные мои дедушка и бабушка, и пусть всегда сияет гришина луна над погостом, охраняя ваш вечный покой!

СЛУЧАЙ В МЕТЕЛЬ

Когда я вышел, снег, казалось, еще сильнее валил, завихряясь в воздухе. Домов на противоположной стороне улицы почти не было видно. И в такую-то непогоду мне предстояло идти почти километр сначала поселком, разделенным болотом, и еще столько же другим поселком.

Я посмотрел на окна Наташиной комнаты и вздохнул. Приду ли сюда когда-нибудь еще? На душе заскребли кошки. Сюда я летел как на крыльях. Ветер подстегивал в спину, сердце обмирало в предчувствии скорого свидания... И что же? Все рухнула разом. Провожая меня, Наташа вдруг сказала:

- Знаешь, что... Ты, конечно... В общем, не надо нам больше встречаться.
- Это почему же? — удивился я, решив, что это шутка.
- А зачем? — возразила она. — Тебе весной в армию, а я все равно не смогу тебя ждать.
- Что так?
- Да так... Да ты не сердись. Сам посуди: мне скоро двадцать, когда ты придешь, будет двадцать два. Ты и не глянешь на меня тогда.
- Понятно... — с напускною легкостью ответил я. — Практический интерес?
- Зато честно.

Не сказав больше ни слова, я вышел.

За селением ветер просто освирипел, и я решил сократить путь: пройти через болотце к автобусной остановке, где она, по моим предположениям, должна быть. О том, что могу заблудиться, я, конечно, подумал, но мне почему-то казалось, если это и случится, меня обязательно найдут, положат

забинтованного с ног до головы на идеальной белизны кровать, ногу и руку подвешат к потолку, в окно будет светить солнце, пол будет блестеть, рядом с кроватью будет сидеть Наташа и плакать. И тогда я скажу ей как можно равнодушнее: «Вот видишь? Теперь меня и в армию не возьмут».

Сначала снег был не глубок, потом ноги стали проваливаться все глубже и глубже и, наконец, я засел основательно. Попробовал выбраться — не тут-то было. Мне стало беспокойно. Я стал раскачиваться, чтобы освободить ноги. Выбравшись, перевернулся на спину и, задрав ноги, стал вытряхивать из ботинок снег. Затем перевернулся на живот и подполз посмотреть место провала. Так и есть: болотце еще не совсем замерзло, в отверстиях стояла вода. Идти было нельзя, а вот ползти — можно. И я пополз. Не раз, видя в кино, как ползают по-пластунски разведчики, мне казалось, что это легко, но буквально через десять минут я едва держал голову и постоянно клевал кроличьей шапкой в наст. Вскоре промокли насквозь и брюки и вязанные бабушкой перчатки. Колени и руки стали замерзать. Ветер свирепо стегал по лицу как раз в тот момент, когда я поднимал голову, чтобы ползти дальше. Я задышался и злился. В том числе и на Наташу. Хотя в чем же она виновата?

Наконец, почувствовал, что замерзаю... Подумал: «А может, все-таки вернуться?.. — Но сразу же и раздумал: — Стоило, столько времени мучится! Тоже мне — солдат! Да и остановка уже, поди, где-то рядом. Стало быть, «еще немного, еще чуть-чуть?..»

И я пополз дальше. Вскоре согрелся. Только странно получалось: по моим подсчетам остановка должна была быть где-то здесь, а ее все не было. И болотце-то давно должно было закончиться. Это что же, неужто и вправду заблудился? Я не на шутку встревожился. Мысли о том, что меня найдут и положат на кровать у Наташиных ног, уже не приходили в голову. И если совсем недавно я старался ползти покрасивее, словно у нее на глазах, теперь карабкался, как жалкая собачонка.

«Не хватало и вправду тут околеть...» — подумал я чуть не в отчаянии. В памяти всплыл рассказ: там какого-то мужика задуло снегом, но он остался жив. «А если меня не занесет снегом? Но если и занесет, кому придет в голову искать в этом проклятом болоте?»

Наступил момент, когда я совсем потерял надежду выбраться и, ткнувшись головой в окоченевшие руки, заплакал в обиде на все человечество. Замерзнуть, умереть — казалось такой несправедливостью.

Наплакавшись досыта, я вздохнул с каким-то странным облегчением. Словно кто склонился надо мной в ту минуту и нечаянно пролил в сердце отраду. И тут один давний, казалось забытый случай всплыл в моей памяти. Это было в году шестьдесят втором или шестьдесят третьем. Я учился в третьем или в четвертом классе. Начальная школа находилась тогда в здании недавно расформированного детского дома. В те годы мы носили гимназическую форму: китель, перетянутый ремнем с медной бляшкой, такого же цвета брюки и фуражку. Все, как у военных, которыми мы все как один бредили. И время тогда было особенное. По телевизору почти каждый день в новостях показывали Гагарина. Я с восторгом следил за его победоносным шествием по всему свету. Толпы людей с цветами встречали космического героя. Он ехал, стоя в лимузине, с ослепительной улыбкой на лице. О том, что никакого Бога в космосе нет, я, как и все, узнал от него же, от

Гагарина, и под руководством учителей и пионервожатых активно боролся с пережитками прошлого, не сомневаясь, что лет через двадцать, а то и раньше, наконец, настанет окончательное счастье на всей планете — коммунизм. Для его скорейшего приближения мы и устраивали антирелигиозные концерты, разыгрывая смешные сценки из церковной жизни. Никому даже в голову не приходило, что на них никогда не было ни одного верующего. Но что нам до того? Борьба шла широким фронтом по всей стране, и если не в каждом доме (все же это были не тридцатые годы), то во многих. У себя дома, например, я, как последовательный ленинец, активно боролся с бабушкиным «мракобесием». Родители в это дело не вступали, улыбались, конечно, но и не возражали, когда я уговаривал бабушку раз и навсегда избавиться от «тьмы невежества», то есть бросить в печь икону (всего-то одна у нее и была), но бабушка отвечала одно и то же: «Отступись». И всякий раз, провожая меня в школу, поспешно крестила, сложив в щепоть свои заскорузлые пальцы. Я качал головой: «Вот темнота!» И шел «просвещаться» дальше. И вот однажды учительница принесла в класс икону. Теперь не помню, кто был на ней изображен. Учительница же сказала:

— Ребята, верующие считают, что это Бог, что Он все видит, все слышит, все может и даже за плохие поступки наказывает. Давайте, проверим, действительно ли это так? Давайте все по очереди плюнем на эту икону, и посмотрим, накажет ли нас Бог. Не бойтесь, подходите, вставайте в очередь. Смотрите! — И она плюнула на икону. — Видите? Жива? Ничего мне не сделалось?.. Ну, а теперь давайте вы.

И все по очереди стали подходить и плевать на икону, радуясь при этом, что ничего им за это не было. Впереди меня, в очереди, стояла девочка Надя, про которую шепотом говорили, что «она того» — из верующей семьи, хотя по ее поведению это было не заметно. Обыкновенная веселая девочка. А уж возьмется спорить, всех переспорит. А как со скакалкой прыгала! А сколько стихотворений наизусть знала! Должно быть, ради нее и устроили этот спектакль. Когда подошла ее очередь и Надя не стала плевать, учительница спросила:

— Ну что же ты, Надя? Не бойся. Плюнь — и увидишь, что никакого Бога нет, а что это — простая доска.

Ответ порастил даже учительницу:

— Ежели Бога нет, зачем я буду, как дура какая-то, плевать на простую доску?

«А действительно, зачем?» — подумал я. И тоже отказался плевать, и все остальные. Кому же хочется быть дураком?

Оправившись от смущения, учительница что-то быстро и нервно принялась нам объяснять. И говорила очень долго. Но мы уже не слушали ее и, разделившись на «плевавших» и «не плевавших», то есть на дураков и умных, из самодельных таких трубочек яростно плевали друг в друга пульками из жеваных промокашек...

После этого случая, я уже не задирал бабушку. Только снисходительно улыбаясь, когда она по своей привычке крестила меня на дорожку. Перекрестила она меня и сегодня, сказав свое обычное: «Ступай с Богом...»

Я встряхнулся. Показалось, что засыпаю. «Если клонит в сон, значит замерзаешь». Я покачал головой, чтобы отогнать сон. Поднять уже не было сил, такая вдруг тяжелая сделалась моя голова.

«Если Ты есть — помоги», — первый раз в своей жизни прошептал я.

Что-то уже опять начало грезиться мне, когда до слуха донесся прерываемый ветром шум мотора. Очнувшись от радости, я поднял голову — и увидел размытый слезами свет фар. Господи, неужели автобус? Но почему, почему совсем в другой стороне?

И тут я увидел слева от себя, выхваченную из темноты светом фар, дорогу. Ну надо же, я полз в нескольких метрах от нее, совсем не замечая!

Выбравшись на трассу, я все не мог поверить, что стою на твердой почве. Колени дрожали, распухшие ступни покалывало. О руках вообще молчу.

Автобус приближался. Заметит, нет? А если заметит, остановится или пролетит мимо? Похоже, я стоял не на остановке. Она была где-то там, впереди, может быть, метрах в ста от меня. Бежать? Но я и так еле стою! И я стал махать руками.

Автобус сбавил ход, остановился. Распахнувшиеся задние двери, казалось, отворили мне путь в сказку. Я поднялся в практически пустой салон, автобус тронулся.

В тепле я совсем раскис. Вода текла с меня ручьями, руки, лицо, колени горели. Устроившись на заднем сидении, над двигателем, я устало закрыл глаза.

«Господи, хорошо-то как!..»

Но тут я вспомнил, что у меня нет денег на билет. Блаженство как рукой сняло. Сразу стало неловко. Автобус, покачиваясь на неровностях, ехал. Кондуктор, пожилая, полная женщина, время от времени, поглядывая в мою сторону, зевала. Беспокойство мое росло. Я старался не глядеть на нее и каждую минуту ждал рокового вопроса. Но она молчала. Ожидание становилось невыносимым. Когда же я нечаянно поднял глаза, мы встретились взглядами. Сердце мое дрогнуло и застучало.

«Уж лучше бы умереть!» — подумал я в сердцах.

Но кондуктор, чего я никак не ожидал, вдруг кивнула мне головой и спросила:

— Что, сынок, сильно замерз?

Да с таким участием в голосе, что у меня защемило в носу. «Господи, какие же люди хорошие!..» И, чувствуя, что сейчас заплачу, я торопливо кивнул и отвернулся к окну.

О ТВОРЧЕСТВЕ

Мой друг, композитор, вышел из студии грамзаписи «Мелодия» следом за лохматым созданием. Создание это не могло не привлечь моего внимания — картинно вышел: длинное пальто нараспашку, лохмы по ветру, а в походке и выражении лица сознание собственной исключительности. Словом, шел хозяин положения.

— Знаешь, кто это? — сказал друг, заметив мое любопытство, и назвал руководителя одного из самых популярных рок-ансамблей того времени (конец восьмидесятых). — Только прибыли с гастролей по Америке. В «Мелодию» пригласили по поводу выпуска очередной пластинки. Не то, что мы с тобой, ходим, как бедные родственники. Кумир! Поп-звезда! Представляешь, сколько народу на их концерты собирается? Проходу нет от поклонников.

— И что? У нас в поселке тоже есть плюгавенькая такая собачонка, такая же лохматая, как и этот, в общем, смотреть не на что, а знаешь, сколько кобелей за ней бегает? Целая стая! И все чего-то нюхают у нее под хвостом. Поди, объясни им, что это никуда не гоже. Ндравится!

— Аха-ха-ха!..

— Я серьезно. К сожалению, ныне — это, практически, единственный критерий оценки. Нравится — не нравится. Что бы им ни говорили. Страсти, милый мой. Сколько умных слов по этому поводу сказано, а им все равно — «ндравится». Поэтому настоящее искусство обречено если не на совершенное одиночество, то на весьма ограниченный круг почитателей и единомышленников, хотя это вовсе не умаляет его значения. И еще, камень преткновения... Не для поклонников «лохматых», а для, так сказать, «избранных»... Составитель жития старца Силуана, архимандрит Софроний, уверяет, что все искусство творит в области демонической энергии. А это, дорогой мой, приговор для новоначальных и не по разуму ревностных, а для фарисеев веский аргумент. И не только для них. Человек грешен, уверяет Софроний, и пока его борют страсти, он не способен создать настоящее произведение. Последнюю мысль я еще у Гоголя вычитал в «Портрете». Но поверь, без творчества никаких перемен в России не будет. Не только журналы, но и художественные фильмы должны быть, и театры, и танцы, и изобразительное искусство, и песни... Покаяние — перемена взгляда на жизнь, да! Но не уничтожение, а преображение жизни. Думать надо научиться иначе, творить надо иначе, а не только поститься, молиться и сокрушаться о своих грехах... И не смотря ни на что, я верю в созидание новой культуры, с которой начнется наше возрождение. Это новое теперь и надо созидать. Короче, надо создать художественный образ будущей России всеми возможными средствами, а не только проповедовать. Конечно, и вдохновение бывает двоякого рода. Например, когда произошла революция, одна беззубая старуха кричала с вдохновением: «Уя-а!» Другая ей: «Чему вы радуетесь? Антихристу радуетесь!» А третья с отчаяния пошла топиться в проруби. Но, прежде чем ухнуться в ледяную воду, по привычке перекрестилась — и очнулась у себя в огороде... Так бы и нам: перекреститься — и в своей собственной стране перестать быть иностранцами. Вот почему я не понимаю, как можно, творить, не решив прежде для себя смысла и цели творчества.

— А ты решил?

— Решил. Да ты погоди улыбаться. Думаешь, где ответ нашел?.. У святителя Григория Паламы. Послушай, что он пишет. Мы, уверяет он, не изъявляли своего согласия на свободное бытие, то есть не из обезьян развиваемся посредством пилки и колки дров для сугрева, а принимаем собственное рождение как послушание. С этим, уверяет он, связано и послушание творчества, и в первую очередь творчества своего жизненного пути согласно с волей Божьей. Поэтому, как утверждает он, настоящее творчество выше науки и наукообразности, так как стремится выйти из круга законов необходимости, законов природы. Когда, например, творчество искало выгоду, какое отношение имеет к рыночной экономике, когда считалось со сном и временем, когда садилось творить, прежде логически высчитав полезность создаваемого произведения? Ничего этого ведь нет. И все стремления его, творчества, только бы выйти в этот таинственный и влекущий мир свободы, в мир красоты, совершенно свободный от внешних законов. Так?

— Допустим. Что дальше?

— А дальше просто сногшибательно! Творчество, пишет Палама, которое может быть религиозно оправдано и построено на Камне-Христе и Его Евангелии, только оно и устоит и перейдет в чаемую Новую землю. Улавливаешь? Для чего бы и трудиться, если, в конце концов, это никому не понадобится? Поэтому, продолжает святитель, и творить по-настоящему, по-христиански можно лишь в сфере религиозных ценностей, только перед лицом смерти, вечности и Бога. Само слово «культура», происходя от «культа», уже несет в себе нечто религиозное, освящено особым почитанием... И дальше — что тоже очень важно знать для оценки окружающих нас событий в рамках культуры — святитель пишет, что это не значит, что благословенно, подчеркиваю, только творчество в формах благочестия, так сказать, одно храмовое творчество — иконопись, зодчество, клиросное пение, жития — нет. Может быть, уверяет он, и мирская, опять подчеркиваю, культура, на которой почует благословение, и она должна — и может, замечу от себя — быть доступна и для этого благословения, и способна к освящению, как создающая культурную среду обитания личности...

— А смысл? — перебил друг. — Ты сказал, что раз и навсегда определил его для себя.

— Разумеется, именно этим я и закончу, коль тебе так не терпится. На этот вопрос, вопрос цели и смысла творчества, его оправдания, несмотря на всю трагическую судьбу культуры, остается, как пишет Палама, вера в Небесный Иерусалим. И если мы не можем, говорит святитель, по-человечески и рационалистически понять смысл обреченной на гибель культуры и творчества, нам все же остается во имя вечной Красоты принять это творчество как послушание. А это, как известно, далеко от самочиния и всякой замкнутости в собственной исключительности кучки «непорочно зачатых максималистов», как шутил Розанов. И последнее, о чем бы мне хотелось сказать, из того же Паламы. Бог есть неизследимая пучина тайны и бездна несказанного и непостижимого. Значит, и созданный по этому божественному образу человек есть таинственная криптограмма, которую никто никогда не сможет до конца разгадать и удовлетворительно прочесть. И все происходящее из этой тайны и загадочности, в том числе и проблема творчества, его смысл и оправдание, проникнуто тайной, приближаться к которой нам дозволено, но постичь до конца — не дано.

СТАРЕЦ

— Знаешь, о чем думаю, — сказал я, когда мы с другом вышли из ворот Данилова монастыря. — Гоголь обрел покой душевный в келье старца Макария. Кириевский постоянно общался с ним. Зедергольм, магистр классической философии Московского университета, принял монашество с именем Климент. Константин Леонтьев — тоже и с тем же именем. В 1878 году старца Амвросия посетили Достоевский с Владимиром Соловьевым. Даже Толстой, посетив Оптину, выразился однажды в частном письме, что «если в сердце русского народа и сохранился живой и верный образ Христа, то этим он обязан никому иному, как монастырским старцам». Кириевский похоронен рядом со старцем Макарием. Говорят, бывала у старца Нектария Ахматова, родной брат Чехова Михаил. Вообще, многие из той

предреволюционной мятущейся интеллигенции прошли через Оптину. Может, и впрямь, как заметил, не помню кто, возникшая между русской интеллигенцией и русским старчеством духовная связь и есть то самое важное и нужное, что осталось нам от ушедшей России, что именно из этого должна вырасти и развиваться новая духовная Россия. К этой духовной связи, очевидно, и относится пророчество Достоевского, что из кельи инока придет спасение России. Что скажешь?

— Да не знаю я... — отмахнулся друг. — Что ты все — о высоких материях? Я знаю одно: на все надо брать благословение у старца.

— У батюшки? Отца Кирилла? Ты берешь?

Он кивнул. И я задумался.

— Знаешь, что вспомнил? — сказал я немного погодя. — Как один раз исповедовался у батюшки в Трапезной, в правом алтаре. Никогда не забуду! Знаешь, я тогда впервые вошел в алтарь. У нас была сессия. В субботу вечером мы поехали в Лавру. Мы частенько тогда с сокурсниками ездили в Лавру. Сам знаешь, какие долгие в Лавре всенощные, стихиры с канонархом, перепевы хоров — монашеского и сборного семинаристского... Кто-то из знакомых подошел в эту минуту к нам и шепнул потихоньку: «Вы можете исповедаться у батюшки в алтаре». Представляешь? В алтаре! И мы пошли. Несколько семинаристов и несколько монахов уже стоял впереди. Батюшка у жертвенника, сидит. И вот незабываемая картина! Я такого во всю свою жизнь не видывал! Батюшка слева от жертвенника, знаешь, сидит так внушительно-скромно, весь седой, в руках епитрахиль. Лицо не то что бы строгое, но до того отрешенное, что, пожалуй, это внушительнее любой строгости. Впечатление от него, как от чудотворной древней иконы. Исповедник, иеромонах, опускается на колени, кладет ладони одна на одну на жертвенник, припадает к ним головой так, что лицо обращено к старцу. Батюшка опускает свою седую голову рядом. И вот картина — непередаваемая по впечатлению! Лица у обоих одинаково отрешенные, глаза закрыты. Очевидно, оба в глубокой молитве. Не помню, как долго это продолжалось. Помню лишь благоговейный страх, когда нечаянно становишься свидетелем великой тайны или чуда. И смотреть нельзя и глаз оторвать нет сил. Как, говорят, во время казни. Что ж, тут тоже своего рода казнь. Душа распинается. Вся она тут пред Судией. И приговор страшен. Но Бог милостив. Господь — Отец любящий... Все это так мне теперь представляется. Некий, так сказать, абрис покаянного состояния души. Что же на самом деле — тайна... И молчат же, понимаешь, молчат и ничего не говорят... Затем батюшка накрывает главу исповедника епитрахилью, что-то говорит ему на ухо и читает разрешительную молитву. Тот прикладывается к Кресту и Евангелию. Все, исповедь окончена. А?

— Ну что ты хочешь? Старец...

НА СТАНЕ

Помню, сидел как-то на стане, за Гавриловской школой. Незаметно подошла она, как тихий ангел, держа в натруженных руках посох и бидон земляники, присела рядышком передохнуть, глянула и спросила:

— Это у тебя что, никак Библия?

Кивнул, внимательно вглядываясь в это ветхое создание. Особенно удивили по-детски ясные глаза.

— В Бога, значит, веруешь, — тепло заключила она, глянула куда-то вдаль, улыбнулась и продолжала, как бы рассуждая сама с собой: — Утешил, значит, и тебя Господь. Благодарю. Без веры — не жизнь — тоска. Сама, почитай, только верую и дышу. И все-то мне от нее мило. И березки, и сосенки эти, каждый кустик, травка... На речку выйду полоскать — хорошо! «Коль возлюбленна селения Твоя, Господи...» И небо это, и облачка... Вишенки по весне цветут, травка пробивается, мушки на припеке вьются-вьются — Господа славят! Всякое дыхание, вся тварь! И жаль тогда тех, кто не верует и не видит. В полрадости — и то не живут. Потому как без веры. Как же без веры-то? Она — все. И греет, как на Пасху. Каждый день от Пасхи до Пасхи — все Пасха! Ну, поскорбишь, не без того. И поскорбеть надо. Все к Богу ближе. А как поразмыслишь, что Господь милостив — и опять Пасха! «Ныне вся исполнишася света, небо же, земля и преисподняя!» Как тут не радоваться?... Я тоже читать люблю, — кивнула она на застывшую в моих руках Библию. — Кабы глаза не застило, так до утра бы читала. Нефимон там али акафисты... «В мире скорбны будете» — Господь говорит. И скорбей, правда, много, много... Но что они? Пожил-пожил — и нет. Сколь их всяких было, вся-аких, и что, где они? — она поглядела туда-сюда, как бы чего ища, и, глянув на меня, утвердительно заключила: — Одно привиденье! А Боженька всегда был, есть и будет. «Ныне и присно»... И — тут, — приложила она ладонь к груди, — и вера в Него греет. Читал, наверное? Сам обещает: «упокою вы». И как «упокоит», то какие тут скорби? По четыре часа, порой, кряду Писание читаю. Одна теперь живу. Не оторвалась бы, да дела поделать надо... Мол, не скучно одной, — кивнула она, чуть улыбнувшись, в сторону и, как бы с кем разговаривая, продолжала: — «Что ты, миленькая, разве я одна?» Это я им, — пояснила она уже мне, — старость, конечно, не радость, а скучать, я всежки не привыкла. Мне с имья скучно. Кабы про Боженьку слушать хотели. Говорить — говорят без умолку, да все не про то. Друг дружке сердца выстушают. Божеское — век бы слушала. Был тут у нас на Крестопоклонной батюшка, соборовал, причащал, так рассказывал про Матушку, Царицу Небесную — у немцев (или как их там) трем девочкам на поле явилась и говорит: «Устала, быть, я за них молиться. Так и передайте им». Нам — то есть. Я всею ночь плакала. И теперь, как вспомню, плакать хочется, — она вздохнула. — Огорчаем мы Матушку, Заступницу нашу. Вот ведь до чего дожили! — покачала она сокрушенно головой, и взгляд ее стал скорбный. — Говорю — а им про то не интересно. Про Скальпировского какого-то все трещат. На телевизор не налюбуются. Эка невидаль! Мне старичок один еще в первую Германскую сказывал, что придет время, сатана придумает такой ящик, перед которым соберет весь мир, а рога на крышу поставит... И жалко их, и помочь не могу. Молюсь только. За полночь, бывало, встану, да так до свету и молюсь... — Она помолчала и вдруг опять лицо ее осветилось радостью. — На волю выйду — все-то мне любо! Облачка, солнышко наливаются, туман проулком с реки заползает, петухи перекликаются, птички поют — хорошо! Нет, думаю, не устала Матушка за нас Бога молить и никогда не перестанет!

И глаза ее засияли как у ребенка. А сам я забыл, что я и где я. Так и хочется повторить за апостолом — «в теле или вне тела». Нас словно что окружило, как бывало в детстве, в шалаше, когда внезапно создавался обособленный от всего прочего сказочный мир.

А может быть, это — прикосновение к живительному дыханию вечности?

Великая ПРОВИНЦИЯ

Анатолий ГРЕШНЕВИКОВ «ПО СЛЕДАМ МИНОВАВШИХ ВРЕМЕН...»

Анатолий Николаевич Грешневиков — родился в 1956 г. в Ярославской области. Выпускник Ленинградского Государственного Университета. Долгие годы занимался журналистикой в российской провинции. Лауреат премии Союза журналистов СССР. С 1990 г. народный депутат РСФСР, член Верховного Совета. С 1993 г. — депутат Государственной Думы РФ. Член СП России. Автор известных книг: «Кошье Пересвета», «Растрелянный парламент», «Зеленый посох», «Казнь русского леса» и др. **Живет в Москве.**

Мне показалось, что деревня отозвалась звонким скрежетом ведер у заросшей реки. Синеватое небо окутывало необъятные просторы громадным полотном. Под ним серые дома, амбары и особенно пустующая конюшня, уткнувшаяся в бок лесному массиву, приобретали необыкновенные цвета — то фиолетовые, то сине-голубые. Стояла пронзительная тишина. В меня невидимыми глазами уперлись последние живые дома Тимонихи. Они смотрели на меня жалостливо, с болью. Наверняка и у Белова бывают такие минуты восторга здешней родной природой, ее просторами и далями. А потом он также чувствует взгляд со стороны, взгляд умирающих домов, амбаров, бань, луговых тропинок, деревьев. Они просят пощады, молят о жизни. Его ранят взгляды одиноких домов, вздохи непаханой земли. Трудно угадать, каково становится истерзанной душе Белова?! Как он преодолевает ежедневные душевные муки?! Ходит от дома к дому, ласкает рукой треснувшие бревна, подпирает наклонившийся забор, прячет в амбары оброненную или вытащенную кем-то крестьянскую утварь. Возле домов чисто, ухожено. Лужайки тут и там ждут косцов. А их нет и нет. Белов иногда выдернет сорняк из ровного травяного ковра, иногда сделает косой проталину. Вынудит соседей поработать косой. Нельзя земле не оставлять надежду на возвращение хозяина. Пусть ждет, не забывает заботу человеческих рук.

— Доброе утро, Тимониха! — повторяю я. — Здравствуй, родина великого русского писателя! Какая ты красивая! Тихая! Какие вокруг тебя просторы!.. А какой воздух?!

Рыбников бредет сзади меня к дому.

— Не молчи, — говорю я ему. — Поприветствуй Тимониху.

— Доброе утро! — отзывается мой друг.

В доме женщины уже накрывали на стол. Хозяина не было. Он велел готовиться к бане и им. Мне вспомнился звон ведер в тишине... Значит, Белов снова ушел на речку за водой. Мы не могли разрешить писателю таскать тяжелые ведра и потому сразу пошли к реке.

Он сидел на берегу задумчивый, одинокий. Тихо всматривался в глубину омута. На пиджаке висели семена разных трав, клубки рваной паутины. В белых волосах торчал стебель таволги. Вокруг него таволга буйствовала огромным белым пожарищем. А за этим пожарищем открывалось другое — из иван-чая. Оно слепило переливами ярких красок. Но таволга привлекала больше, успокаивая и навевая детские воспоминания. У меня лучшие детские годы прошли как раз у реки с зарослями таволги. И когда я с отцом уходил косить на далекие речные острова, то вечным спутником нам почему-то всегда была все та же таволга.

— Сколько здесь таволги! — удивленно сказал я.

— Тихо, — поднял руку Белов. — Рыбу распугаете.

Спрятавшуюся среди разнотравья речку правильнее было бы назвать обычным ручейком. Из деревни его не видно. Поднимись на высоту птичьего полета и тоже не заметишь. Самый широкий омут и тот перепрыгнуть можно было. В глубине этого спокойного омута мы заметили резвую плотву. Как она здесь выжила, не вымерзла? Загадка. Кажется, с весенними паводками из реки уходили последние силы. Она цеплялась, как могла, за жизнь, и только благодаря незатихающим родникам да талой воде еще плескалась, тянулась вдоль лугов и болот.

Я присел на траву, рядом с Беловым, а Александр остался стоять.

— Здесь в детстве я поймал щуку, — признался Василий Иванович. — Самую большую рыбу в своей жизни.

Тяжелой грустью были проникнуты его слова. Писатель печалился не от осознания прожитых лет, а от происходящего на его глазах угасания любимой реки.

Он стал заинтересованно рассказывать о той памятной рыбацкой удаче, о других походах на реку. Я догадался, к чему этот рассказ, такой подробный и взволнованный. Он хотел защитить речку от наших ненужных вопросов. Речка состарилась вместе с ним. Готовится вместе с деревней к смерти. Какой прок говорить о ее возрасте и размерах?! Побывали бы гости в то время, когда она широкой протекала, и он, Вася Белов, купался в ней, ловил рыбу удочкой с берега. Удивительно чистой, рыбной она слыла. Теперь другая жизнь. Болота, питающие ее, осушены. Леса безжалостно и глупо повырублены. К тому же и плотины, мельницы, стоящие по всему ее течению и держащие воду, давно уже порушены. Не река виновата — человек.

Белов вспоминает, как украшали северный ландшафт мельницы, каждая с шестью восьмиметровыми крыльями. Они выглядели более органичными среди суровой природы, чем на полотнах фландрийских живописцев. Недаром в одной из повестей он назвал голландские пейзажи «нелепыми», а их шатровые мельницы «жалкими». Еще в детстве, когда в нем проснулась тяга к четырехкрылым деревянным машинам, в нем зародился вопрос, как уберечь их от стремительно развивающейся техники и быстро движущейся урбанизации? Понятно было, что если мельницы вымрут как мамонты, то обеднеет не столько пейзаж, сколько душа человека. И за школьной партой,

и за столом счетовода колхоза у него часто замечали одни и те же рисунки с проектом строящихся мельниц. Он выбивался из сил, помогая взрослым мужикам в Тимонихе строить очередную мельницу.

Самым главным и основательным строителем мельниц считался в округе плотник Михаил Баров. Белов не раз показывал мне его могучий домик, похожий на манеж или княжеский терем, и прозванный в деревне рейхстагом. Под его чутким руководством не одна ветряная мельница строилась, особенно в деревне Купаиха, откуда и перебрался он в Тимонику. Понастроил там с мужиками ветряных мельниц, принялся за дело в другом месте. Не один год ушел на воцарение плотницкого чуда в Тимонихе. И как только зашумели жернова, завращались под скрежет колес могучие крылья, так сразу ожила деревня. В его повести уже другая появилась характеристика ветряной пирамиде — «мельница была стройна и красива, она много лет придавала Тимонихе ощущение движения».

За каждую погибающую мельницу он боролся, убеждал крестьян, совестил колхозное начальство, писал статьи и письма. Все тщетно. Бескультурье и погоня за техническим прогрессом оказывались сильнее. Одно время его обуяло желание самому построить мельницу. Он начал готовить чертежи, стройматериалы. Но из этой затеи ничего путного не вышло. Зато в тайниках его дома до сих пор лежат мельничные детали. Некоторые из них он перетаскал со старых мельниц, полагая, что когда-нибудь человек образумится, найдет контакт с природой, и ему понадобятся старикиевские секреты запуска жерновов.

Недавно в одной столичной газете я прочел заметку, подписанную жительницей Вологды. В ней писатель Белов подвергался критике за то, что получил Государственную премию России в то время, когда разрушены, уничтожены русские деревни. У разгневанного автора выходило так, что чуть ли не Белов причастен к трагедии русского крестьянства. Что могла знать читательница газеты о муках Белова, о его неустанном стремлении спасти деревенский уклад жизни, защитить от сноса неперспективные деревни, заставить политиков обратить должное внимание на возрождение аграрной политики страны?! Вряд ли она слышала хоть одно выступление Белова на высоких кремлевских съездах, читала его гневные запросы и телеграммы в адрес равнодушных разрушителей государства и предателей русского крестьянства. Не знала она о том, что даже враги русского мировоззрения, культуры, традиции, и те считали Белова главным защитником и хранителем русского крестьянского уклада. Он всегда первым поднимался на защиту русской деревни, не боясь ни хулы, ни притеснений, ни того, что перед ним закроются двери столичных издательств.

Отсюда, от мелеющей реки, за которую несведущие критики могли также поругать великого писателя, виднелся купол ожившей церквушки. Это еще одно конкретное поле битвы Белова. Битвы — за деревню. Он спас это архитектурное сокровище деревни. И мне хотелось спросить у писателя название храма... Но Белов зачерпнул два ведра воды, и мы с Рыбниковым успели перехватить их. Василий Иванович порывался нести их сам, но мы не дали.

Идем с ведрами к бане, домой. По дороге приходят неожиданные мысли... Вот по этой тропинке когда-то шел и великий кинорежиссер, писатель Василий Шукшин. Шел, восторгался тишиной, воздухом, а в руках тоже

тяжело свисали ведра с ледяной водой. В голову приходили мысли, сюжеты, художественные детали. По словам Белова, кинорежиссер часто записывал на ходу мысли, появляющиеся на вологодской земле, которые потом использовал в своих публицистических статьях. Известно, что Белов, Абрамов, Астафьев, Носов, Распутин — главная цементирующая основа появления и становления прозы так называемых «деревенщиков». Писатели не просто дружили, они дополняли друг друга. Творчество одного способствовало развитию другого. Без книг Белова вообще трудно представить литературный процесс в доперестроечное время. Еще труднее представить жизнь деревни Тимонихи, на которую, как и на ее сына-писателя, свалилась слава. Может, без него она давно бы умерла. Впрочем, почему «может», конечно же, исчезла. Вот идет с нами Белов к большому дому, и я вижу, понимаю, что он почти один тут хранитель жизни. А раз один, то и вся жизнь деревни замыкалась на нем.

Ведра с водой остаются в бане. Тропинка к дому бежит легко и быстро.

В доме у женщин гомон и суета. Стол накрыт для завтрака. Рядом с попыхивающим паром самоваром стоит веселая хозяйка, младшая сестра писателя Лидия Ивановна. Добрый, отзывчивый человек. Вчера она к нам присматривалась, а сегодня готова к открытому общению. По глазам были заметны доверие и искренность. Она предложила нам сесть за стол. Но Белов стал настаивать на походе в баню женщин. Согласилась лишь моя жена.

Лидия Ивановна уходит за перегородку. Там, за дверью, белеет громоздкая печь. Рядом стоят ухваты, ведра и прочая кухонная утварь. До нас изредка доносятся звуки посуды.

— Дом под полным ее присмотром. Она и зимует тут порой одна. Недавно вот руку сломала.

Сестра выглядывает из-за двери и скороговоркой поясняет:

— Не здесь это было, Вася. В Вологде. Я поскользнулась у крыльца, как раз возле своего дома.

Напротив меня на стене висят фотографии и картина. Белов уже объяснил нам, кто на них изображен. С одного небольшого серого фотоснимка на меня смотрел отец писателя, погибший на войне. С портрета глядела мать Анфиса Ивановна. На противоположной стене висел еще один портрет матери. Добрые краски художника не могли скрыть печали седой, задумчивой женщины. Внимательные глаза, строго сдвинутые брови. В каждой морщине затаилась крестьянская умиротворенность. Встречаешь ее пристальный грустный взгляд, замираешь на секунду, и начинаешь всматриваться в доброе лицо и понимать, отчего оно содержит печать усталости. Тяжелые, долгие годы крестьянского лихолетья, раскулачивание, голод, война, вдовство и шестеро детей. Да, да! Шестеро детей. Про жизненную грусть Василий Иванович сделал уточнение. Портрет написан перед смертью. Это меня еще больше удивило, ибо при более тщательном наблюдении можно было заметить тихую, едва приметную, женскую улыбку. Как удалось художнику запечатлеть в одном мгновении и грусть, и улыбку и выразить к тому же высокое достоинство русской крестьянки-труженицы?! Это остается вне моего понимания.

К портрету матери прислонилась картина с зимним деревенским пейзажем. Синее небо, зажатый с двух сторон белоствольными спящими бе-

резами крестьянский дом под красной крышей, и отчетливые контуры на переднем заснеженном лугу от наезженной санями темной колеи. В доме, впрочем, как и в вологодской квартире, много картин. К живописи Василий Иванович испытывает особое уважение. Это я понял чуть позже, когда хозяин решил показать нам свой кабинет, расположенный на чердаке.

* * *

Из окна просматривалась вся тимониховская округа. Как с помоста корабля видна ширь океана, могучее движение волн, так и с чердачного кабинета перед глазами открывалась панорама соседних деревень, печные трубы, верхушки берез, птицы, неуклюже летающие с них и садящиеся на старые прясла, ольховые перелески, столбы, полевые дорожки. В покосившихся палисадниках догорали последними красками лета цветы. Окна высоких рубленых изб застыли в ожидании, когда рядом пройдет сытое чистопородное стадо, крикливый пастух в кепке набекрень и с кнутом наперевес через плечо. Лишь далекое озеро, похожее на разлитое посреди зеленой скатерти молоко, жило своей спокойной жизнью, не выказывало никаких признаков ожидания человека. Вокруг его берегов одиноко разбрелись дома-корабли с сиротливо уткнувшимися в землю амбарами. Такая картинка-идиллия напоминала мне хуторскую систему расположения крестьянских усадеб. Только это все-таки были не хутора. Просто на широких незаселенных северных просторах грешно тесниться избам бок о бок, упираясь друг в друга рублеными боками. Скорее всего, северная ландшафтная идиллия походила на сербские деревенские поселения, вызывающие у меня до сих пор чувство восторга. Там тоже деревни живописно расположились, не нарушая красоты природы, среди лугов, озер и лесных просек.

В воздухе господствовал уже не рассвет, окрасивший деревья и постройки в сине-фиолетовые цвета, а яркий белесый день.

Мне снова вспомнились картинки сербских деревушек. Никогда бы не подумал, что здесь, в вологодской глуши, я встречу живописные пейзажи, на которых дома и природа живут в гармоничном единстве. Именно здесь опровергались мои представления о том, что природа без человека красивее, чем с человеком.

Впрочем, если бы Белов сейчас уловил ход моих мыслей, то наверняка заметил, что человек хоть и добился в свое время гармоничного сосуществования с природой, но сохранить эту правильную, здоровую жизнь не смог.

— Василий Иванович, недавно я читал вашу статью о том, что нравственный прогресс важнее научно-технического...

Я не успел договорить, сформулировать свой вопрос, как Белов тут же стал отвечать.

— Чем выше научно-технический прогресс, тем ускореннее гибнут деревни. Гибнет деревня, значит, гибнет жизнь. Думаешь, я выжил из ума? Нет, дорогой мой Толя, это мои жизненные наблюдения. Наши с тобой устремления дать деревне дороги, электричество, газопровод, трактора, приводят к плохим последствиям. Физический труд облагораживал человека, заставлял понимать и беречь природу. Это ты лучше меня, как эколог, понимаешь. И труд этот вдруг заменила техника. Благодаря ей человек стал бездушен, безнравственен. Вот я и прихожу к мысли, что научно-тех-

нический прогресс опасен, ибо он истощает не только природные ресурсы планеты, но и духовные ресурсы человека. Он поощряет его безудержное стремление к комфорту. А комфорт — вещь безнравственная. В той статье, ты ее опубликовал в своем сборнике «Любитель природы», я эту тему широко развил. И не отказываюсь от своих слов. Человека теперь может спасти только осознание безнравственности безудержного комфорта.

— Разве у человека есть тормоза, разве он откажется от комфорта? — спросил настороженно я, понимая всю бессмысленность такой постановки вопроса.

— Значит, апокалипсис. Читай откровение апостола Иоанна.

— Тогда зачем вы тратите силы, здоровье на спасение деревни? Стыдите дорожников? Душите мелиораторов? Ругаете правительство, министра сельского хозяйства? Заступаетесь за крестьян? Обращаетесь к ним с мольбой прекратить пьянствовать? Не даете сносить мельницы и амбары? Мне тут местный министр культуры пожаловался, что вы его забомбардировали письмами, чтобы спасти где-то в соседней деревне то ли старый дом, то ли церковь.

— Жизнь не остановишь. Да нам это и не дано. Человек должен обраться.

— Ты что к нему пристал?! — заворчали женщины.

Мне стало неловко за свою навязчивость. Но уж больно волнующая тема для разговора была. Если бы я не знал, как Белов яростно заступался за каждую безрассудно крушимую деревню, то, может, и молчал. Но он находил в себе силы для противостояния разрушительной политике «прогрессистов», как он называл в своей известной статье всех сторонников научно-технической революции, значит, надеялся на победу. Не верил я тому ярлыку, который он вешал сам себе во многих статьях и разговорах, что он будто бы пессимист. Нет, не зря же мудрецы изрекали: пессимисты всегда правы, а оптимисты двигают дело. Белов — двигатель нравственного, духовного прогресса. Он стремится открыть в человеке чувство опасности комфорта, отказа от крестьянского труда, и тем он интересен мне сейчас в серьезном разговоре.

— Какие меры нужно принять для возрождения деревни? — робко, но настойчиво возвращаюсь я к прежнему разговору.

— Деревню сегодня уже не возродить, — отрезает коротко Белов.

— Почему не возродить?

— Некому возрождать. Все. Давай я тебе лучше покажу иконы, которые я с Заболоцким перенес сюда из разрушенной церкви.

Женщинам, видимо, наскучил наш разговор. Они вышли из кабинета. Белов закрыл за ними дверь. Они попытались вернуться. Но Белов второй раз озорно закрыл перед ними дверь. Мы посмеялись. Так хозяин весело расправился со скукающими женами.

Около стены стояло огромное деревянное полотно с изображением Иисуса Христа. На икону оно не похоже. В какой части иконостаса располагалось — тоже было непонятно. Спрашивать о том, какое у нее было предназначение в церкви, я не стал. По другим иконам, заслонившим стенку кабинета, было видно, что Белову удалось спасти от поругания не самую большую часть убранства храма.

— Когда церковь закрыли? — спросил Рыбников.

— Шесть лет назад ее сломали, — уныло ответил Василий Иванович. — Успели только эти иконы спасти.

— Они церковь ломали, а вы восстанавливали, — вздохнул тяжело я. — Несправедливо. А служба там идет?

— Батюшка по праздникам приезжает.

От разговора меня отвлекли живописные картины, придающие кабинету уют. Знакомый сюжет напоминал озеро, которое мы видели вчера днем. В нем, как в зеркале, отражалась разнообразная растительность. Особенно изящными были кувшинки. Они выбрались наружу, на воздух, и загорали в лучах солнца. Самодельная рамка стесняла, сжимала пространство природы. Второй этюд с вытянутыми вдоль поля ладными копнами сена поражал игрой красок. Художнику удалось уловить переход лета в осень, когда солнце опускается ближе к полю и лесу, а тени становятся все длиннее и длиннее. В такой переходный момент поле неуловимо меняется под воздействием света. Умение распределить на холсте свет и тень угадывалось в осторожных мазках.

Называть автора я не стал. Белов сознался, эти этюды он написал сам. Его признание шокировало и меня, и молчаливого Рыбникова.

— Этюды у меня плохо вышли, — добавил Василий Иванович. — Мне не надо рисовать. Не получается.

— Напротив, — чуть ли не хором возразили мы. — Здорово все получилось.

— Нет, у Миши Абакумова, смотрите на этот этюд, гораздо лучше. У него много цвета, красок.

Этюд художника Абакумова, действительно, отличался яркостью красок, четкостью композиции, удачным сохранением эмоционального контакта с природой. Обычный деревенский пейзаж с избой и церквушкой, а в нем клокочет жизнь. Природа — не просто фон, она — активный участник всего происходящего вокруг, она доходчиво объясняет жизнь человека, хозяина этого дома.

— Прекрасная работа, — соглашаюсь я. — И ваши этюды мне понравились. Даже неожиданностью стало то, что вы взялись за кисти.

— Дарю тебе вот этот этюд с лесным озером.

— Вот за это огромное спасибо. Я повешу его у себя в кабинете. Никто никогда не отгадает автора.

После этой беседы Белов сопровождал нас в дом Заболоцкого. Там мы вечером весело провели время за бутылкой холодной водочки. Закусывали весьма неожиданными дарами природы — клюквой, брусникой да свежим луком. Василий Иванович попросил налить ему всего лишь одну стопку. Пояснил, что у него теперь появилась привычка наполнить стопку водкой в начале беседы и ему вполне ее хватает на весь вечер.

Необычная коллекция примеров спасения Беловым любимой Тимони-хи, спасения от угасания и одичания, пополнилась любопытным рассказом Заболоцкого. Старый дом, приютивший нас, купил для Заболоцкого сам Белов. Его собирались сносить. Во избежание такой участи он решил предпринять решительные шаги. Получил гонорар и купил дом. Спас тем самым редкой конструкции бревенчатое сосновое сооружение. В нем размещалось столь много комнат, что спокойно можно было поселить в них роту солдат. Не зря Белов сравнивает такие гигантского размаха дома с кораблями. Удачное сравнение. Ибо в таком корабле человек мог спокойно пускаться в любое житейское плавание. Тут места хватало и деду с бабкой,

и внукам, и животным, и гостям. Теснота исключалась. Захочешь в прятки играть — день потеряешь, а родича не найдешь. У всех под рукой и под одной крышей все рычаги управления кораблем-домом, все услуги и сферы жизнеобеспечения — печь, лежанка, спальная, погреб с огородными деликатесами, бытовка, туалет, сеновал, пристанище животных. Заболоцкий знакомил нас с домом с чувством полного восторга, сохраненного со дня первого пребывания в нем. Демонстрировал возможность въезда в срединную часть дома лошади с телегой сена. Лошадь легко входила в него по специальному помосту, разгружалась, и, поворачиваясь, удалялась прочь. Похвастал хозяин и необычным музеем, хранящим разнообразную крестьянскую утварь. Кроме самоваров и утюгов, особо запомнились берестяные туеса. Настоящие произведения искусства северных мастеров.

Еще Заболоцкий признался, что за этот чудо-дом Белов заплатил большую по тем временам сумму. Это была одна тысяча двести рублей старыми деньгами.

Но более всего меня поразила другой факт. Сколько ни пытался Заболоцкий отдать Белову деньги за купленный дом, тот их категорически отказывался брать. Так и живет одно лето за другим известный кинорежиссер, снявший почти все фильмы Шукшина, в подаренном доме. Общается с писателем, с художниками, с местными жителями. Познает тайны крестьянской жизни. Ремонтирует крышу, крыльцо. Собирает клюкву. Пытается облагородить и местный ландшафт. Недавно привез к речному перекату тракторную тележку больших камней. Свалил ее и соорудил там водопад. Красивое, притягательное место для отдыха и созерцания вышло.

Белову все дела и все чудачества кинорежиссера нравятся. С покупкой дома исполнилась его заветная мечта — жизнь деревни и всей окрестности наполнилась движением, шумом, гомоном, разговорами, песнями. Появился человек — появился импульс для существования деревни. Исчез бы дом в деревне — и всю округу постигли бы однообразность, уныние.

Это и есть новое тайное оружие Белова — заселить пустующие дома мыслящими людьми. Лишь по запоздалому роковому обстоятельству он не успел поселить на тимонихской земле таких друзей, как Шукшина который вряд ли устоял бы перед добрым натиском Белова. Не устоял же Заболоцкий.

Стремление Белова заманить на чистый воздух, на завораживающий пейзаж творческих людей есть глубоко продуманный шаг. Не просто желание оживить деревенскую округу. А глубоко выстраданное желание спасти Тимонику, продлить ей жизнь. Меня обескураживало это желание, ведь оно по большому счету ничего не дает деревне, творцы слова и кисти не являются крестьянами, они дачники здесь, но другой же зацепки нет. Нет другого возможного варианта сохранить дома. Если покупать ради того, чтобы они стояли, как каменные идолы на острове Пасха, то их мрачный, бездыханный вид еще более усугублял бы пейзаж. И музейная жизнь дома превратилась бы в олицетворение медленной мавзолейной смерти. Известно, дом без человека незаметно умирает. Мучительной и неотвратимой смертью.

* * *

...Осмотр внешнего облика дома закончился, и Белов повел нас на соседнюю улицу. Посреди нее он остановился, задумчиво поднял голову к

небу. Я шел не по избитой, наезженной колесами машин дороге, а по тропе вдоль палисадника. Дом соседа отгорожен чахлым забором и малиной.

Синь неба походила на мрамор. Первые солнечные лучи оживили перелески и лесные дали.

— Вон там летели журавли, — вполголоса сказал Белов и указал мне рукой в ту сторону, где видел птиц. — И туда...

Он не договорил, показывая, куда журавли улетели. Выходит, Белов переживал до сих пор, что мне не повезло увидеть в Тимонихе журавлиный клин. Ему хотелось вернуть время назад, чтобы с неба доносилось курлыканье, а взмахи больших крыльев заставили нас онеметь...

Деревня нежится под лучами солнца, а голосов утренних петухов как не было, так и нет. Может, журавли вернутся и прорвут тишину?... Я чувствую на лице теплый солнечный свет, с надеждой смотрю на пустой горизонт и тоже жду птиц.

Но тут у Белова не хватило терпения. Мы обходим стороной дома и спускаемся вниз с холма. На брюках повисают семена репейника. Чем ниже спускаемся, тем сильнее пахнет разнотравьем. Ощущается полное безветрие. Половину пути прошли молча.

Первыми нас встречают сосны. Им лет по двадцать. Ветки стелются низко над землей. Кто их тут посадил так аккуратно, вдоль длинного забора, я не стал спрашивать. Место выбрано хорошее, тихое. Значит, неслучайно. Наверняка где-то рядом протекал и ручей. Белов загадочно улыбается.

В низине стоят, как грибы-крепыши, бревенчатые бани. Одна за другой. Их четыре. Я с волнением жду, к какой бане подведет нас писатель. Он направился к самой дальней, стоящей позади сосен. С краю от нее росли уже другие деревья — две березки. Я не удержался и сфотографировал спокойно идущего по заросшей тропке Василия Ивановича. Впереди его ждало большое бревенчатое сооружение. На его фасаде выделялась дверь с двумя железными, коваными петлями-кинжалами. Окон пока было не видно.

— В этой бане вы писали книгу? — спросил я осторожно.

— В этой, — утвердительно кивает головой Белов.

— Здесь? — переспрашиваю я.

— Да, — сказал он тихо.

По глазам писателя вижу: у него много воспоминаний.

Быстро ощутив теньевую прохладу чердака, я подошел к столу. Уставившись в маленькое оконце, за которым мерцало бледное небо, я догадался, как хорошо было Белову предаваться здесь литературному писанию. В такой тишине и замкнутости легче было сосредоточиться, углубиться в материал. Слабая пыль, как рассеянный туманный след, стояла перед окном и лежала на стекле. Указательным пальцем я вывел на матовом материале слово «Лад». В лице писателя появилась озабоченность и сосредоточенное размышление. Маленькие острые глаза смотрели мимо меня. Чтобы разрядить затянувшуюся паузу, я постучал по столу, как бы пробуя его на прочность.

— В «Ладе» многое написано со слов моей матери, — глубокомысленно произнес Василий Иванович. — Она рассказывала, я записывал.

— Я давно намеревался вас спросить, откуда вы почерпнули столько полезного и редкого материала?

— Из рассказов крестьян. Да и я многое помню, знаю.

- А какое образование у матери было?
- Мать крестьянка. Работала и в магазине, и в колхозе. Грамотная была.

Появление в печати очерков «Лад» произвело в обществе настоящий фурор. Журнал «Наш современник» печатал их, начиная с 1979 года, с уточненным подзаголовком «Очерки о народной эстетике». Продолжил и в 1980 году, и в 1981. А в 1982 вышла красивая толстая книга, проиллюстрированная великолепными фотоснимками Анатолия Заболоцкого. При тогдашнем дефиците всего и вся мне с трудом удалось добыть этот труд. Зачитан он был, как говорится, до дыр. Его читали, передавали из рук в руки все мои друзья и коллеги по журналистскому цеху. Тогда в российском обществе только-только начинало просыпаться, пробиваться в душах людей чувство русского патриотизма. Достаточно вспомнить, что в этом же 1982 году вышел в издательстве «Современник» исторический роман Владимира Чивилихина «Память». Скольких он вывел Иванов, не помнящих родства, из летаргического сна — известно одному Богу. Власть испугалась роста русского национального сознания. Она и так никогда не поощряла духовные и нравственные искания народа. Ей нужен был не свободолюбивый, широко образованный народ, воспитанный на примерах нашей истории, а пьяный люд, им легче было управлять. Сознательно из учебного процесса были исключены предметы, пробуждающие в человеке чувство родины. Продуманный, изуверский запрет преподавания в школах краеведения достиг своей гнусной цели — в провинциальных городах и деревнях подрастающее поколение ничего не знало о своей малой родине, они стали гнушаться ее, рваться в чужие города. Краеведение когда-то не зря называли отечествоведением. Да что там краеведение, когда школьник, изучая историю, больше понимал об истории мира, чем об истории Руси и России. Какие-то сверхмогучие космополитические силы сознательно глушили и вытравливали из человека историческую память. И вот в это переломное, сложное время, когда ростки русского самосознания могли либо ожить и зацвести, либо окончательно зачахнуть, появились книги Белова, Чивилихина, Распутина, Солоухина, Абрамова. Из далекой Киргизии пришел и влился в дискуссию мощный трогательный роман Чингиза Айтматова «И дольше века длится день», роман о тайнах беспамятства, о Манкурте, которому надевают обруч на голову, чтобы отбить память. Книги писателей взрывают общественное мнение, пропахивают сознание...

Был ли Василий Белов в числе писателей-первопроходцев? Безусловно. Россия из века в век слыла крестьянской державой. Любой удар по крестьянству означал удар по России. Разрушение деревень, искоренение крестьянского мировоззрения привело к ослаблению России, к потере ее могущества.

Произошел насильственный разрыв, отчуждение крестьянина от земли, устоев, праздников, обычаев, традиций. Разорван крестьянский календарь. Россия утратила крестьянский образ жизни, а значит, подвергла себя самоуничтожению. Спасением могло стать возвращение к истокам, к крестьянскому началу, ладу.

В пору исканий путей спасения страны удивительно точным и мощным взрывом прозвучал «Лад» Белова.

На его очерках, как на дрожжах, стал подниматься интерес к истории крестьянского развития страны, к трагедии раскулачивания, к осмыслению

крестьянского труда, быта. Извечную тягу крестьянина к красоте, совершенству и простоте Белов назвал емким словом *лад*.

И покатили городские детеныши в села и деревни искать свои корни, покупать дома для жизни иной, несуетной, такой патриархальной, как в книге Белова.

Зачесались руки у ценителей антиквариата и русской старины, помчались они по долам и весям отнимать и перекупать у стариков иконы, лапти, самовары, прялки.

Заскрипели перья у краеведов, окрыленных правдой и смыслом их труда, пошли они по деревням, архивам и музеям собирать крупницы истории исчезающих деревень, промыслов, традиций, начали воспроизводить летопись утраченного, соединять нить времен.

В школах преподаватели и ученики потянулись к изучению истории малой родины, тут и там пооткрывались школьные краеведческие музеи.

Перестали журналисты в столичных изданиях гнушаться темы крестьянского труда, жизни деревень и сел.

Лад! Лад! Русский лад!

Вот чего не хватало русскому человеку.

И тут бы власти понять, осмыслить, поддержать процесс восстановления исторической памяти, возглавить движение по возрождению сельского хозяйства, вернуть крестьянам чувство хозяина, дать под их программы достойное финансирование! Конечно, покаяться за коллективизацию, за то, что Тухачевский истреблял тамбовских крестьян газом, за снос неперспективных деревень. В общем, произвести, как говорил с трибуны съезда народных депутатов СССР Василий Белов, реабилитацию крестьянства. Но власть испугалась. Поиграла в фермерство, поупражнялась в критике прежней аграрной политики, назвала деревню «черной дырой» и бросила ее в рыночную стихию, то есть на произвол судьбы.

Не этого ждал Белов. Не за словеса правильные и неправильные боролся он.

Белов понял: власть боится появления в стране настоящего, крепкого независимого хозяина на земле, крестьянина, знающего цену и свободе, и труду. Чиновник, вскормленный западными ценностями и одетый во все заграничное, нутром чувствовал: ему не властвовать, не жрать икру с балыком, как только на земле появится новый кулак, независимый и богатый крестьянин.

Начался откат. Началась тотальная приватизация, грабеж природных ресурсов и невиданное ограбление и унижение последних крестьян.

Снова по всем каналам телевидения и во всех центральных газетах полилась неудержимая извращенная ложь на русскую деревню. История жизни русской деревни, по их рассказам, — это беспробудное пьянство, жадные и ленивые помещики, бродячие нищие, холерные бунты, толстопузые попы, лютые кулаки-мироеды. Непонятно только было, а кто же тогда кормил страну, где рождались Ломоносовы?!

История жизни русской деревни, рассказанная Беловым, выглядела иначе, правдивее и интереснее. «Лад» не является идеализированным представлением жизни крестьян, нельзя считать его и этнографическим трудом, идеализирующим нравы, обычаи и быт деревни. Белов пересказал, переложил рассказы матери Анфисы Ивановны, других крестьян Тимониhi на

бумагу. Он напомнил россиянам, какой на самом деле была жизнь деревни и что мы потеряли в стране с уничтожением этой жизни. Зачем ему выдумывать крестьянские промыслы, обычаи, саму идею цикличности крестьянского мира?! Зачем идеализировать, возвеличивать труд крестьянина, вышедшего на заре косить траву, умеющего подковать коня и выковать ограду, поющего колыбельную сынишке, ткущего сарафан и украшающего дом-корабль резными наличниками?! И сенокосная пора воспевалась не одним поэтом, и мастерство кузнеца всегда славилось на Руси! Что же такого Белов приукрасил, назвав бани банями, мельницы мельницами, сеновал сеновалом?!

«Лад» — это свободный рассказ жителя Тимонихи о своем северной доме, о детстве и отрочестве, о сеновале и амбаре, рыболовных снастях и резьбе по бересте, об играх, свадьбах и проводах в армию. Крестьянину присуще не только сеять рожь и чистить самовар, но и петь песни, частушки, говорить языком бухтин и поговорок, пересказывать сказки, хранить предания и заговоры. Жизнь России тесно увязывалась с жизнью Тимонихи, с сотнями, тысячами и сотнями тысяч Тимоних. И развитие России шло стремительно, поступательно, пока жила и развивалась Тимониха и сотни тысяч Тимоних, и если сегодня в Тимонихе не сеют рожь и не играют свадьбы, то понятно, какое будущее ждет Россию.

Мои размышления о «Ладе» и предназначении русской деревни превалировал веселый голос Белова.

— Как называется эта деталь у бани? — спрашивал писатель у Рыбникова.

Пройдя вокруг бани один круг, другой, осмотрев ее внимательно и посидев на крепком заборе, мы стали внимательно разглядывать край крыши, по бокам которой торчали непонятные деревянные загогулины. Издали они напоминали задранный нос игрушечной ладьи, вблизи — голову рогатого животного. Если согласиться с тем, что эта высунувшаяся из-под крыши деревяшка есть некая голова с рогами, то понятно, почему плотник положил на ее шею продольные слег и доски, на которые прибил шифер. Деревянные рога держали, как клещи, последнюю слегу. Она обычно поддерживала шифер. Всего по краю крыши я заметил три слег с окончаниями, похожими на головы животных. С другой — еще три. Они являлись чуть ли не единственными декоративными элементами убранства бани.

— Бычки, — пытаюсь я отгадать название деревянного изобретения.

— Курица это, — улыбается Белов.

— Не похоже, — сопротивляюсь я.

— А я тебе говорю, курицей называют эту деталь.

Приглядевшись, мы соглашаемся: некоторое сходство есть. Курица так курица. Птица деревенская, вездесущая. Значит, с нее и рублена округлая концовка слег. Мастер сделал их все одинаковыми, схожими. Рыбников признался: в плотницком строительстве он не встречал такого изобретения. Мы его повторно осмотрели и сфотографировали.

К следующей бане, улегшейся в траву и выставившей вверх крышу, похожую из-за белых досок вдоль темной толи на шкуру зебры, мы не пошли.

Обратная дорога лежала мимо тех же бань и сосен. Справа от нас, вверх по солнечной отлогой поляне с островками осоки, тянувшейся к просторному небу, широко открывалась живописная деревня.

Около неказистой баньки, заросшей с боков лопухами, Белов остановился.

Замедлили ход и мы.

— Давно банька не топлена, — вздохнул Василий Иванович.

— Да ваша баня лучше, — торопливо похвалил я утреннюю баню.

— Другая, может, и лучше, — повторил он. — А здесь, в этой бане, я родился.

— Разве не в больнице?

— В какой еще больнице? Раньше бабы в наших деревнях рожали в банях.

На усталом лице Рыбникова расцветает улыбка. Еще одно откровение Белова застает нас врасплох. Поспорить, высказать сомнение никто из нас не осмеливается. Уж больно серьезно говорил писатель о рождении. Видимо, отсутствие в округе нужной больницы заменяла баня. Здесь и тепло, и чисто, и горячая вода... И мало ли какие удобства создавали крестьяне в бане, превращая ее в родильное отделение. Важно другое. Если в банях рождались Беловы, то ничего удивительного в этом нет.

* * *

...Запах жареной рыбы ударил в ноздри, едва мы переступили порог дома. Женщины непоседливо сновали по кухне, кидая в нашу сторону косые взгляды. Понятно, пора за стол, а мы все гуляем. Лишь темно-смородиновые глаза Лидии Ивановны по-прежнему добры и приветливо светятся. Она приглашает нас к столу, заваленному пирогами и копченостями, овощами и фруктами... Посреди этих домашних яств — огромная сковорода с шипящими в масле светло-коричневыми рыбешками. От одного их вида текут слюни. Руки тянутся к вилкам.

Из распахнутых дверей соседней комнаты тянутся клубы дыма. Он быстро заполняет нашу комнату, лениво ищет в углах и оконном проеме выход на волю.

— Откуда-то дым? — настороженно спрашивает Белов.

— Рыбу на кухне жарили, — говорим мы почти хором.

Белов успокаивается, садится за стол, деловито раскладывает по тарелкам мне и себе остывающую рыбу. С ее поджаристых плавников стекает масло. Быстро разбирают речные дары и мои коллеги. Белов режет ножом на большие ломти краюху хлеба. Откусывает ее со вкусом и смотрит на нас. Рыба и хлеб доставляют ему наслаждение. Неловко, горстью, он сгребает крошки со стола и бросает их в рот.

На моей тарелке рядом с рыбой уместились помидоры. Они еще хранили в себе тепло знойного дня.

Вспомнились детские походы на реку, жареная на углях лесного костра рыба... Все это давно ушло из моего сознания и стало почти нереальным, но вот надо же, вернулось, ожило в гостях у Белова, в далекой северной деревне.

Сковорода быстро опустела, и на ее месте неожиданным образом появился самовар. Внутри него еще не угомонился буйный шум воды.

Он, как и прошлый день, притягивал зеркальным блеском. Но никто из нас уже не поинтересовался у Василия Ивановича возрастом самовара. Мы

вчера получили исчерпывающий ответ. Самовар старый, семейный. Белов так и сказал: «Это наш, семейный!». А выглядит, как новенький, потому что хорошо начищен. Отполирован мелким-мелким песочком.

В коридоре, в кадушке, мы видели припасенный с лета речной песок.

— А кто самовар трет? — слышался все же чей-то вопрос.

— Вон Лида его трет.

Мы посмотрели в сторону хозяйки, выражая глазами благодарность за столь непривычный труд. Лидия Ивановна не откликнулась на слова брата, не решилась заговорить с нами.

— Пейте чай, пожалуйста, пока горячий, — предлагает Белов и первым наполняет себе большой бокал водой, дымящейся паром.

Гости дружной компанией втягиваются в чаепитие. Мне хочется прервать молчание, и я спрашиваю, почему самовар всегда ставят посреди стола. Белов молча глотает из бокала раз-другой, нехотя отодвигает его и говорит:

— Я знаю, что самовар так ставили всегда. Разжигают... А это тоже уметь надо. Доведут до кипения, подождут немного и ставят. Мама именно так ставила самовар. Знаешь, какая самая главная у него достопримечательность?

Хозяин весело посмотрел на меня, поправил на самоваре крышку-колпачок. И, увидев мое замешательство, сам ответил на свой вопрос:

— Весь секрет в этой крышечке. Вы зря ее закрыли.... Вот так немножко оставим ее, и самовар всегда будет горячий.

Крышка неплотно, боком, легла на стенку самовара, пропуская пар из его нутра.

— Тяга, — глубокомысленно произнес Рыбников. — Как печь работает. Снизу подтягивает, раздувает воздухом угли, и они держат самовар горячим.

— Да, — согласно кивает головой Белов. — И даже поет, поет.

— О чем? — спрашиваю, не удержавшись, я.

— Ты ее не слышал? — удивленно поднимает брови Белов.

— Нет.

— Не слышал. Тогда я не могу сказать...

— О чем душа поет, о том и самовар поет, — подсказывает мне свой ответ Рыбников, пытаюсь угадать ход мыслей писателя.

Судя по выражению лица и по тому, как зажглись радостным светом глаза Василия Ивановича, я понял, что реставратор попал в точку.

— И в этом пении такие чудеса интересные чудятся человеку с фантазией, — тут же отозвался певучий голос Белова.

После таких откровенных слов наступила продолжительная пауза. Каждый сидящий вокруг самовара подумал о чем-то близком, понятном только ему...

— Все в жизни крестьянина было рационально, — прерывает наши размышления Белов. — И в самоваре тоже. Видишь вот эту штучку? Это «уточка», поднимешь ее, пар выходит.

Белов взял пальцами «уточку», прилипшую, как улитка, к крышке самовара, приоткрыл ее на миг и снова опустил на место. Теперь стало понятно предназначение медной детальки с красивым названием.

— Самовар да печь — и все, — вздохнул Белов. — Для нашей жизни в деревне это самое главное.

В некошеном годами лугу нас настиг Белов. Почему ему не спалось, мы не стали спрашивать. Вместе приятно было идти до церквушки, тем более другой дорогой. Вчера Белов подводил нас к ней с иной стороны, от шоссе, бегущей вдоль чистых лугов и небольших стожков. То была единственная наезженная дорога к храму, поэтому рядом стояли легковые машины, а из зарослей высокой травы торчали головы художников — здесь со всех сторон открывался великолепный вид. А сейчас лишь слева нас радовал пейзаж с далеким озером и стоящими за ним крестьянскими домами.

— Это деревня Поповка, она стоит как раз напротив деревни Артемовская, — разъясняет нам по пути Василий Иванович. — Там, в Поповке, жил священник. За кладбищем, если пройти лесом, стоит деревня Мижурки. В ней до сих пор сохранилась деревянная церковь.

— Василий Иванович, а как вы сюда в вашу церковь священника приглашаете? — спросил я. — Откуда он приезжает?

— Батюшка с города Харовска сам приезжает.

По признанию Лидии Ивановны, одно время за священником ездил Василий Иванович, а то посылал за ним машину.

Возрождение храма в постперестроечное время тоже было связано с желанием Белова продлить жизнь родной деревне Тимонихе. Здесь, в десяти шагах от церкви, располагалось кладбище, на котором всегда, без всякого запрета, хоронили крестьян со всей округи. Покоились на нем и друзья писателя, мать, дядя, другие родственники. Просить здешних мужиков или местную власть восстановить разрушенный храм он не стал. Бесполезно. Слишком были свежи в памяти картины разорения и тот день, когда председатель сельсовета дала команду разбирать на кирпич церковь, где крестили и отпевали дедов и отцов односельчан, и те месяцы, когда мужики ломали колокольню, придел, алтарь, разбирали на дрова трапезную. Он решил взяться за это трудное дело сам.

Собрал гонорары, закупил кирпич, доски, цемент, гвозди, и работа закипела, топоры застучали... Думал, глядя на спорый труд, откликнутся мужички в деревнях, подтянутся помочь. Однако почти никто не предложил свои услуги. Работа, между тем, была грандиозной, затратной. От церкви торчали одни голые стены. Полы сгнили, фрески разъели удобрения. Нанятые каменщики и плотники подсказывали Белову, что им легче построить новое помещение, чем сохранить старое. Такой подход его не устраивал. Грешно отказываться от намоленных стен, от того духа предков, который живет среди них несмотря ни на какой смрад и разор. Стены становились единственными свидетелями прежних церковных таинств, хранителями традиций. Они незримо связывали прошлое, настоящее и будущее.

Остатки церковных стен помогли ему обрести в себе дополнительные силы. Есть с чего начинать, есть что продолжать строить... Это главное. Осваивать пустырь сложно морально и материально. Никто из столичных писателей-патриотов, кто ратовал тогда со всех газетных и журнальных страниц о возрождении православных святынь, не подарил и копейки на конкретное дело. Легче словами орудовать, чем делами. Потому он и на творческую интеллигенцию не рассчитывал. Знал, не приедут, не положат

и кирпича. Приходилось писать много рассказов, очерков, публиковать их, чтобы заработать денег и расплатиться с каменщиками.

Денег не всегда хватало. В результате сам становился плотником и каменщиком. Белов брал в руки топор, пилу, и наравне с мужиками выстилал пол, затаскивал балки на крышу. Сильным оказалось желание возродить храм. Есть храм, будут службы, потянется народ. Чем не путь спасения для деревни?! Разве теперь не оживет душа селянина?! Должна. Ей дан шанс оттаять, окрепнуть, найти истинную опору.

Наступали минуты отдыха, и Белов оставался в храме один. К нему все чаще приходили уверенность, душевная ясность. Его мучила жажда созидания. Каждый новый день открывал тайны храма. Может, мастера не видели и не ощущали их, а он видел эти таинственные движения, лики, вздохи, голоса. На обезображенных стенах проступали высокие, резко очерченные силуэты святых. В их глазах — скорбь. Дни проходили, а рисунок даже без прикосновения кисти реставратора становился все зримее, четче, лаконичнее. И чем чаще он всматривался в лики святых, угадывая индивидуальные черты каждого, тем больше оживали старые краски. Однажды Анатолий Заболоцкий застал в храме рядом с печальным Беловым приехавшего к нему в гости Валентина Распутина. Они долго стояли у любимой фрески Белова, поражаясь своеобразию и многоцветности красок. Заболоцкий успел сделать фотоснимок. На следующий день лики, написанные в пурпурно-охристых тонах, оказались чуть печальнее, сумрачнее. Я видел ту фотографию, и, конечно же, сами фрески.

Храм оживал благодаря живительным силам писателя. Пришлось вспоминать плотнические секреты, заново осваивать кладку кирпичей. Как исправить ошибки строителей и восстановить утраченное, не исказив ни пропорций, ни размеров, ни облика, подсказывали церковные книги да добрый совет священника. Вместе с каменщиками он заложил разломы в двери, дыру в том месте, где был алтарь. Невероятно трудно оказалось вставить оконные рамы. Во-первых, впечатляли их большие размеры. Во-вторых, окон на двух боковых стенах было по шесть штук. Они, конечно, пропускали через свои просторные ячейки много света, но поднимать без крана и прочных лесов на приличную высоту широкие рамы было тяжело. Мужики замучались вставлять двенадцать окон, прикреплять их к кирпичу. Устал и Белов. А когда на оконные проемы стали поднимать и крепить железные ограды, то Василий Иванович и вовсе надорвался... Позвоночник не выдержал тяжести, дал слабину, меж позвонками образовалась грыжа. Тогда никто и не заметил, что он повредил здоровье. И сам он продолжал подавать кирпичи, мешать цемент с песком и водой, строгать брус. Останавливать процесс нельзя было ни на день. Остынет мастер, расслабится и потеряет вкус к делу, не дай Бог еще и загуляет, запьет. Белов с утра зажигал мужиков добрым словом напутствия, одобрения.

Узорчатые решетки, называемые Беловым оградами, встали плотно в оконных проемах. На одиноко стоящей среди лугов и полей церкви они смотрелись не лучшим образом, к тому же вызывали вопрос: а как они смогут защитить тишину и сокровища храма? Впрочем, вопросы и сомнения разлетаются, как туман, когда видишь незащищенность икон и подсвечников, книг и крестов, которые принесли в церковь из дома старушки. Вчера Белов устроил для нас специальный праздник — тихое, пешее хождение в

церковь. Таких радостных дней показа восстановленной древней святыни у него не так много и было. Не так часты дорогие гости в Тимонихе. К тому же такое посещение требовало особого расположения духа.

Всю дорогу Белов шел молча. Не от того, что тяжело было идти, а от радости встречи с храмом, который удалось поднять из руин и возвысить над всей затаившейся природой, уставшей от ожиданий. Как он там живет, безлюдный храм?! Остались ли целехонькими подсвечники? Встретят ли приезжего человека глаза святых с намоленных старухами домашних икон? Несет Белов в руках большой железный ключ от замка и думает о жизни. У храма вроде как должна наступить своя жизнь, индивидуальная, самостоятельная. Пусть укрепляется его независимость, в ней — надежда на прочность будущего. А то получается так: пока Белов ходит в храм, привозит священника и бабушек на службу, все идет своим чередом, ангелы собирают людей, молитвы воскрешают души. Приболеет Белов, задержится в командировке, и отсыревают молитвословы...

Гремит поржавевший замок, скрипит, пугает тишину кладбища. Белов напрягается, ловко орудует ключом, и дверь открывается. По разбитым, полусгнившим и обьятым лишайниками дощечкам мы поднимаемся в церковь. Верхние доски твердо держат нас, ибо толщина их почти десять сантиметров. Над дверью он еще не успел прибить козырек, защищающий от дождя. На открытой стене грубо выделяются следы от разваленной кирпичной кладки, свидетельствующей о наличии здесь добротного придела. Все варварски было разгромлено, удивительно, как только при сносе придела не задела стену самой церкви.

Свет в храме держался ровно, объемно. Значительная часть стен белела свежей штукатуркой. Некоторые фрагменты краснели от бордового цвета кирпича, не успевшего попасть под белила. Заметным пятном виднелись оставшиеся от старых времен красочные фрески. Осенив себя крестным знаменем, я первым делом стал рассматривать лик, о котором говорил Заболоцкий. Седовласый летописец занимал большое пространство стены у самой двери. Монашеское одеяние ярко-синего цвета, плотно облегавшее его фигуру, касалось пола. Под руками летописца — книга. А в левой руке, кажется, длинное перо, выводящее буквы. Редкий сюжет.

Главное место в храме — алтарь. Сооружен он был из легких древесных материалов. Его царские врата распахнуты настежь, так, что виден престол. На месте высокого сомкнутого иконостаса — ровное полотно, на котором развешены редкие иконы. Перед иконостасом возвышаются соея и амвон. Рядом с ними — большие позолоченные подсвечники. Глядя на них, ощущаешь, как непривычно находиться в храме, где не горят свечи, не кадит перед иконами священник. Впереди одного подсвечника стоит высокий столик, накрытый пестрой скатертью. На нем — тонкая брошюра. К моему удивлению, писатель знал, как правильно называется этот стол.

Белов провел нас в алтарь. Здесь он соорудил престол, самое главное и святое место в алтаре, ради которого алтарь и существует. Причем сделан он был, по словам Василия Ивановича, без единого гвоздя. На престоле лежали иконы, кресты, свечи. Рядом возвышался холст с изображением Иисуса Христа. Все это подарили церкви бабушки. Сам писатель принес сюда большую, потрепанную церковную книгу. Я полистал ее внимательно,

от каждой страницы веяло древностью, славными историческими событиями, религиозными обрядами. Белов тоже потрогал книгу и повторил снова:

— Это я принес. Родовая.

Ударение он сделал на последнее слово.

Церковные ценности лежали без охраны, ждали очередной службы. Отсутствие краж порадовало писателя.

Сегодня мне вновь захотелось дойти до храма, хотелось ощутить дух церковной службы, изящность песнопений и торжественно-величавый характер храма. Старушки из соседней деревни сказали, что благодаря стараниям Белова у их храма появился свой характер. Мне удалось его почувствовать. Торжественность пришла вместе с горем и радостью старушек. Вместе с Беловым, который собирал их на службу, привозил из далеких деревень, они укреплялись в вере, приходили к пониманию того, что сделал для них великий писатель, не убежавший из деревни в столицу. Храм облагородил их лица, заставил по-иному говорить с детьми, с внуками и друг с другом. Они были так благодарны Белову! И мне они столько похвальных, добрых и высоких слов сказали о нем, что ни в одной книге таких благодарностей не вычитаешь. Постоять бы с ними теперь на службе, послушать их песнопения, как слушали мы когда-то с Василием Ивановичем в далеком сербском храме, стоя рядом с Радованом Караджичем, разные песнопения, звучащие с особой выразительной напевностью и пластичностью. И снова узнать правду о том, зачем по России порушили церкви, кому нужно было мучить и убивать священников и кулаков в русских деревнях. Старушки знают, что без этих тяжких грехов не умирала бы так скоро Тимониха, и не надо было бы Белову тянуть из себя жилы, чтобы вернуть ей церковь. Не он, верный сын своей деревни, виновен в том, что так редко слышится пение в храме, обескровлены деревни, зарастает кладбище. Старушки знают настоящую цену Белову, признают установившуюся за ним заслуженную репутацию замечательного, великого писателя, неутомимого, бесстрашного публициста, беззаветно преданного своему крестьянскому долгу.

* * *

Мы разворачиваемся от моста к Тимонихе. Идем проторенной тропинкой. К брюкам снова цепляются семена череды и лопухов. Мне хочется прочесть стихотворение Рубцова «Видение на холме». Но я боюсь ошибиться. Помнятся хорошо лишь первые строки, которые я мысленно и вторю каждому своему шагу: «Взбегу на холм и упаду в траву. И древностью повеет вдруг из дола!»

Каким же великим и гениальным был этот вологодский поэт! Как чувствовал он природу, любил родину!

Хорошо бы наставить по всей деревне и округе памятных знаков, дощечек с надписями: «Здесь великий русский поэт Николай Рубцов написал поэму...», «В этом лесу собирал грибы... Николай Рубцов», «Холм, на котором открылись... Николаю Рубцову тайны России».

Все дни в Тимонихе я думал о нем. И сейчас, в доме Белова, в котором мы расселились по лавкам и диванам после похода к реке, он снова у меня на устах.

*Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,
неведомый сын удивительных вольных племен!
Как прежде скакали на голос удачи капризной,
я буду скакать по следам миновавших времен...*

— А ты молодец, что помнишь стихи наизусть, — хвалит меня Василий Иванович, и начинает разговор о поэзии.

— Да память уже не та. Уччу стихи с трудом.

— Все равно ты молодец! Стихи человек редко помнит. Коля Рубцов все стихи свои помнил наизусть.

— Это редкость.

— Такой человек. Все наизусть помнил.

— Вы в Тотьме у него были?

— Да, и в Тотьме был, и в Николе был. Тотьма — та же деревня, даже меньше... От Тотьмы до Николе километров двадцать. Там река Сухона. Пароход ходит. Молокозавод еще остался. Оттуда Рубцов слал мне письма.

— А у вас сколь часто он гостил?

— Много раз. Книжку даже оставил... Любил здесь не только отдыхать, но и работать. Написал короткую поэму, два стихотворения. Мама кормила и поила его. Он стеснялся, побаивался ее. Хотел выглядеть хорошо. Потому пил вино втихаря. А пил он только красное вино, десертное. Водку не пил. Он вообще следил за собой. Помнится, как я случайно обнаружил тайник его пустых бутылок. Он же при маме не пил. А как выпьет бутылку, так кидает ее в крапиву. Приехал я из города, смотрю, а у него ни одной бутылки нет. Ну, думаю, хорошо, не пил, работал. Он уехал. А я иду потом около огорода и смотрю — в крапиве бутылки пустые лежат. Догадался. Коля стеснялся мамы, думал, она не видит... А она видела, чувствовала. Очень любил Коля поговорить с моей мамой. Это было ощущение родства... Святое общение. Как сейчас помню, сидят они за самоваром, пьют чай и так заразительно смеются. Громко, громко. Мама рассказывает что-то, а он хохочет вместе с ней. Добрый, отзывчивый человек. Я однажды поглядел в его сберкнижку. А на ней, как помню, значатся три рубля пятьдесят копеек. Жалкие деньги.

— Стихи у него светлые, а вот жизнь была тяжелой.

— У него и грустные стихи есть. Колю Рубцова можно было спасти, но мы его не спасли. Но, главное, Коля создал свою поэтическую школу. Его последователь — Сергей Чухин. Хороший поэт. Жаль, у него трагическая судьба была. Безрукий. Однажды переходил дорогу и его задавили. Сразу не могли опознать, свезли в морг... И никто не знал, кто это.

— Хороших вологодских поэтов много. Ольга Фокина...

— Чухин выше Фокиной.

— А мне нравится поэзия Фокиной.

— И мне нравится.

— Замечательный писатель Астафьев. Тоже в Вологде жил.

— Серьезный писатель. Я его книги высоко ценю. Особенно язык, юмор. Жалко, в конце жизни в его книгах злости много стало. Фокусы литературные появились. Перед западниками угодничал, перед властью...

Астафьев здесь у меня на озере рыбу ловил. До Азы доехал. Шесть километров до моего дома оставалось... А до него не доехал. Я обиделся.

— На обиженных воду возят.

— А как не обижаться?! Мы друг друга хорошо знали. Нас в газетах и журналах всегда вместе объединяли — Белов-Распутин-Астафьев. Термин специальный выдумали — «деревенщики». Напрасно. Я давно против него борюсь. Есть одна характеристика — национальный писатель, поэт. Рубцов — русский поэт. А критики-западники придумали — «деревенщики». Потом продолжили такую классификацию — «лейтенантская проза». Для чего придумали? Чтобы делить, делить, а потом поодиночке разбить.

* * *

Белов огромное значение придавал возрождению народной песни. В песнях старушек жил чистый родник живой мысли, они отражали в себе идеи патриотизма, верности родной земле. Напрочь забытые слова, понятия, мысли воскрешались заново. Их воспринимали по-новому, как рождение ребенка... Им радовались. Губы шептали их, как молитву... Соломенный пояс, проталины, утренний камыш, сосульки, ржаной хлеб, парное молоко, жнивье, снопы, овраги, лесная опушка, лава через речку... Сотворялось чудо, воскрешалась одна из вечных ценностей — связь с землей. А если есть связь с землей, почвой, то есть и преемственность поколений. Человек отвергает равнодушие власти, ощущает родство душ. Он понимает: его труд, жизнь в Боге забытом лесном уголке России все равно кому-то нужны. Детям, колхозу, государству. И они, словно пограничники, берегущие далекие, необжитые рубежи страны, являются стражами и хранителями нужной, редкой профессии... Кто они, эти последние земледельцы? Пастухи, полеводы, косцы, льноводы... Это те, кто хранит опыт поколений, опыт общения с землей. Достаточно Белову заговорить с женщинами, жизнь которых прошла в поле, в борозде с картошкой, брюквой, репой, льном, овсом, горохом, как просыпается в человеке его извечная тяга к земле. И писателю становится легче дышать. Он понимает: собрав стариков в доме, над крышей которого гудит вселенная и льется золотой звездный дождь, деревня его Тимониha не затерялась песчинкой в суетном и быстроразвивающемся мире, не утратила еще живительных и охранных чувств, не сдалась задешево и бездушно тем, кто гнушается народной крестьянской жизни. В празднике песен, буйстве частушек и поговорок очищается язык. Великий животворный язык... Тот напевный, легкий, душистый язык, на котором говорила Анфиса Ивановна и другие крестьяне Тимониhi, переходя из жизни в книжные диалоги, истории, образы. Вместе с песнями оживают такие поговорки и наблюдения, которые знавали еще деда, прадеды и прапрадеды: «Рога луны острые и яркие — к ведру», «Нагорела свеча — будет долгоносая невеста», «Коли снег долго лежит глыбами — скоту легко будет». Беседы одна за другой переливаются в память. И когда Белов видит, как рядом с бабушкой сидит в задумчивости круглолицая внучка, внимая старческим воспоминаниям и песням, он счастлив: будет чему отложиться и в детской памяти.

Конечно, Белову не нужны вечеринки ради вечеринок, ради сбора фольклорных данных для очередной повести. Давно он не черпает сведения

народного эпоса, да и песнетворцы нужны ему не для пропаганды устного народного творчества. Он плоть от плоти крестьянский, народный, выросший, воспитанный на сказках дяди и песнях матери, знающий, как правильно распорядиться привитыми знаниями. Песня, звучащая в деревне, нужна ему для продления жизни деревни, чтобы эта жизнь не походила на лубок, а демонстрировала устойчивость, здоровый консерватизм, традиционализм и народность, отвергающие всякую тягу к вульгарной моде и псевдокультуре. Жизнь как жизнь... С тяжелым трудом, с бездорожьем, с отсутствием в стране внятной аграрной политики... Но и с понятной, традиционной, народной песней, без которой крестьянин — не крестьянин.

Бездуховна жизнь деревни без храма, неупорядочена, оторвана от истории и веры, значит, ей нужен храм. И Белов воскрешает его не для утешения совести, не для художников, воспевающих красоты Тимонихи. Храм вернулся к жизни, чтобы вернуть жизнь деревне, он возвращает деревню в отлаженный веками ритм... Этого добивался писатель, так задумывал и тому следовал.

РУССКИЙ СИЛУЭТ

*Е. Кругликова. Павел Елисеевич
Щеголев, литературовед. 1916*

ПОЭЗИЯ

Николай ПЕТРОВ

«ПОД НАШЕ РУССКОЕ «УРА!»»

Николай Иванович Петров — родился в Рыбинске. Служил в Ленинградском, Прибалтийском, Уральском, Забайкальском ВО, в Группе Войск в Венгрии, Германии, Монголии. Отдал Армии почти 40 лет жизни, пройдя путь от рядового до генерал-лейтенанта, заместителя Командующего войсками ЛенВО. Мастер спорта, судья Высшей категории, судил Олимпийские игры и Игры Доброй Воли. Член СП России. Председатель Ленинградской областной писательской организации. **Живет в Санкт-Петербурге.**

* * *

Путей проложено не мало,
С дороги верной не свернуть.
Тем, кто «дошел» до генерала,
Настало время отдохнуть...

Но не до отдыха, по праву,
Есть неотложные дела,
Вернуть стране былую славу,
Чтоб развивалась и цвела.

МАРАФОН НА «ДОРОГЕ ЖИЗНИ»

Не шуршат по карманам червонцы,
И со льготами что-то не так...
Дорогие мои марафонцы,
Вы сегодня в районе атак.

Девятьсот ледяных и тревожных
Дней блокады вы смело прошли.
И сегодня понять невозможно,
Как вы с голодом сладить смогли

И в труднейшие, грозные годы
Отстояли район дорогой?
Здесь и фабрики есть, и заводы...
В небе радуга взвилась дугой!

Пусть району — не целой планете —
О Победе напомнили мы!..
Вновь проходят и старцы, и дети
По дороге блокадной зимы.

ПУЛКОВСКИЕ ВЫСОТЫ

На высотах проходили
Тяжелейшие бои.
Много здесь врагов убили,
Наши тоже полегли.

И сегодня в честь Победы
Состоялось торжество.
А в строю — седые деды,
Те, что все за одного...

* * *

И таких, как отец, было много —
Вдохновенных, простых пареньков,
Что сражались и верили в Бога,
От фашистских отбили оков.

Я В ДЕРЕВНЮ ВЕРНУЛСЯ

Я в деревню вернулся,
Прослужив сорок лет.
Мне сосед улыбнулся
И заметил вослед:

«Знаю, помню Ивана...» —
Это он про отца.
И беседа неожиданно
Растопила сердца.

КАЛАШНИКОВ

Он созидает, он творит,
Надежда всей страны.
Когда похвалят — говорит:
«Мы Родине должны»...

ДЕСАНТНИК

Он прибыл служить издалёка,
Лишений хватил на веку.
Закончилась служба до срока
В гвардейском десантном полку.

Изведал горячие точки.
Ранения трижды имел.

Супруга, две маленьких дочки.
И он, инвалид, не у дел.

Охранник ларька или рынка. —
Решают знакомство и блат.
В армейских законах — заминка
Кто в этой беде виноват?

ВETERAN И ПРИЗЫВНИК

На награды смотрит долго,
Острый взгляд — зацеп...
Первый орден дан за Волгу.
А второй — за Днепр.

Ветеран почтенный тихо
Пареньку в ответ:
Да, хватил я в жизни лиха
С юношеских лет.

Школу кончить не успели
Сверстники мои...
Длиннополые шинели.
Марши и бои.

Смерть со мной шагала рядом
Не взяла она!
Потому, сыночек, надо
Помнить ордена.

О БУДУЩЕМ

Нас не сумели увести
На путь неправедный и ложный.
Но голос внутренний, тревожный
Взывает: «С кем, куда идти?»

А жизнь достойною была,
Была закалка боевая.

И кровь гудит, не остывая,
Мысль устремляется в дела.

Пора вступить в идейный бой, —
Припомнить прошлые науки, —
За право властвовать судьбой,
Чтоб нас не проклинали внуки.

* * *

Больше думай о «сейчас»,
О враге, лукавом друге.
Для России пробил час
Снова быть в стальной кольчуге.

ЦЕНОЮ КРОВИ

Спасибо вам, отцы и деды.
Пришла желанная пора —
Вы возвестили миг победы
Под наше русское «Ура!»

Ценою крови — опыт, знание
И радость жизни обрели,

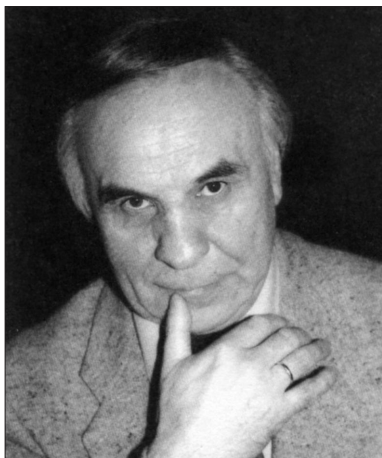
Нам дали главное задание —
Хранить покой родной земли,

Не забывать бывшие беды,
Предвидеть вылазки врага —
Спасибо вам, отцы и деды!
Нам ваша слава дорога.

*Б. Кустодиев. Иллюстрация
к повести А. С. Пушкина «Дубровский». 1919*

История и современность

**Марат
КАЛАНДАРОВ**

В ПРЯТКИ СО СМЕРТЬЮ

Марат Ахмедович Каландаров неоднократно признавался лучшим на международных литературных и журналистских конкурсах. Особое место в его творчестве занимают люди, прошедшие дорогами войны, и вложившие свою лепту в Великую Победу. Из четырнадцати книг писателя, десять посвящены этой теме. Итальянские ученые высоко оценили научно-исследовательскую жилку этого автора, и в год 60-летия Победы присвоили ему высокое звание академика. Вице-президент Европейской Унии культуры и искусства. Президент МАПП. Живет в Риге.

На стене кабинета австрийского предпринимателя Райхеля я увидел большое фото боевого немецкого самолета, рядом с которым стоял молодой лейтенант люфтваффе. Под снимком надпись — «июнь 1943 года». Ганс перехватил мой взгляд и тепло проговорил:

— Это мой отец и легендарный самолет «Гота-145». О нем упоминается во многих военных справочниках и мемуарах крупных военачальников. И не потому, что на этом самолете летал мой отец. Нет. Он летал недолго. История этого небольшого связного самолета очень интересная. В сорок третьем на нем совершили побег двое русских заключенных. Они работали на строительстве взлетно-посадочной полосы аэродрома у Кенигсберга и умудрились угнать самолет...

Мой собеседник сделал паузу, задумчиво посмотрел в окно, как бы собираясь с мыслями. За стеклом раскинулась панорама Вены, разрушенная величественным Дунаем, и трудяга-буксир с высоты многоэтажного дома напоминал божью коровку на зеркальной поверхности реки.

— А прославилась эта машина тем, — продолжал австриец, — что на ней некий советский летчик доставил в 1944 году письмо Сталина командующему группой армий «Норд» генералу Шернеру. Я знаком с содержанием этого письма, с реакцией на него фон Шернера и самого фюрера, но до сих пор не могу установить имя бесстрашного пилота...

Тогда, в Вене, я с интересом слушал рассказ Ганса Райхеля, и где-то в подсознании укрепилась мысль, что при случае следует установить имя этого летчика.

Как-то журналистская судьба привела меня в Центральный музей Вооруженных Сил СССР, и на од-

ном из стендов я увидел знакомый самолет. «В августе 1944 года, — прочитал я под снимком, — советские летчики Н. Вульф и П. Эльвих на немецком самолете «Гота-145» перелетели линию фронта и доставили личное послание Сталина командующему группой армий «Норд». Этот легендарный полет вошел в военную историю, как символ мужества и отваги...»

Я много беседовал с крупными военными историками, прежде чем я узнал о дальнейшей судьбе этих летчиков. Оказалось, что Н. Вульф и П. Эльвих в годы войны служили в латвийском полку ночных бомбардировщиков.

Итак, героев следовало искать в Риге.

Поиск нужного адреса привел меня к старому сероватому дому в Задвинье. Николай Вульф жил в скромной квартире, и соседи по лестничной клетке вряд ли догадывались о его героическом прошлом. И этот понятно: боевой летчик хранил свою тайну многие годы. И вот сейчас Николай Августович грузно шагал по комнате, сцепив за спиной широкие и сильные ладони, говорил взволнованно, а на его морщинистом лице, в серых живых глазах, как на экране, читались страницы военных лет. Я мысленно представлял, как рисковал этот человек тогда, в сорок четвертом, если спустя десятилетия он до мельчайших подробностей помнит тот рискованный полет в логово врага.

Я слушал фронтовика, и передо мной зримо вставали события августа предпоследнего военного года.

Майор Карл Киш лихорадочно перебирал в уме опытных летчиков. Штаб дивизии срочно просил командировать для особо важного задания пилота латыша, знающего немецкий язык и хорошо ориентирующегося в небе Прибалтики. В полку ночных бомбардировщиков, которым командовал Киш, было много достойных ребят, прошедших сквозь горнило войны. Он мысленно оценивал каждого и остановился на Николае Вульфе. Почему? Воздушные трассы Прибалтики знает, как свои пять пальцев. Отважный инструктор, сумевший «укротить» за последние годы несколько типов советских и зарубежных машин. Правда, майору не очень-то хотелось посылать своего заместителя по воздушно-стрелковой службе, но лучшей кандидатуры не найти.

— Вызови ко мне Вульфа! — приказал он дежурному.

В землянку вошел высокий плотный блондин.

— Садись, Коля, и слушай внимательно, — без предисловий начал командир. — Штабу дивизии нужен человек для особого задания в тылу врага. Я решил рекомендовать тебя. Кого из штурманов возьмешь с собой?

— Павла Эльвиха, — не задумываясь, ответил Вульф.

Через двадцать минут они тряслись в стареньком грузовике по изрытой бомбами дороге. Николай пытался мысленно «расшифровать» секретную миссию, о которой даже сам командир латвийского летного полка не знал. Павел Эльвих словно прочитал его мысли и заметил:

— Странно как-то. Может, в гости к самому фюреру решили нас командировать? Чтобы мы с тобой разъяснили ему ситуацию, дескать, война проиграна, и лучше всего вывесить белый флаг...

Штурман шутил, но, оказалось, был близок к истине.

Едва машина остановилась, из бревенчатого домика вышел полковник. Жестом пригласил следовать за ним. Узкая полоса делила ельник надвое.

В тени деревьев виднелся странный самолет с желто-зеленым фюзеляжем и... черными крестами!

— Знакома эта марка? — спросил полковник.

— Видел в небе, — растерянно проговорил Николай. — Кажется, называется «Гота-145»...

— Верно. Сможете взлететь?

— Попробуем, — друзья переглянулись.

— Даю два взлета по тридцать минут для опробования. Больше, к сожалению, не могу.

Николай обошел машину, которая спереди напоминала советский «По-2».

— Ну что, Паша, будем укрощать?

Эльвих натянуто улыбнулся и проговорил:

— Как бы она не лягнула. Ведь не нашенская...

Николай хорошо знал штурмана, в каких только воздушных передрягах не побывали. Павел прекрасно владел немецким и считался в полку лучшим специалистом. Человек смелый, но сейчас в его голосе улавливалась тревога. Да и самому Николаю было не по себе: незнакомый приборный щит зловеще сверкал аспидными делениями приборов с чужой маркировкой, рычаги управления располагались непривычно.

Наконец двигатель ожил и зарокотал, подчиняясь воле пилота. Задвинули фонарь, переглянулись. Павел криво усмехнулся:

— Срубят нас зенитчики, как куропаток. Причем наши же...

— Будем уповать на везение, — хрипло произнес Николай. — С Богом!..

Машина вела себя, как необъезженная лошадка — тряслась, сердито переходила на басовые ноты, злобно чихала, но постепенно пришла в себя и стала послушной.

— Управляется легко, — докладывал Николай, — двигатель добротный, но угол планирования непривычный. Наш «По-2» проще и лучше.

— Считайте, что сдали экзамен, — заключил полковник. — Вылет в восемнадцать ноль-ноль.

— Куда вылет? — решил уточнить Эльвих.

Полковник внимательно ощупал глазами лица пилотов. Взгляд, затуманенный холодной тайной, и одновременно колющий. В нем чувствовалась хмурая тьма и деспотичная энергия. Выдержав паузу, полковник пояснил:

— Вам доверено выполнить приказ самого Иосифа Виссарионовича Сталина и доставить пакет командиру группы армий «Норд».

Он опять ощупал тяжелым взглядом пилотов и продолжал:

Летчик Николай Вульф

— Главная опасность, как это ни парадоксально, таится в нашей зенитной артиллерии. Да и советские истребители будут ваш самолет клевать. О том, что в немецком самолете наши летчики, никто не знает. Совершенно секретная миссия. Конечно, мы могли бы предупредить нашу противовоздушную оборону, но тогда она будет бездействовать на целом участке фронта, что врагу на руку.

— А если нас собьют? — задумчиво произнес Николай.

— Тогда придется добираться до штаба Шернера любыми путями и обязательно доставить пакет. Вам будет легче это сделать, чем другим пилотам. Под ногами — латвийская земля, и ваши сородичи всегда придут на помощь. А если вы наткнетесь на немцев — то их язык знаете и потребуете личного свидания с командующим группой армий «Норд»... Словом, приказ следует выполнить любой ценой. Маршрут полета разработаете сами. Все. Удачи вам!..

Стоял жаркий августовский день. Друзья лежали на траве и обдумывали приказ полковника.

— Нет смысла лететь сразу к линии фронта, — размышлял Павел. — Надо двигаться в тыл. Так мы обманем наших зенитчиков, да и немцев. Разгадай они ребус — нам крышка!

— Согласен. Полетим на минимальной высоте, чтобы локаторы не засекли. И зенитчики не смогут вести прицельный огонь под таким углом.

— Зато любой пехотинец срежет нас из автомата, — усмехнулся Эльвих и добавил: — Впрочем, выбора нет. Нас может спасти лишь неожиданность. Будем проплывать над верхушками деревьев. Появимся внезапно для врага, а пока внизу сообразят что к чему, скроемся.

Под крылом запестрела лесная чаща. Вдруг она неожиданно оборвалась, и внизу выросла советская зенитная батарея. Она была далеко от линии фронта, поэтому солдаты купались, загорали, полоскали обмундирование. Увидев «врага», как и предположили летчики, они на миг растерялись. Но быстро пришли в себя, бросились к орудиям и стали разворачивать стволы в сторону неприятеля. Что делать? Впереди раскинул широкую крону дуб. Едва Николай бросил машину за дерево, снаряд пропорол верхушку... Летчик рванул штурвал на себя и взмыл вверх. Но в эту секунду необузданная сила развернула машину — снаряд разорвался в нескольких метрах...

— Высоту теряешь! — услышал он голос Павла.

Николай и сам понимал это, но рука, словно чужая, не подчинялась ему.

— Колька! — хрипел штурман. — Что с тобой, брат!

Шок прошел. Но уже потом Николай понял, что секунды оцепенения помогли ему. Получилась неожиданная, нелогичная петля, которую и зенитчики не смогли предвидеть. Он обернулся. Лицо Павла белое, как бумага, губы слиплись бескровной полоской. Николай чувствовал, как резинки ларингофона давят шею, а в кабине духота невыносимая. В висках стучит, и горячий пот заливает брови.

— Пока везет, Павлуша! — бросил он дрожащим голосом по внутреннему переговорному устройству.

— Охота лишь начинается, — пробубнил Эльвих.

Линию фронта пересекли под градом пуль и снарядов. В тылу врага стало легче: как-никак «свой» самолет. Павел успевал наносить на карту

базы с горючим, оружейные позиции, спрятавшиеся в тени деревьев танковые колонны. О некоторых позициях в нашем штабе не знали, поэтому штурман тщательно фиксировал дислокацию частей вермахта, которые явно готовились к наступлению.

Каждая минута полета вытягивалась в вечность. Когда Николай увидел море, радоваться не было сил. А ведь так мечтал пролететь над балтийскими волнами!

— Слева Петрупе! — доложил штурман.

Здесь располагалось здание штаба. У входа спокойно беседовали немецкие офицеры, не обращая внимание на свой связной самолет. Пакет упал прямо у их ног. Офицер прочитал на конверте «лично командующему» и торопливо направился в штаб. Но на этом миссия летчиков не заканчивалась. В запасе было еще два пакета, которые следовало доставить к штабам в Малпилсе и Пабажи, где располагались центры группировок армии.

Обратный путь осложнялся тем, что фон Шернер, прочитав донесение, поднимал в воздух истребители. Он гневно разносил своих пилотов, проморгавших дерзких посланцев. Но Николай перехитрил их и здесь. Он направился в глубокий тыл и дождался ночи...

— Разве перечислишь все опасности, которые нас подстерегали? — устало заканчивал рассказ Николай Августович. — Я вел машину в каком-то отупении и уже не обращал внимания на взрывы. Маневры в воздухе проделывались автоматически, интуитивно. Только у штаба своей дивизии мы впервые раскрылись сигнальными огнями...

Недавно я опять побывал в Вене у старого знакомого Ганса Райхеля.

Он внимательно слушал мой рассказ, что-то помечая в блокноте.

— Николай Вульф совершил 184 боевых вылета, — продолжал я, — потом контузия, пришлось распрощаться с авиацией. Многие годы он проработал в министерстве лесного хозяйства Латвии, заведующим охотничьим отделом.

— А Павел Эльвих? Как сложилась его судьба?

— Павел демобилизовался, закончил вуз, занялся научной работой. Написал несколько книг по истории. Самолет, — я кивнул на фото, — на котором они совершили бесстрашный рейс, побывал в Москве на выставке трофейной техники. А вот как выглядит летчик, заменивший в самолете твоего отца.

Я протянул фото Николая Вульфа. Австриец долго разглядывал снимок.

Незаметно подкралась темнота. Ночная Вена искрилась ажурными мостами и вальсировала мириадами огней. Мы молча смотрели в окно. Ганс повернулся к фотографии и тихо проговорил:

— Все, кто летали на этом самолете, включая моего отца, играли в прятки со смертью...

— Мне удалось разыскать и тех двух военнопленных, — заметил я, когда мы прощались у дверей, — которые угнали самолет твоего отца. Но об этом я расскажу в следующий раз...

ПРОЗА

Игорь СМЕРНОВ

УРОКИ ЗАКОНА БОЖИЯ

Игорь Павлович Смирнов — родился в 1937 году в Ленинграде. Окончил военное училище и радиотехническую академию. Служил в войсках ПВО, преподавал в военных вузах, работал в военных и гражданских научных организациях. Полковник, академик Петровской академии наук и искусств, доцент, член СП России. Автор одиннадцати книг прозы и публицистики и многих публикаций в военных и патриотических изданиях. **Живет в Пушкине.**

Бабушкины уроки Закона Божия в продуваемом, промокаемом и промерзаемом насквозь челябинском бараке военного времени особо остро врезались в мою тогда еще младенческую память. Примитивное строение, служившее временным жильем во время Великой Отечественной войны очень многим людям, заслужило того, чтобы сказать о нем несколько слов.

Барак — это одноэтажное, длинное, приземистое шлакоблочное либо бревенчатое сооружение, более напоминающее сарай или склад с множеством окон, нежели жилое помещение; с коридором посередине и множеством маленьких комнатук по обе его стороны. Они строились наспех, чтобы хоть как-то укрыть от непогоды эвакуированные из родных мест семьи рабочих военных заводов, возведенных на востоке страны в кратчайшие сроки, либо перемещенных сюда из европейской части СССР, оккупированной немцами. В каждой комнате — плита для обогрева и приготовления пищи, деревянные топчаны на козлах — постели, грубо сколоченные столы, скамьи. Многоместный дощатый туалет и ручная колонка для набора воды — во дворе. Впрочем, для неотложных нужд детей в углу каждой комнаты непременно имелось ведро, закрытое крышкой. Думается, что через подобные бараки и землянки во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. прошли миллионы советских людей! Пришлось прикоснуться к ним в детстве и мне.

Стояла уральская ветреная, холодная и голодная зима 1943–1944 года.

Закончив свои неотложные дела, а, возможно, просто устав от них, либо, считая воспитание внуков в духе высокой христианской морали особо важной своей задачей (кто

знает, спросить теперь ее об этом не представляется возможным); бабушка, как курица цыплят, собирает нас — троих своих маленьких внуков на топчане с тощим одеялом поверх соломенного матраса; укрывает стареньким зимним ленинградским пальто, от которого так приятно пахнет ее бесконечной добротой, мягкостью, нежностью и чем-то еще, почти забытым, счастливым, довоенным; надевает на нос очки с веревочкой вместо одной дужки, раскрывает сильно потрепанную книжку и читает.

За окном завывает ветер, шипит и гудит уголь в топке плиты, что-то булькает в кастрюлях, из коридора и из-за тонких боковых стен явственно слышны шум детских игр, плач и голоса, но она умеет, хоть и не надолго, сосредоточить наше детское внимание.

— Кто есть Бог? — торжественно и значимо произносит бабушка. И отвечает:

— Бог есть Дух вечный, всеблагий, всеведущий, всеправедный, всемогущий, вездесущий, вседовольный, всеблаженный. Он сотворил все видимое и невидимое, все содержит в своей власти и всем управляет.

— Значит он самый главный? Главнее самого Сталина? — спрашиваю я. — Почему же он тогда не прогонит проклятых фашистов из Ленинграда?

Бабушка на некоторое время задумывается, а затем продолжает, не обращая внимания на мою реплику:

— Почему Бог называется Духом? Потому что Он не имеет тела и его нельзя видеть!

— Значит, у Него нет, ни глаз, ни ушей, ни рук, ни ног, — опять прерываю я.

— Ему не нужны глаза, Он все видит и без них. Он даже видит, например, что ты не хочешь учиться и балуешься. И может наказать тебя за это!

Я с тревогой осматриваюсь: откуда может последовать наказание, но ничего угрожающего не замечаю, а она продолжает:

— Почему Бог называется Духом вечным? Потому что Он всегда был, есть и будет!

— И Он никогда не умрет?

— Никогда! — твердо отвечает бабушка.

— Бог называется всеблагим потому, что Он щедр и милостив и всегда готов дать нам всякое благо и заботиться о нас, как о своих детях.

— А как он позаботился о нас? — спрашиваю опять я.

— Все что ты видишь здесь, все от Бога! Все это Он дал нам! — И она показывает вокруг на невзрачную, грубую, самодельную мебель, нищенские постели, изношенную одежду, мятые кастрюли на плите, кучку угля рядом.

У меня возникает сомнение. Я не видел, чтобы все это давал нам кто-то посторонний, но я верю своей всезнающей и мудрой бабушке.

— Слово «вездесущий», — продолжает она, — означает всезнающий. Бог называется так потому, что Он знает все о том, что было, что есть и что будет. Он знает все не только то, о чем мы говорим, но и о чем мы думаем!

Бабушка долго на множестве примеров объясняет, что даже за наши греховные, неугодные Богу, злые мысли Он может наказать; что и в мыслях человек должен быть правдив, честен и добр.

Кокочка во время урока что-то говорит сам с собой на только ему понятном языке — ему всего один год — и забавляется своей соской. Левочка

ка крутит ангельской, кудрявой, абсолютно белой, похожей на одуванчик головкой и все норовит высвободиться из под пальто и слезть на пол. Ему около четырех лет и терпение его уже иссякло. Вопросов он не задает — ему, по-видимому, ничего не понятно. Я самый старший. Мне около семи лет и смысл урока, да и то только отчасти, доходит до одного меня, но бабушка пока удовлетворена и этим.

Наконец, урок окончен, и мы обретаем такую желанную свободу! Я тотчас бегу в коридор, где толпа ребятишек играет в пятнашки, и присоединяюсь к ним. Левочка, наконец, слезает на пол. Он пытается бежать за мной, но бабушка уже в дверях ловит его за рубашонку — там можно простудиться. Кокочка невозмутимо продолжает свое бормотание и игру с соской.

На тех очень давних уроках, как интересную сказку, слушал я историю сотворения мира. В то время мне не нужно было никаких доказательств, не возникало никаких сомнений. Это, видимо, и была истинная вера!

— Сначала, — читает свою книжку бабушка, — кроме Бога ничего не было. Потом Он из ничего, одним своим Словом, сотворил и небо, и землю, и все видимое и невидимое.

— А что такое «невидимое», — спрашиваю я.

— Невидимы, например, ангелы. Это бестелесные духи. Они служат Богу вестниками для передачи людям своих указаний. Их могут увидеть только святые, безгрешные люди. Но один из ангелов перестал подчиняться Богу и стал злым духом, дьяволом.

Бабушка, боясь накликать беду, никогда не употребляла слово «черт», заменяя его в разговоре синонимами: «чек», «лукавый», «рогатый».

— А ангелов много?

— Много! У каждого человека есть свой ангел — хранитель. Он учит человека всему хорошему и охраняет от всякого зла.

Первая моя молитва, которую выучил я тогда по настоянию бабушки, была обращена к ангелу-хранителю: «Ангел-хранитель, спаси, сохрани и помилуй младенца Владимира!»

— Эту молитву в течение дня можно повторять многократно, но обязательно ее нужно читать на ночь, — поучала моя наставница. — Ночью с человеком случается большинство неприятностей. В это время чек под покровом темноты творит свое зло.

На бабушкиных уроках я впервые услышал историю грехопадения, историю Каина и Авеля, Всемирного потопа, Вавилонской башни. Рассказывая обо всем этом, бабушка воспитывала во мне правильное понимание Добра и Зла, учила различать: «что такое хорошо и что такое плохо». Прошло много лет, но мое отношение к Добру и Злу не изменилось. Мораль, заложенная в человека в самом раннем детстве, трудно поддается влиянию времени и обстоятельств. Моя бабушка не была высокообразованным человеком, но она успешно передала своим детям и внукам традиционный опыт воспитания детей в русских православных семьях. Да не забудет Господь ее доброго дела!

— Что необходимо человеку для того, чтобы угодить Богу и получить вечное спасение, — спрашивала бабушка и отвечала: вера, молитва и богоугодная жизнь.

Символ веры на церковнославянском языке давался мне очень трудно. Но бабушка умела излагать его доступно моему детскому разуму, и через

некоторое время я научился рассказывать его своими словами. Так в бабушкиной трактовке я и запомнил его на всю жизнь.

Особо частой темой наших уроков была молитва.

— Что еще кроме искренней веры нужно человеку, чтобы угодить Богу и получить вечное спасение? — вопрошала моя духовная наставница и отвечала членораздельно, твердо и внятно: молитва и добрая богоугодная жизнь! А затем продолжала:

— Молитва есть благоговейное обращение ума и сердца нашего к Богу, Которого мы при этом просим о чем-либо, благодарим или прославляем. Кроме Самого Господа молиться можно ангелам и святым угодникам. Молиться нужно всегда и везде, но лучше всего в храме.

Храмов вблизи нашего поселка не было, а дальние мы посещали очень редко. Время было военное, не было подходящей одежды и обуви!

— При молитвенном обращении к Богу кроме слов употребляются еще и крестное знамение, поклоны и коленопреклонения, — учила бабушка и показывала: как складываются в щепоть пальцы правой руки, какова последовательность крещения и как следует кланяться. Глядя на бабушку, мы с Левочкой повторяли ее движения. Это было несложно, и мы быстро усвоили урок.

Значительно сложнее было запоминание молитв, произносимых на непонятном нам языке. Начинала бабушка с самого простого.

— Чтобы привлечь на помощь в любом начинаемом тобой хорошем деле Бога, прочитай молитву Пресвятой Троице: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь».

— И перед едой, и перед игрой, и перед прогулкой тоже? — спрашивает маленький Левочка.

— Непременно! — подтверждает бабушка. Господь поможет тебе удовлетворяться малым! «Вот хорошо! — думаю я. Часто, вставая из-за стола, я не чувствую насыщения. — Теперь обязательно буду молиться Пресвятой Троице!»

— Хотя Бог и един, но Он троичен в лицах: Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой, — пытается толковать нам эту молитву наша учительница. Но, видя на наших лицах полное недоумение, оставляет эти попытки.

— Потом когда-нибудь поймете! — говорит она. — Главное выучить молитву и почаще повторять ее. Господь поможет и вразумит! Славить и благодарить Господа нужно не только в случае, если ты добился успеха в деле, но даже, если не получил всего чего хотелось, нужно тоже отдать хвалу Господу — без Его помощи ты не достиг бы и этого! Неблагодарность вообще — самое отвратительное качество человека! Тем паче, неблагодарность Богу!

— Почаще молитесь: «Слава тебе, Господи, слава тебе!», осеняя себя крестным знамением, Он услышит и поможет!

Постепенно, многократно повторяя пройденное, за зиму я освоил основные молитвы: Пресвятой Троице, Иисусу Христу, Святому Духу, Пресвятой Богородице, Молитву Господню. Последнюю мы учили особенно усердно и долго, читая наизусть бесчисленное число раз и своими словами пересказывая ее смысл, и она лучше других впечаталась в мою память.

Конечно, не обходилось и без курьезов. Сложные, непонятные слова молитв мы с Левочкой частенько коверкали до неузнаваемости. При этом

некоторое время бабушка спокойно и терпеливо учила нас произносить их правильно, когда же терпение ее кончалось, она стучала костяшкой согнутого указательного пальца правой руки нерадивому и бестолковому ученику по лбу со словами: «Господи, вразуми грешного младенца, а мне, будь так милостив, дай долготерпения!»

Хорошо помню один случай. Изучали мы песнопение к празднику Пасхи. Дело было уже к весне.

Бабушка нараспев произносит: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!»

Смысл этой фразы не очевиден для многих взрослых людей, а что уж говорить о маленьких детях! Как можно отдать кому-либо часть своего тела — живот, никак не доходит до Левочки. Что означает «даровать» ему тоже не понятно. Бабушка уже с десятков раз повторила молитву, а он упорно вместо слова «даровать» произносит слово «дрова»! Бабушка и уговаривает его, и пугает Божьим наказанием, и стучит по лбу — все безрезультатно, Левочка неумолим! Он упорно стоит на своем: дрова и все! Урок заканчивается горькой обидой учительницы на нерадивого ученика и не менее горькими слезами Левочки. В конце концов, плачут оба!

Мы не раз, уже став взрослыми, вспоминали этот случай вместе с бабушкой, восхищаясь ее долготерпением и трудом, который она вложила в наше воспитание. Мы и сейчас с моими братьями до слез смеемся, вспоминая эти злосчастные «дрова».

— Как угодно Богу, чтобы жил человек? — спрашивала на своих уроках моя бабушка, — и отвечала: по Его Заповедям!

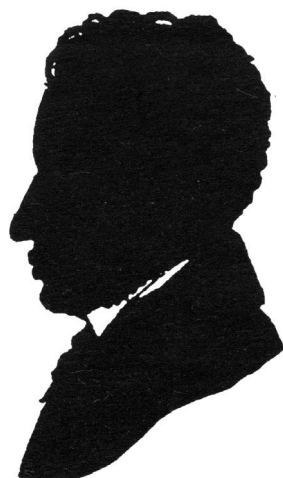
С той военной зимы 1943–1944 года прошло шестьдесят лет. Прошла целая жизнь: яркая, интересная, полная самых неординарных событий. Но бабушкины уроки Закона Божия даже на их фоне остались необычайно памятными, значимыми, впечатляющими!

Помяни, Господи, усопшую рабу Твою Марию, прости ей все ее согрешения вольные или невольные и даруй ей Царствие Небесное!

РУССКИЙ СИЛУЭТ

*Ф. Сидо. Денис Иванович
Фонвизин. 1782–1783*

*Э. Ф. Голлербах. А. С. Пушкин.
По посмертной маске
и др. материалам*

ПОЭЗИЯ

**Елена
ПИЕТИЛЯЙНЕН**

**«ПЕРЕД
РАСПАХНУТЫМ
НЕБОМ...»**

Елена Пиетилияйнен. Окончила историко-филологический факультет Петрозаводского государственного университета. Обладательница приза симпатий российской прессы. Лауреат премии Президента Российской Федерации в области образования и науки (1996). Кандидат педагогических наук. В 2000 году была принята в Союз писателей России.

Автор многих поэтических книг. В январе 2008 года была избрана председателем Карельского регионального отделения Союза писателей России, затем, секретарем Правления СП России.

В настоящее время является главным редактором журнала «Север». Живет в Петрозаводске.

* * *

Россия — мать столиц, провинций.
Москва — как хлеб — ее глава.
Живут в провинциях провидцы.
Там зреют вещие слова.
И, словно в зернышке проросшем,
Глядишь, проклонется талант.
Нальется силою хорошей
Рожденный заново атлант.
И он удержит это небо!
Не рухнет мир! В своих руках
Как мячик круглую планету
Он искупает в облаках —
Омоет светлою водицей,
Обсушит солнечным теплом...
И будет в каждой из провинций
Вновь ждать кого-то отчий дом...

* * *

Зазвенело, закружило...
Белый ливень бьется в стекла.
Занавесить поспешила
Мир зима завесой блеклой.
Сонно охнут половицы.
На цветах листы оправлю.
Заглушу часы. Не спится.
На окне ледок расплавлю —
Засмотрюсь, прильну глазами.
До забвенья буду слушать
Перезвон зимы. Сквозь замаять
Бубенцы все тише, глуше.
Под руками хрустнут рамы —
Сердце вынесу на стужу.
Далеко до солнца. Рано
Ждать тепла. Звенит и кружит.
Я покой не в силах бросить —
За окном лишь ночь и смута.
Там охрипший ветер просит
Утешенья и приюта.

* * *

Не сердчай на Судьбу
И Творца не гневи.
А удача твоя
Пусть свернется у ног,
Словно пес в ожидании
ответной любви.

* * *

Как лавровый, носи
свой цветочный венок.
И пусть радуется жизнь
Каждым часом и днем!
Сладкой тайной пленяет
ночная звезда.

И военный корабль,
вверх повернутый дном,
Не боится уже
Никуда опоздать...

* * *

Я смерти не боюсь.
Ведь нет ее,
Пока горит негаснущее слово,
И сердце балансирует мое
На хрупкой грани доброго
и злого,
Я не погибну даже, и когда
Сквозь слой событий просочится
старость,
Меня задушит липкая усталость,
А не инфаркт, морщины и года,

И станет речь бездарна и суха,
Утрата слов —
как жизнь — невосполнима.
И не извлечу мне колдовства стиха.
Из загнанной души своей
ранимой.
И вот тогда я знаю, что умру.
Хоть будет биться жадное сознание.
Но кто же я? Былинка на ветру,
Чужое откровение и признание.

* * *

Я свое еще навестаю!
Даже если остались песчинки
В беспристрастных часах. И стаи
Птиц на юг собираются чинно —
Я успею еще согреться!
Хоть и солнышко не в зените,
Но стучит во Вселенную сердце,
И душа бредет по наитию

В лабиринтах историй, судеб,
Заблудиться уже не рискуя.
И теперь никого не судит,
О потерянном не тоскуя.
Еще в солнечной
теплой купели
Не остыла дождя водица!
...Хорошо, что мы просто успели
На Земле этой в срок родиться...

ВЧЕРАШНИЙ ДЕНЬ

Вчерашний день —
что в нем такого?
Ему не скажешь:
«Возвратись!»
Как пленник,
он в закат закован.
И не рвануться, не спастись.
Вчерашний день —
как лист опавший,
Чуть не доживший
до утра.

Не удививший,
не предавший,
Без опасений, без утрат.
Вчерашний день —
один из многих —
Протек сквозь пальцы, как вода.
Без вдохновения, без тревоги.
И ни зарубки, ни следа.
Вчерашний день весна лихая
С беспечной сбросила руки.
Я вдруг увидела: вздыхая,
Бредут, согнувшись, старики...

* * *

Терпкий листик от райского дерева,
Не подвластного мертвой зиме,
Ты скитаешься, Богом потерянный,
По измученной пыльной земле.
Ты свидетель чужой, неприкаянный.
Сильный спутник твой — ветра порыв.
Люди плачут в жилищах каменных,
На ночь наглухо двери закрыв.
Как хранитель благополучия,
Вдруг в проеме оконных рам
Погрозит тебе строгим лучиком
Голубой говорящий экран.
И тебе никогда не отважиться
Приоткрыть тот покой тиши...
То, что видимо, — только кажется
Сердцевиной живой души.

* * *

Мою душу, Господь, не рви...
Бумерангом вернулись поступки,
Ледяные слова нелюбви,
Несогласия и неуступки.

Это кара впивается в плоть
Равнодушьем колючим и гневом.
Это жизни нас учит Господь
На земле —
Пред распахнутым небом...

РУССКИЙ СИЛУЭТ

*Е. Бем. Иллюстрация к рассказу
И. С. Тургенева «Бежин луг». 1883*

ПОЭЗИЯ

**Галина
КОЛЕСНИКОВА**

«И НОВЫЕ ВОСХОДЯТ ИМЕНА...»

Галина Дмитриевна Колесникова — родилась в селе Мормыши Романовского района Алтайского края. Окончила Барнаульское культурно-просветительское училище. Публикуется в краевой и центральной периодике с 1980 года. Автор девяти поэтических книг. Лауреат краевых литературных премий: имени Виталия Бианки (2001), «Лучшая книга года» (2004), «Золотая Нива Алтая» (2006).

С ноября 2004 года возглавляет Алтайскую краевую писательскую организацию. В 2005 году выбрана писательским съездом в г. Москве секретарем Правления Союза писателей России. **Живет в городе Барнаул Алтайского края.**

* * *

Безрассудно, безоглядно
За строкой — строка,
Шла судьба моя нескладно,
На подъем легка.
Шла, людей не сторонилась,
Шла сквозь свет и мглу.
Не надеялась на милость,
Не сдаваясь злу.
...По оставленному следу
Разлилась вода...
Сквозь печали и сквозь беды —
Проросли года...

* * *

Направо, налево ли? Впрочем,
иного и нету пути:
из лета — в летучую осень,
из осени в зиму войти...
Так входят в студеную Лету
и в реку с моста головой,
зажав в кулаке, как монету
мир маленький, горький, живой.

* * *

«Мыла Марусенька белые ноги...», —
Видно, не скатертью были дороги...
Сколько ж таких безответных Марусь
В землях твоих, бессердечная Русь?
Тех, чья судьба —

лишь нужда да тревоги...
«Мыла Марусенька белые ноги...»

* * *

Куда идти за мертвою водою?
И за живой водой идти куда?
Все, что сегодня мы зовем бедою, —
Действительно ли общая беда?
Одни вопросы. Сквозь дожди и слезы
Куда идти, любимая страна?
И за живой водой, наверно, поздно.
И мертвая вся выпита до дна.

* * *

Тяжел удел — не пропасть, так стена.
А души — не в разладе, так в разлуке...
И новые восходят имена
На новые немыслимые муки.

* * *

Ну нет — и нет! К чему переживать?
Зачем звонить в колокола и склянки?
Я научилась тщательно скрывать
Боль женщины и злую боль гражданки.

Ну нет — и нет. Такие времена.
Как говорится, «не было подлее».
Опять не попадаю в стремя
И становлюсь отчаянней и злее.

Ну нет — и нет! Ну что мне до времен,
Где ни любви, ни сраму не имеют?..
Ну нет — и нет. Полотнища знамен
Белеют, голубеют и краснеют...

* * *

Каркают воробьи,
Воробьи вещают.
Мир такой огромный —
Сердце не вмещает.
Разум не осилит
Всех земных загадок —

Вроде мед мы пили...
Почему не сладок?
В синем небе звоны
Что нам обещают?
Каркают воробьи,
Воробьи вещают.

* * *

Вот и снова догорает лето
в топке ярко-рыжего куста.
Чем жилось, о чем
мечталось, — где ты?

Все не то. И я уже не та.
Но зачем недолгое о вечном
говорит и плачет, и поет?
Но зачем меня в студёный вечер
этот куст пылающий зовет?

* * *

Сужу себя, казнию нещадно
За то, что большего хочу,
За то, что так живу нескладно
И так, сквозь слезы, хохочу.

Но... впереди такая небыль,
Такой простор, такой восторг!
И Тот, Кто там — за этим небом,
Навстречу руки мне простер.

**Валентина
ЕФИМОВСКАЯ**

**УШЕДШИЕ
«К ЖИЗНИ
РОДНОЙ...»**

*О новой повести Николая
Дорошенко «Ушедшие»*

Валентина Валентиновна Ефимовская — поэт, критик, публицист, автор трех поэтических сборников. Работала на радио, создала цикл передач, посвященных поэтам, деятелям культуры, образам пригородов Петербурга, историческому прошлому страны, автор сценариев для программ Ленинградского телевидения.

Критические статьи печатались в журналах «Москва», «Воин России», в Библиографическом словаре «Русские писатели» (изд. Пушкинским Домом в 2006 г.), большой цикл статей публиковался в газете «Российский писатель». Член Союза писателей России с 1999 года. **Живет в Санкт-Петербурге.**

*...Не полюбивши России, не по-
любить вам своих братьев, а
не полюбивши своих братьев,
не возгореться вам любовью к
Богу, а не возгоревшись любо-
вью к Богу, не спастись вам...*

Н. В. Гоголь

В век компьютерных и нанотехнологий, в век роботов и мутантов, любое литературное произведение о жизни человеческой как таковой вызывает немалый читательский интерес, тем более, если это произведение позволяет увидеть в сложном творческом свете привычные факты и события иначе. Новая повесть Николая Дорошенко «Ушедшие» не просто обращает на себя внимание, она захватывает и заставляет рассуждать, чувствовать и переживать. Замысел полнее раскрывается при внимательном, лучше неоднократном, прочтении не только глазами, но и душой, и сердцем.

«...Овцы слушаются голоса Его, и Он зовет Своих овец по имени и выводит их. И когда выведет Своих овец, идет перед ними; а овцы за Ним идут, потому что знают голос Его. За чужим же не идут, но бегут от него, потому что не знают чужого голоса» (Ин. 10, 3–5). Это библейская истина, в которой образно говорится о фундаментальной основе нашего бытия, зависящего от умения человека слышать голос Господа, от отношения людей к Богу и миру, кажется и есть тот ключик, с помощью которого в первом приближении можно открыть базовый смысл новой повести Николая Дорошенко. Обладающее напря-

женной интригой, не перегруженное сюжетно, новое произведение имеет сложную ортодоксально-смысловую, иерархическую структуру, естественно заключенную в легкую современную форму. Эта форма, подобная тонкой, подвижной, переливчатой бытийной оболочке, трансформируется усилиями всех героев повести, живущих и взаимодействующих в течение роковых суток накануне нового на Руси «смутного времени».

Достоверность и гармоничность повествования определяется не только художественным мастерством автора, особым его духовно-историческим зрением, но, вероятно, еще и тем, что все мы хорошо помним эти недавние трагические времена, которые, казалось, должны были стать последними для России, и биением своего сердца вживаемся в сюжет, дополняя его собственными памятными переживаниями и эмоциями. Трудно оценить историческое значение события в расплывчатой непосредственной близости к нему, а со значительным временным отстоянием меркнут многие существенные подробности, наслаиваются подтасованные факты. Николай Дорошенко выбрал, кажется, оптимальный срок для своего художественного исследования рокового исторического события. Пятнадцать лет прошло с очередного переворота в России, ознаменовавшегося расстрелом избранного народом Парламента. Кажется, многое мы знаем из телеверсий о кровавых событиях осени 93-го: как зловеще возвышались и метко стреляли в русских русские же пушки, как горело правительственное здание, как потом одних чествовали или торжественно хоронили, а других бросали в тюрьмы или в безымянные братские могилы... Что мы знаем о них? Что мы знаем о тех, кто не оказался в числе победителей? Что мы знаем о простых москвичах, переживших эти страшные дни? Одно — все они граждане России, все они любили ее и до боли сердца, до невозможности хотели ей лучшей доли. Наверное, именно болью, любовью и жертвенным преодолением этой невозможности была опять спасена наша Родина. О сути и направлении этого преодоления говорится в первом же предложении повести: «Всегда остается ощущение обмана, если, рассказывая о жизни такой, какая она есть, мы не вспоминаем также и о людях, которые устремляются к жизни родной».

Известно, что Николай Дорошенко умеет рассказать о жизни такой, какая она есть. Чего стоит его повесть «Прохожий», в которой деревенские наши современники выписаны с таким художественным мастерством, с такой психологической техникой, что их живые сочные образы достойны живописного воплощения. Повесть «Ушедшие» создана в иной, минорной мелодической гамме, иными, более легкими, прозрачными красками. Но созвучные, близкие по сути названия этих несхожих произведений наводят на мысль о видении автором единого базиса или ядра, той самой «жизни родной», к которой и вокруг которой движется «жизнь такая, какая она есть» и все твор-

чество писателя. В обоих названиях, а, как известно, в названии произведения заключена в сжатом виде главная мысль, говорится о движении, очевидно, — в смысле приближения, преодоления, выражающих общее стремление всякой жизнедеятельности к полноте бытия, к его возрастанию в целостности. В связи с этим, кажется, что в повести «Ушедшие» понятие движения, раскрывающееся не только физическим его представлением, но и в духовно-нравственном смысле, имеет богословский контекст.

Так говорит протоиерей Александр Геронимус о значении кенезиса в процессе тварного бытия, впервые определенном Максимом Исповедником: «Преподобный Максим Исповедник утверждает, что движение не есть феномен низшего порядка, как в платоническом видении, но заложено Творцом в творение как его существенная сторона. Однако, движение творения по преп. Максиму, есть его движение по отношению к Богу. Цель и конец движения уже пребывают в нем. На уровне воплощения творение не пребывает в Боге от вечности, оно имеет начало и конец и движется во времени и пребывает в пространстве»¹. Герои повести, пребывая в пространстве своего любимого города, своей великой Родины, тоже движутся во времени. Именно «существенную сторону» этого движения исследует в своей новой повести автор.

Действие, вернее движение, повести разворачивается, условно говоря, в некоем тяготеющем к устойчивому монополю нестабильном диполе, то есть между двух полюсов-зарядов, потенциал каждого из которых находится под воздействием внешних разнонаправленных сил. Первый полюс — это памятник Гоголю, стоящий во дворике на Суворовском бульваре, второй — вблизи «белого дома» (написание в транскрипции автора). Причем, эти два полюса-центра, кажущиеся конструктивно подобными, по вертикальной координате являются знакообратными. В первом случае духовной доминантой является скульптурный образ великого русского писателя, запечатленного в конце жизни «в горней печали». Под ним барельеф, насквозь опоясывающий гранитный постамент, где «гоголевские герои были изображены именно в том виде, в каком они, кто картинно отставив ногу, кто вскинув руку, кто так, а кто и эдак, подчинялись только своему слепому азарту жизни. Всем этим пузастеньким и безпузым людям не было дела до той горней печали, в которой их автор однажды сгорел, как на медленном огне». Во втором же, наоборот, доминирует беспечальный «слепой азарт жизни» — пушка, стреляющие по живым людям. А под этой доминантой, олицетворяющей зло, темную сторону существования, множество людей, среди которых немало тех, кто знает о «горней печали» не понаслышке, кто не потерял совесть,

¹ Геронимус А., прот. Православное богословие и пути фундаментальной науки // Рождественские чтения. Сб. докладов. М., 2003, С. 220.

человеческое достоинство, кто живет не «со смертельной скукой», а может обличительно, громко и бесстрашно, как безымянный старик, сказать: «Стреляют, потому что Бога не боятся!»

Вокруг и между полюсами протекает, на первый взгляд, достаточно хаотично, кажется, случайно, жизнь героев повести, на самом деле связанных друг с другом кровными, добрыми связями любви. Действительно, это повесть о любви. Здесь все любят: Родину, родных, друзей, соотечественников, даже врагов, и пытаются друг друга поддержать и спасти в роковой час, не жалея собственной жизни. Каждый персонаж, обладающий индивидуальностью, и портретной, и речевой, достоин отдельного рассмотрения. Тем более, что при минимуме художественно-выразительных средств, определяющемся законами небольшого по размеру жанра повести, писатель находит емкие метафорические определения, создающие достоверный портрет, в котором отводится место и для читательской фантазии. Например, достаточно вложить в женские уста характеристику одного из главных действующих лиц Рената Маратовича: «Он такой хороший... Таких, наверное, уже не бывает...», подчеркнуть бытовые подробности и переживания его существования в определениях с уменьшительно-ласкательными суффиксами — «фотографийка», «с тихенькой, но вполне ясной благодарностью», заметить «он давно привык спасаться в чтении» и добавить «а набравши вот так, уже в полную грудь, прохладного воздуха, он и свои узковатые плечи распрямил до крайней возможности», чтобы сложился убедительный образ умного, нравственно смелого маленького человека, «кропотливо охраняющего свое человеческое достоинство пешехода», совершившего в судный день ценной собственной жизни подвиг выбора любви и «жизни родной».

Совершение подвига, нравственное движение-восхождение происходит, кажется, незаметно, неярко, не по умыслу, а потому, что так надо и иначе нельзя. Не должен был Ренат Маратович, преподаватель вуза, а по совместительству дворник, подметающий по ночам территорию «вокруг Гоголя», ввязываться в приключение по спасению своего студента Евгения, которого случайно встретил в страшную ночь переворота сидящим в тревожном ожидании на фанерном ящике у подножия памятника. Но Ренат Маратович, чувствуя глущую ответственность за судьбу ближнего и видя подозрительность ситуации, смело берет на себя роль защитника молодого человека, которого, как потом выясняется, пытается тут же спасти другая добрая сила. В этом параллельном стремлении родственных сил, приведшем к недоразумениям, к пересечению и переплетению судеб, и состоит сюжетная коллизия повести, развивающейся в основном в плоскости «жизни такой, какая она есть».

Понятно, что в истории, происходящей «вокруг Гоголя» не может быть все просто. Великий русский печальник, мистик и критик как будто своею рукой вносит мазки в художественное полотно про-

изведения. Гоголевские интонации и обороты речи нередко слышатся по ходу повествования, особенно когда говорится о Ренате Маратовиче, добром, умном, одиноком, несчастном маленьком человеке, не переведшемся в России с гоголевских времен. «Чай пил в раздумье над хоть и пустым, но все-таки неприятным сновидением. А затем, не громыхнувши дверь, не звякнувши ключом, как призрак, при любых обстоятельствах обреченный лишь на собственную никому неведомую жизнь, он вышел из дома. Впрочем, на улице все было более чем привычным: клочковатые силуэты ночных деревьев; пузырящийся в неверном свете фонарей, как под увеличительным стеклом, асфальт; мрачные, словно задущенные собственной тяжестью дома...» В повести появляется даже, на первый взгляд, совсем мистическая личность — невеста откуда появляющийся, быстрый, взволнованный человек в белом развивающемся, словно крылатом плаще, напоминающий доброго Ангела-Хранителя. Он пытается спасти от участия в противостоянии возле «белого дома» студента Евгения по просьбе любящей молодого человека девушки Прасковьи. Но никому не дано повлиять на свободный выбор, данный человеку Господом.

Никто не смог остановить Евгения, который упорно шел к «жизни родной», то есть туда, где решалась судьба его Родины, где происходила схватка сил жизни и смерти, где, выбрав сторону жизни, можно было «за други» положить свою. Он шел к «белому дому», как на свое поле Куликово — в полный рост, вооруженный врожденным или, точнее, родным, то есть полученным от рода русского, понятием совести и чести да справедливо негодующим сердцем. Он надеялся остановить танки, стреляющие в безоружных соотечественников, словами убедить шлемоголовых омовцев с автоматами и дубинками, что перед ними не враги, а братья и сестры. На этом пути вместе со своей возлюбленной Прасковьей он был застигнут и унесен неумолимой объективной стихией, очередным девятым валом истории, как некогда одноименные пушкинские герои. Писатель мог бы не подсказывать читателю эту параллель с классическим сюжетом, так как она явно определяется, причем не только именами и развитием событий, но и тем особым возвышенным поэтичным отношением автора к своим молодым героям. «В этот миг прозвучал третий выстрел и Прасковья, вскрикнув: «Да неужели же их нельзя остановить!», стала метаться из стороны в сторону, всех дергать за рукава: «Или вы не слышите? Давайте хотя бы кричать все будем! Давайте хотя бы на них кричать мы будем!» ...И тут же принялась кулачонками своими лупить по бронежилетам... И по танковой броне она тоже колотила своими крепко сжатыми кулачками. Один омовец неторопливо подошел к ней, ударом ноги подсек, другой омовец сбил с ног подоспевшего Евгения, третий, заметив Рената Маратовича, бочком-бочком приближающегося (словно встречным ветром продувало его насквозь!) быстро скрутил и его... Потом их

всех троих, уже неподвижных и, наверное, очень легких, омовцы схватили за ватные руки и поволокли куда-то. А танки продолжали свою размеренную стрельбу»...

Думается, зачем написана эта повесть, если герои побеждены, кажется, уничтожены непреодолимой силой, — только ли как историческое воспоминание? Зачем был их порыв, не приведший к очевидной победе, обязательность во всех случаях жизни и относительную легкость которой демонстрируют сегодня на весь мир благополучные заморские кино-супермены. Но у читателя не остается ощущения поражения, а лишь настроение печали, потому что именно физическая неочевидность подвига заставляет вглядываться внимательнее в духовное движение, где и кроется истинная, унаследованная от «жизни родной» победа, незримая, как извечная «Русская идея».

На самом деле, выражаясь богословским языком, в повести на наших глазах происходит возрастание творения личности. Хотя молодые люди не готовились заранее к своему поступку, не осмысливали в исторических и религиозных категориях происходящее, безотчетно они поступили по-христиански, подтвердив своим действием существование компоненты Божественного призвания в человеке. Жертвой любви, сокровенностью, скрытой в сердцах, они поклонились непостижимому для них Богу и миру Его, который не есть только внешний, но большей частью определяется внутренним миром человека. Герои повести свой подвиг совершили, однако, в мире внешнем, который, как известно, после грехопадения человеку ближе и понятнее. Им было уйти легче, чем остаться. Познание мира внутреннего, осознание и изменение своей тварной природы — подвиг более высокого порядка. Но об этом уровне в повести, претендующей на философско-богословские обобщения и русскую классическую традицию, ничего не говорится. Хотя открытый финал, и «глухие цитаты» из великой русской классики, оставляет читателю возможность мысленно потрудиться самому в этом направлении. И это будет сделать не очень трудно, так как очевидно прослеживается переключка смыслов повести с известными смыслами произведений Гоголя, Пушкина, Достоевского.

Но главный смысл — идея человека, для которого Бог является источником бытия и движения, автору удастся представить в соответствии с «диалектической категорией всеединства», о которой так писал Павел Флоренский: «Живя, мы сообразуемся сами с собой — и в пространстве, и во времени, как целостный организм, собираемся воедино из отдельных взаимоисключающих — по закону тождества — элементов, частиц, клеток, душевных состояний и пр., и пр. Подобно мы собираемся в семью, в род, в народ и т.д., собираясь до человечества и включая в единство человечности весь мир»².

² Флоренский П. Сочинения. М., 1992, с. 343.

Все эти вечно разрозненные общности, к удивлению и благодаря писательскому мастерству автора, представлены в рамках небольшой повести. Мы видим на примере второстепенных персонажей неодинаковую степень оценки происходящих событий москвичами, являющими собой определенный «столичный» род. Мы слышим близкий ропот толпы — множества людей, скопившихся в гуще событий и по-разному, в зависимости от своей совести, вовлеченных в них. Бесспорно, что с легкого пера Пушкина этот его любимый герой — Народ и в повести Н. Дорошенко является действующим лицом. Даже элемент человечества в лице «американского пришельца», бывшего сослуживца Рената Маратовича, неожиданно приехавшего в это роковое время в Москву из Штатов, автор не преминул выставить в правдивом свете, то есть как существо пока еще человекообразное, абсолютно не имеющее никаких нравственных представлений, растрачивающее жизнь в погоне за «золотым тельцом». Но главное место отдано семье, основной хранительнице традиции. При первом прочтении повесть кажется излишне перегруженной бытовыми подробностями семейных диалогов, взаимоотношений, неурядиц и чаепитий. Но потом начинаешь понимать, что это литературный прием, та художественная хитрость, с помощью которой достигается достоверность духовного движения. Движение не существует само по себе, оно определяется носителем, и материальный мир является той реальной почвой, на которой происходит акт возрастания творения (человеческой личности). Но если изобразительно отделить телесную и духовную составляющие единого бытия или представить их с нарушением соответствия объемов, усиливая, например, последнюю, то и представленная картина окажется обманчивой. А ведь в первом предложении повести писатель предостерегает себя от подобного обмана, который категорически недопустим особенно в изображении социально-исторических катастроф, приводящих к духовно-нравственному оскудению.

В революционные времена, когда усиливается степень развития народных страстей, подогреваемых таинственной злой силой, противящейся созданию целостного организма, особо усиливается значение каждой человеческой личности. Для любого человека встает задача осознания цели своих личных стремлений, которые тем значительнее, чем ближе поведение человека к замыслу Творца о нем, нашедшее полное воплощение в образе Христа. В произведении Имя Бога практически не упоминается, но стремления героев, очевидно, проецируются на Евангельский Закон, тот Закон, по которому Русь жила на протяжении тысячи лет и с которым антирусской властью насильно была разлучена. Однако, в произведении Н. Дорошенко «Ушедшие», несмотря на выбранную для изображения революционную ситуацию, нет прямой оценки власти, какой бы то ни было. Во-первых, подобная критика не в русских духовных традициях,

во-вторых, автор оставляет читателю самому определить стоимость правителя, который не считается со слезинкой ребенка. Очень тонко писатель подсказывает эту великую мысль Достоевского, когда перед трагическим финалом изображает сущими детьми своих молодых героев, идущих на подвиг держащимися за руки и радующимися дворовому коту. «Из подъезда они вышли, держась за руки и по-птичьи, вытянув головы. Сразу же заозирались по сторонам. Но во дворе было пусто. Только серый, с белым пятном на лбу, кот лениво вышел им навстречу из давно нестриженного куста, потянулся, широко зевнул, а закрыв рот, равнодушно глянул в их сторону. «Какой хорошенький котик»... — нервно рассмеялась Прасковья». Писатель обвиняет власть не как таковую, не тех, кто ее поддерживает, а тех, кто остается равнодушным. «Все делают вид, что никто не стрелял по людям... — сказал Евгений, и чуть не задохнулся от негодования. — А ведь даже бараны уже бы заблеяли!» К сожалению, не всякий читатель поймет, что бараны (овцы) перестали блеять, когда разучились слушать своего исконного Пастыря, потеряли правильную дорогу, забыли Слово Божие.

Метафизическая составляющая бытия в сокровенном, как и должно, подразумеваемом смысле присутствует в повести, не столько историко-социальной, сколько духовно-нравственной, возрождающей главный вопрос русской литературы — вопрос соответствия человека Божиему Замыслу о нем, поставленный еще византийским богословием, исследовавшим личность в категориях материальной и духовной ее жизни. Удивительно созвучен древнему учению Максима Исповедника образ легкости тел умученных героев повести, не соответствующий физической правде, но отражающий правду духовную, о которой так мыслил великий богослов. «Насколько высока была цель человека и велико значение его в мире, настолько возвышенно было и первобытное его состояние... Первому человеку было все дано, что могло облегчить ему задачу объединения всего в Боге. Он не имел нынешнего грубого и тленного состава тела, ибо элементы его тела еще не были подвержены противоборству, этому источнику разложения, тления, страдания. Состав тела его был легким и нетленным»³. В соответствии с таким представлением легкие недвижимые тела героев повести свидетельствуют о том, что они, ушедшие к «жизни родной», то есть к нравственности, к идеалу, к истине, дошли до цели и объединились со светлыми силами в Боге.

³ Епифанович С. Л. «Преп. Максим Исповедник и византийское богословие», М., 2003, С. 75.

**Екатерина
СКОРОБОГАЧЕВА**

ПОЧЕРК ДРЕВНЕЙ РУСИ

*Образы Русского
Севера в жизни
и творчестве
Васнецовых*

Екатерина Александровна Скоробогачева. Кандидат искусствоведения, гл. специалист ГУК «Московская государственная картинная галерея Народного художника СССР Ильи Глазунова», и. о. директора музея Российской Академии живописи, ваяния и зодчества.

Родилась в г. Самаре. Окончила Самарское художественное училище, живописно-педагогическое отделение. В 2002 г. — Российскую Академию живописи, ваяния и зодчества (Москва), факультет искусствоведения, в 2006 г. защитила диссертацию в Европейской Академии информатизации (Брюссель). Преподает в Российской Академии живописи, ваяния и зодчества. **Живет в Москве.**

Во второй половине XIX — начале XX века многие деятели культуры обращались к образам Русского Севера в своем творчестве. Север явился для них хранителем заветов стародавней Руси, православных святынь. Каждый по-своему передавал жизнь и облик северной стороны, а ее образы стали языком, выразившим содержание искусства. На этом языке, удивительно богатом и звучном, они говорили об историческом пути России, о религиозных и философских взглядах, о самобытности края и своем преклонении перед ним. Художники воспевали корни родной культуры: древние предания, искусство и быт северян, выражавшие исконно русские понятия о мире.

В жизни и творчестве семьи Васнецовых, из представителей которой наиболее известен Виктор Михайлович Васнецов, Русский Север сыграл исключительно важную роль. Север — их родная земля. Род Васнецовых известен с древних времен. Возможно, их предками являлись новгородцы, переселившиеся в северо-восточный край, заселенный чудью, вотяками, черемисами. Здесь новгородцы были известны как ушкуйники (от слова ушкуй — большая ладья, на которых они часто приплывали на Север). В середине XV века ушкуйники заложили на Севере три города: Котельнич, Орлов и Хлынов (Вятку). Из Хлынова и происходили предки Васнецовых.

Первое упоминание в официальных документах их фамилии относится к 1628 году. В XVII веке в селе Ошеть Хлыновского

уезда служил в Спасской церкви дьякон Дмитрий Васнецов, после которого все мужчины этого рода становились священниками, как и отец Виктора Михайловича — Михаил Васильевич Васнецов. Отец будущего известного художника в 1844 году после окончания семинарии служил священником в Троицкой церкви села Лопьял Уржумского уезда Вятской губернии, а также являлся наставником сельского училища. Был Михаил Васильевич и пейзажистом: писал небольшого формата этюды родной вятской земли. В 1845 году у него с женой Аполлиной Ивановной Кибардиной родился сын Николай, а в 1848 году — Виктор.

Всего в семье родилось шестеро детей.

В семье Васнецовых было немало талантливых людей. Не только отец будущего известного художника, Михаил Васильевич, занимался живописью, но и бабушка братьев, Ольга Александровна Вечтомова. Виктор Васнецов вспоминал о ней как о «бабушке с красками». Братья, каждый по-своему, воспели северный край. Аполлинарий Михайлович стал художником-пейзажистом. Аркадий Михайлович — художник по мебели. В Вятке он имел собственную мебельную мастерскую, по рисункам Виктора и Аполлинария создавал мебель в духе старины. Дочь Аркадия, Людмила, училась игре на фортепьяно в Московской консерватории, любила гостить в доме Виктора Михайловича в Москве и, как гласит семейное предание Васнецовых, именно она, северянка, как правило, позировала художнику для образов сказочных царевен.

Аполлинарий Михайлович Васнецов (1856—1933), как и его старший брат, Виктор Михайлович, как и его отец, многократно писал вятские земли. Север он изображал с юности, ранее, чем пейзажи Москвы XVII в., наиболее известные в его творчестве. В картине «Родина» (1886) им показан характерный для Руси мотив: раздольные поля вятской

*Портрет Михаила Васильевича
Васнецова, отца художника. 1870*

*В. М. Васнецов. Портрет
брата Аполлинария. 1871*

земли, среди которых на дальнем плане виднеются несколько изб, а у линии горизонта поднимается храм. О Вятке напоминают его работы «Деревня зимой» (1869), «Серый денек» (1883), «Озеро» (1902). Многочисленны его рисунки, посвященные Северу. Выразителен пейзаж «Озеро» (1902), который подобен характерному этюдному «портрету» Севера. Сразу узнаются свойственные северной земле цвета: сдержанные, сероватые, в отличие от ярких цветовых сочетаний старой Москвы на его картинах. Этот образ напоминает о старине, когда строили деревни, рубили храмы в окрестностях Вятки-Хлынова, а еловые рощи

нередко почитали как священные. Чеканный силуэт их темных крон господствует в пейзаже, создавая таинственный образ.

Далеко не все северные работы Ап. М. Васнецова известны в наши дни. Упоминания о них можно найти в неопубликованной переписке. Так, брат Александр Михайлович писал ему: «Я, например, восхищался твоими картинами, которые ты рисовал французским карандашом, когда зимовал в селе Арханг, и ты их забросил. Я до сих пор не могу забыть такого уголка, как Батариха¹, и ты ее, конечно, не воспроизведешь, так как она для тебя “мелка”»². Вероятно, художник выполнил серию набросков, которые не переросли в картину. Его произведения соединяли прошлую и современную жизнь, небывалые и привычные мотивы, передавая облик стародавнего края. Для Ап. М. Васнецова тема Севера явилась ступенью в постижении русской старины, в передаче облика Руси православной, одной из основ творчества.

¹ Арханг и Батариха — селения поблизости от Вятки и села Рябово.

² Письмо Ал. М. Васнецова Ап. М. Васнецову от 14 апреля 1904 г. ОР ГТГ. № 11/418.

Если братья Виктор, Аполлинарий и Аркадий работали в области изобразительного искусства, то Николай и Александр обращались к искусству слова. Только деятельность Петра Михайловича Васнецова была связана с северной культурой, с родной землей. Он всю жизнь провел на Севере, работая агрономом. Песни и сказы любили в их семье. Во многом благодаря этому Николай Михайлович обратился к изучению особенностей вятского языка. Александр Михайлович — автор сборника «Песни северо-восточной России»³. Он жил в вятской губернии, учительствовал более двадцати лет, но своим главным делом считал литературное творчество, стал известен как автор повести «На миру».

О себе он писал: «Единственное мое утешение — способность к бумагомаранию; оно меня спасает и выручает. Только в том задача, что дух творчества очень капризен... С таким капризным и желанным гостем я вожусь всю свою жизнь...»⁴. Александр Михайлович остался близок к корням семьи, не отстранялся от той деревенской среды, в которой прошло его детство, жил ее верой, ее пониманием красоты, ее обычаями и приметами. Например, в письме к брату Аполлинарию он так говорит о наступлении вятской зимы: «Вчера была грязь непролазная, сегодня снег и санный путь. А все это от того, что петухи с вечера не вовремя пели. Ты, чать, не знаешь еще такой приметы?...»⁵ О северной крестьянской жизни Александр Михайлович Васнецов писал: «До сих пор снится запах... дегтя от смазанных сапогов... еще в Рябове. Как это все — давно и как живо в воспоминаниях»⁶. В строках оживает народный язык, напоминает о стародавних песнях и речи северян, которые еще и сейчас звучат на Севере, как звучали столетия назад.

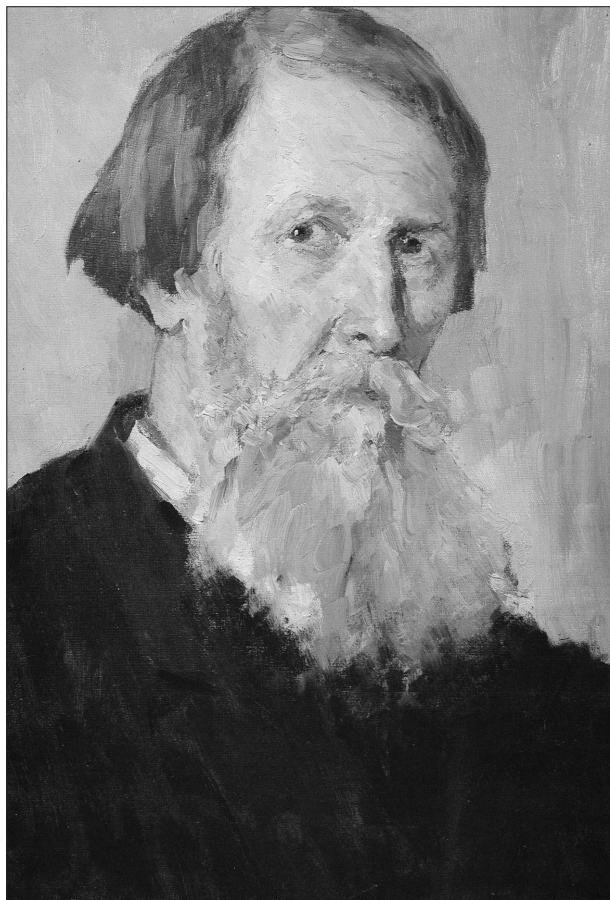
Из Васнецовых наибольшей славой и, несомненно, заслуженной, достиг Виктор Михайлович (1848—1926). Он родился в селе Лопьял, а когда ему было около двух лет, Васнецовы переехали в соседнее Рябово. Здесь прошло детство будущего известного художника, а Север с первых лет запомнился разговором деревьев-великанов, жаром печи в избе, страшными сказаниями кормилицы, радостью и пестротой народных праздников. «Я жил среди мужиков и баб, — писал Васнецов В. В. Стасову, — и любил их не «народнически», а попросту, как своих друзей и приятелей, слушал их песни и сказки, заслушивался, сидя на печи при свете и треске лучины». Он рано начал рисовать. Уже в детские годы Виктор Васнецов рисовал самоза-

³ Песни северо-восточной России. Песни, величания и причеты. Записаны Александром Васнецовым в Вятской губернии. М., 1894.

⁴ Письмо Ал. М. Васнецова к Ап. М. Васнецову от 15 ноября 1901 года. ОР ГТГ. № 11/410.

⁵ Письмо Ал. М. Васнецова к Ап. М. Васнецову от 15 ноября 1901 года. ОР ГТГ. № 11/410.

⁶ Письмо Ал. М. Васнецова к Ап. М. Васнецову на Пасху 1903 г. ОР ГТГ. № 11/415.

В. М. Васнецов. Автопортрет. 1913

и поговорок» (1866), изображающие сценки из народной жизни. Восемнадцатилетний В. М. Васнецов, не имевший еще специального художественного образования, верно и живо отобразил в графике быт северян. Уже в следующем 1867 г. он писал маслом первые станковые картины, получившие известность среди вятской интеллигенции — «Жница» и «Молочница». На полученные за них 60 рублей, с разрешения отца, отправился в Петербург, чтобы поступить в Императорскую Академию художеств.

Став студентом, В. М. Васнецов не забывал жизни вятского края, отразил ее в произведениях: «Нищие певцы» (1873), «Картинная лавочка» (1876), правдиво показав эпизоды обывденной жизни — бедняки с интересом разглядывают иконы и лубки в книжной лавке, в хмурый день у церковной ограды заунывно поют нищие, и ветер разносит их голоса далеко окрест.

Путь В. М. Васнецова в искусстве не был простым. Через бедность, одиночество, пренебрежение критики он прокладывал свою дорогу. Художник возвращался на родную землю, которая давала ему силы и помогала вновь услышать песню старинной Руси. В картинах

бвенно, делал наброски даже углем, взятым около печи, на досках, изображал то, что видел вокруг. Но в 1858 году, по семейной традиции, был отдан в Вятское духовное училище, в 1862 переведен в Вятскую духовную семинарию, откуда ушел в 1867 из предпоследнего философского класса.

Стремление посвятить себя искусству оказалось сильнее. На Севере начинающий юный художник работал над своими первыми произведениями: пейзажами, зарисовками сцен из крестьянского быта, портретами крестьян. Участь в вятской семинарии, он создал первые профессиональные работы — иллюстрации к «Книге русских пословиц

В. М. Васнецова она звучала по-разному: неудержимо радостно в «Царевне-лягушке» (1918), грустной мелодией разливалась в «Аленушке» (1881), наполняла сказочной красотой жемчужные дали в «Ковре-самолете» (1870-е). Живя в Петербурге, в Париже, в Москве, он не переставал обращаться к родным образам.

В. М. Васнецов стал, кроме того, одним из немногих живописцев, выразившим образ Русского Севера не только в пейзажах и многофигурных композициях, но и через портрет. Как характерный вятич показан на портрете Аркадий Михайлович Васнецов, его брат, художник по мебели.

В. М. Васнецов. Аленушка

Не часто удавалось художнику возвращаться на Север, но он постоянно стремился на родную землю, к семье. Например, Александр Михайлович писал брату Аполлинарию в 1901 году о «скорейшем приезде Виктора в Вятку»⁷, а в письме к К. А. Савицкому В. М. Васнецов упоминал: «Иной раз и подумываю махнуть на дальний север, да дела не пускают»⁸.

Здесь он ходил по местам, знакомым с детства, писал с натуры на тех же землях, что встарь вдохновляли народных мастеров. Так возникли картины «Затишье» (1881) и «Брынский лес» (1883), где царит сумрак, а богатырские сосны будто делятся со зрителем всем, чему были свидетелями. Пейзажные работы не играли ведущей роли в творчестве В. М. Васнецова. Картина «Затишье» особенно выразительна благодаря насыщенным контрастным цветам и акцентам света. Найденное здесь состояние природы и фрагменты пейзажа использовались позднее художником и в других картинах, придавая

⁷ Письмо Ал. М. Васнецова Ап. М. Васнецову от 15 ноября 1901 г. ОР ГТГ. № 11/410.

⁸ Архив ДМВ. ОП 5. № 1895 (13).

В. М. Васнецов. Ковер-самолет

жизненность сказочным и историческим сюжетам. Удивительный дар В. М. Васнецова — умение достигнуть убедительного сплава реальности, вымысла, стародавних традиций проявился, например, в картине «Избушка на курьих ножках», напоминающей о сооружении В. М. Васнецова в Абрамцеве, об охотничьих лабазах, которые и сейчас можно видеть в северных лесах.

Художник стремился понять забытый язык, народную философию и воплотить их согласно требованиям современного ему искусства. Полны тайны образы птиц Сирина и Алконоста, ставшие персонажами его картины «Сирин и Алконост. Песня радости и песня печали». Следуя заветам северян, он изобразил на фоне райского дерева мифические существа с женскими головами, с оперением, подобным сказочным одеждам.

Образы Древней Руси сопутствовали В. М. Васнецову и в его монументальных религиозных работах. Уже сложившимся художником он вновь посетил вятский собор Александра Невского, где в юности подмастерьем работал над росписями, помогая художнику Андриолли. Он увидел, что и фрески, и иконостас померкли и облупились, с болью писал об этом.

Велика роль искусства В. М. Васнецова и в становлении неорусского или новорусского стиля. Часто живописные произведения посвящались Русскому Северу, но редко передавали художественный язык древнего края. Немногие художники ставили перед собой столь сложную задачу — совместить почерк Древней Руси и современной им станковой живописи, народное и академическое искусство. Подобная задача также далеко не всегда успешно решалась в поздней иконописи при создании икон-картин.

В. М. Васнецов. Царевна-лягушка

Одним из ведущих авторов, кто «говорил» на языке северного искусства в живописи, стал В. М. Васнецов. Ему удалось достигнуть не только стилистической преемственности с искусством Русского Севера, но и выразить внутреннее содержание созданий северян: их поэтику, образность, философию. Немаловажен выбор сюжетов В. М. Васнецовым — сказки, легенды, события стародавней истории, раскрывающих общность созданий северян и живописных произведений рубежа XIX—XX вв. Основа их образности — сказки и отголоски мифов, что более ярко и широко раскрыто в декоративно-прикладном искусстве и графике. В живописи образы северного искусства менее многочисленны, их художественный почерк менее самостоятелен, поскольку в значительной мере заимствован в декоративных и графических работах. Это доказывает изображение северных костюмов, декоративных деталей архитектуры, ларцов, керамики и т.д. О влиянии графики свидетельствует широкое использование орнаментов — работа линиями.

Первая широко известная былинно-сказочная картина В. М. Васнецова — «После побоища Игоря Святославовича с половцами» (1880). Ее живописный язык, ритм и образность этого языка можно сопоставить с «Повестью временных лет» или «Словом о полку Игореве». Неспешный, напевный слог северных сказаний оживает в ее линейном решении и цвете. Известно, что в основе цветового строя

полотна использованы натурные этюды, написанные в Вятке. Но, сохраняя правду жизни, цвет сильно изменен художником, приближен к колористическим сочетаниям иконописи и народной росписи. Цвета то едва мерцают, то горят, передавая дух конца сражения, спокойствия ночи, уже господствующей на поле сечи. Современниками В. М. Васнецова такое решение воспринималось, прежде всего, как непривычное новшество, а потому на восьмой передвижной выставке 1880 года, где картина была показана впервые, ее встретили неоднозначно. Наряду с восторженными отзывами П. П. Чистякова, И. Е. Репина раздавалось немало отрицательных суждений. Среди прочих порицал картину знаменитый критик В. В. Стасов.

Глубинное знание народных произведений, память о Русском Севере позволили В. М. Васнецову выразить прошлое, передать его поэтическую символику и музыкальность, придать работам вневременное звучание. В некоторых его знаменитых холстах проявляется северное влияние. Так, архитектура и убранство терема в картине «Спящая царевна» (1900–1926) вторит образцам Севера. Во дворце Кощея на картине «Кощей Бессмертный и Василиса Премудрая» (1917–1926) показан северный деревянный сундук с металлическими накладками. В интерьере дворца на полотне «Царевна-лягушка» (1918) и костюмы, и многоцветная керамическая посуда создают образ старинной былинно-сказочной Руси, столь свойственный Северу. Влияние северного искусства проявилось в переработке линейного и тонального ритма, колорита.

В. М. Васнецов. После побоища Игоря Святославича с половцами

Индивидуальный стиль В. М. Васнецова — живописца, графика, архитектора, художника декоративно-прикладного искусства, стал ярким образцом неорусского стиля рубежа XIX–XX вв. Опираясь на традиции древнерусского, отчасти северного зодчества, он разработал проект своего собственного дома в Москве, в трехчастной

композиции которого отразились архитектурные традиции и северных храмов, и крестьянских домов центральной России.

Прообразом постройки послужил древний клетский тип, распространенный и на Севере. Дом отличается трехчастной композицией. Как в старину, он сложен из массивных сосновых бревен, но, что необычно, покрытых штукатуркой, за исключением сруба с бочкообразным завершением. Одноэтажный объем, где расположены жилые помещения, напоминает крестьянскую избу средней Руси, с окнами, обрамленными

Дом В. М. Васнецова в Москве

наличниками, с нарядно оформленным входом. Крыльцо декорировано рельефами, изразцами, колонками-дыньками. Резьбу причелин и полотенец заменил изразцовый фриз, протянувшийся под карнизом. Сверкающие изразцы, яркая окраска дверей и полуколонок дополняют сходство дома с северными постройками. Наибольшую часть дома составляет двухэтажное прямоугольное в плане строение. О северных традициях напоминает третий объем — стройный сруб, рубленный «в обло» с бочкообразным покрытием, внутри которого проходит лестница в мастерскую художника. Его конструкция близка кубоватым храмам Севера. На уровне второго этажа здесь расположены небольшие оконца с полуциркульным завершением, кровля украшена ярким красно-зеленым узором «в шашку». В традициях зодчества Севера решено подкровельное пространство — матицы забраны прямою. Подсобные помещения, расположенные рядом с домом: кухня, сарай, превращены в живописные избы. В. М. Васнецов не копировал произведения древних зодчих — подобное сочетание форм необычно для старинной архитектуры. Но образ Древней Руси XVI—XVII вв., преломленный им и через северное зодчество, все же был создан.

Внутреннее убранство, решенное в основном также по проектам Виктора Михайловича, отличалось не меньшей самобытностью и характерностью. Современники высоко оценивали диковинные шкафы, буфеты, кресла, скамьи, печи. Они справедливо были названы сказочными, хотя их формы и декор вторили элементам древнерусской архитектуры, росписи, резьбы, орнаментам майолики,

*Буфет в Московском доме
В. М. Васнецова, изготовленный
по рисунку художника его братом
Аркадием Михайловичем Васнецовым*

*Печь в столовой дома, изготовленная
по рисунку В. М. Васнецова*

черни. Особенно характерен один из буфетов в гостиной дома художника, с которого был сделан ряд повторений. Буфет отличается двухсоставная композиция: будто ларец поставлен на массивный сундук. С помощью инкрустации имитированы роспись и металлические накладки, напоминающие о ларцах просечного железа из Великого Устюга, расписных северных сундуках, которые можно было видеть во многих избах. Мотивы орнамента индивидуальны. Художник не копировал, но, понимая суть древнерусского искусства, выражал ее и в сказочных образах, а потому на буфете появились скульптурные изображения сов и рельеф «Белка, грызущая орехи».

Многочисленные образцы мебели, выполненные по проектам В. М. Васнецова, находятся в его Доме-музее. Часть этой мебели делал брат художника, Аркадий Михайлович Васнецов, работавший и по заказам С. И. Мамонтова, М. Ф. Якунчиковой, а также мастера Москвы и Абрамцева, о чем свидетельствуют архивные материалы Дома-музея В. М. Васнецова. Многочисленны упоминания о проектах мебели в переписки Ар. М. и В. М. Васнецовых. Так Ар. М. Васнецов писал брату 19 декабря 1896 г.: «Не дашь ли ты рисунков для инкрустации буфета... Мне, видишь ли, очень нравится инкрустировать твои рисун-

ки буфета... Я буду ждать от тебя рисунков»⁹. В том же письме приведены и рисунки орнаментов мебели. Сохранилось другое недатированное письмо, в котором Ар. М. Васнецов пишет В. М. Васнецову: «Резьбу (шкафа) сам сделал — какова?»¹⁰. Эскизы мебели В. М. Васнецова позволяют выявить особенности его художественного языка — синтез различных традиций, в котором господствующей основой является народное искусство, в том числе северное. Степень переработки традиций различна, что определяет образный строй произведений: от довольно точных цитат древнерусского искусства до неожиданного соединения различных манер и создания «сказочной мебели». Исполнение значительной части мебели в его доме напрямую следует древнерусским образцам, повторяя пропорции, конструкции, элементы декора, что обоснованно: В. М. Васнецов был собирателем предметов русской, в том числе северной, старины.

Его коллекция достаточно обширна. Ныне частично она сохранилась в доме-музее художника. К редким экспонатам следует отнести подлинные доспехи древнерусского воина, датируемые XVI и XVII веками. Обширно представлено декоративно-прикладное искусство, в том числе произведения родного края художника: северные прялки, дымковские игрушки, сундук-подголовок, украшенный накладками прорезного железа. В собрание В. М. Васнецова входили многочисленные иконы: и древнерусские, и позднего времени XVIII—XIX вв., среди них были и образцы редкой иконографии — новгородские образа XV в., икона Симона Ушакова «Спас Нерукотворный», строгановские письма, образцы XIX в. московской школы. Необычны в его коллекции и иконы редких изводов. Собрание В. М. Васнецова включает такие образцы, как «Богоматерь Болезненное Рыдание» письма Прокопия Чирина (собрание В. М. Васнецова, затем собрание В. В. Величко, ДМБ), «Ты еси иерей по чину Мельхиседекову»

*Интерьер гостиной дома
В. М. Васнецова*

⁹ ДМБ. Фонд 1. Оп. 2. 21. 23. Инв. 388, 16. 55.

¹⁰ ДМБ. Фонд 1. Оп. 2. Инв. 438.

(строгановские письма XVII в., собрание В. М. Васнецова, собрание В. В. Величко, ДМБ), «Что ты наречем обрадованная» (XVII в., московская школа; собрание В. М. Васнецова, ДМБ). Однако ныне собрание разрозненно, многие иконы утрачены. Для В. М. Васнецова они служили ориентиром, поскольку изучение византийской и древнерусской живописи в понимании художника были необходимы в становлении его творчества.

К традициям Руси православной Виктор Михайлович обращался, работая и как иконописец. При всей многогранности творчества, он считал себя, прежде всего, религиозным живописцем, продолжателем исконных традиций, свое искусство называл «свечой, зажженной перед ликом Божиим». Еще в детские годы ему запомнилась роспись церкви в северном селе Рябове. Интерес к иконописи обоснован традициями семьи. Для В. М. Васнецова искусство было неотрывно соединено с Православием.

В своем творчестве он стремился найти синтез иконописных манер и художественного языка станковой картины. Иконы, им созданные, малоизвестны. Впервые как религиозный живописец он работал в Вятке, помогая в росписи городского собора. К религиозной живописи в зрелые годы художник обратился не сразу и писал, что наиболее сложным для него является воплощение образа Христа. В его иконописи явно не проявилось воздействие «северных писем». Как и монументальная религиозная живопись В. М. Васнецова, созданные им иконы являются синтезом различных приемов при господстве традиций станковой живописи. Известна, например, его икона «Богоматерь Одигитрия» (частное собр., М.), где трактовка ликов и движения напоминает поздние северные образцы конца XVIII—XIX вв., в которых также сказалось влияние станкового искусства.

В творчестве В. М. Васнецова, как и других представителей их семьи, образы Русского Севера, его родного края, играли важную роль. Они проявлялись то явно в натурных пейзажах и жанровых сценах, то звучали отголосками в сказочных, религиозных картинах, но главное, что художник через образы Русского Севера и его искусства продолжил традиции православной Руси, ее вневременные заветы, которые чтит и сохраняли поколениями.

Критика, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Валентин СВИННИКОВ О ВЕЛИКОМ И ВЕЧНОМ

*Размышления над книгой
Ильи Глазунова
«Россия распятая»*

Валентин Михайлович Свинников — родился в 1937 году. Окончил факультет журналистики Уральского университета и аспирантуру Академии общественных наук. Кандидат философских наук. Член Союза писателей России — критик. Работал редактором отд. литературы и искусств в «Комсомольской правде» (1978–1980), зам. гл. редактора журнала «Наш современник» (1987–1989), гл. редактором газеты «Ветеран» (1989–1991), журналов «Славяне» (1990–1991) и «Александр и Ко» (2005–2006). Первый зам. гл. редактора журнала «Честь Отечества». **Живет в Москве.**

Сразу оговорюсь, что это не просто автобиографическая книга знаменитого художника. Хотя в основе — это так. Но в принципе — это история страны — через личную историю. Судьба человека — в судьбах его страны.

Книги о художниках и художников о себе, в общем, всегда интересны, как любые книги о творческих личностях. Но книга-исповедь Ильи Глазунова, признанного в канун нынешнего столетия самым выдающимся художником XX века, которого издавна не только в нашей стране, но и за рубежом воспринимают как русского национального гения — явление особого рода. В ней автор предстает не только как художник широчайшего творческого диапазона, но и как глубокий мыслитель и историк, открывающий с новых сторон многие страницы мировой и отечественной истории и культуры. Иные из них широкой публике были неведомы и даже людей, принадлежащих к узкому кругу специалистов, приводят в изумление.

Кстати, не всякий историк может быть художником, даже в слове. Есть же историки глубокие по знанию и освоению огромного документального материала, но излагающие не интересно, скучно, легко утонуть в массе привлекаемых ими исторических сведений и потерять главную мысль, которую они проводят в трудах своих. А вот художник историком может стать, даже когда всего лишь пишет картину на исторический сюжет. Уже возникает необходимость изучить и нравы людей отображаемой эпохи, и всяческий антураж, начиная с одеяний тех времен, архитектуры тогдашних зданий и т.д. Вспомните знаменитую картину Карла Брюллова «Последний день Помпеи» или картины Василия Сурикова «Утро стрелецкой казни», «Боярыня Морозова»...

Но это, можно сказать, прикладная история. А вот создать такое огромное полотно, как «Вечная Россия» без глубочайшего знания самых разных пластов истории своей Родины — даже и помыслить нельзя. Нынешние школьники, которых по учебникам не к ночи будь помянутого Сороса, пытаются практически лишиться *понимания* своей великой истории, эту картину по-хорошему должны изучать — как яркий, *говорящий исторический* учебник! Что, впрочем, и делается в некоторых высших учебных заведениях западных стран, где великая картина используется в качестве учебного пособия по изучению истории России, а также на научных конференциях.

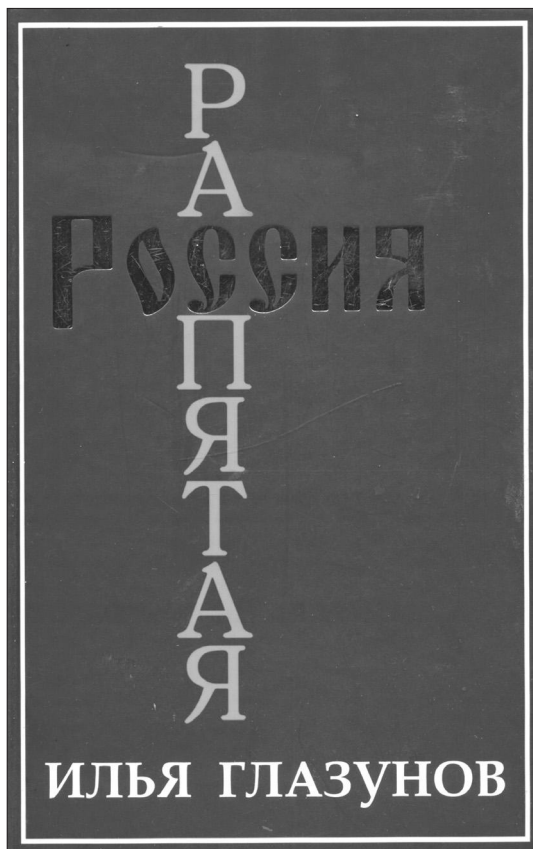
Что же побудило Илью Глазунова к созданию этой книги? Ответ — на странице из пробного издания первых глав «России распятой» в «Роман-газете». Во-первых, личный мотив: самому, без искажений, рассказать о себе, начиная с детства, оставившего неизгладимые следы, наложившие отпечаток на всю дальнейшую жизнь. «Благодаря любовной заботе сестры моей матери, которая пережила блокаду, Агнессы Константиновны Монтеверде, — пишет Глазунов, — у меня сохранилась заветная картонная коробка, набитая письмами, бумагами, юношескими дневниками, в которых я записывал впечатления о наиболее памятных событиях тех лет — несмотря на все невзгоды, блокаду Ленинграда, ставшую страшной вехой в моей судьбе и унесшую с собой жизни матери и отца, многочисленных родственников; синий снег Невы, осенние шумящие парки Царского Села и вовсе не похожую на сегодняшнюю ту жизнь. Мои друзья много раз говорили мне о том, что я должен записывать все, что помню, — о людях, с которыми я встречался и многих из них рисовал, о лютых временах, которые пережил». Во-вторых, художника побудила к написанию книги необходимость рассказать правдивую историю своего народа. «В своей книге-исповеди, дорогой читатель, я хотел бы вернуть моему народу многое из того, что обогнано и оклеветано. Я постараюсь ответить (и считаю это своим долгом русского художника и гражданина) на многие вопросы, которые настоятельно требуют ответа именно сегодня — в дни страшной русской смуты и крушения нашего когда-то великого государства... Отвечая на все «проклятые» вопросы, поставленные временем и историей, я выполняю свой долг перед Россией и нашими потомками, которые будут искать причины краха когда-то великой державы»...

В самом начале автор напоминает: «История славянства, как и русского племени, в большинстве своем писалась врагами. Я — маленькая частица нации. И горжусь тем, что более чем за тридцать лет своей творческой деятельности служил Богу, России и совести, и не отказываюсь ни от одного поступка, картины или напечатанного слова. Я не изменил России и себе, думая, как миллионы русских. И народное признание явилось надежным гарантом того, что меня не растоптали черные силы, несмотря на ненависть и клевету врагов. Я благодарен всем, кто помогал в моей, нашей общей борьбе за Россию. Моя исповедь — это и мои картины и эта книга, дорогой читатель. Упорное желание написать ее возникло у меня по велению гражданской совести, а не только из-за ненависти клеветников к России и ко мне лично как русскому художнику. Прочтя рукопись одной из книг обо мне, я понял, что должен написать о себе сам, выразить свой взгляд на добро и зло в мире, дать отпор фальсификаторам нашей истории и защитить ею себя — художника и солдата истерзанной и униженной России».

Размышления над историей России, ее прошлым и настоящим, выковали стержень убеждений Ильи Сергеевича. Он не скрывал и не скрывает, что признает вершиной политического строя монархию. Нравится это кому или не нравится. Потому что глубоко впитал в себя жизненные соки православной духовности и русской культуры, проникся идеалами и образами ее великой литературы. Он и Пушкина воспринимал целостно — не как пылкого юнца, воспевавшего «вольность кровавую», а как государственного мужа, «умнейшего человека в России», по определению императора Николая I. И помнил размышления Гоголя о значении государя, опиравшегося на слова *позднего* Пушкина: «Государство без полномочного монарха — автомат; много-много, если оно достигнет того, до чего достигнули Соединенные Штаты.

А что такое Соединенные Штаты? Мертвечина; человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит». И далее: «Государство без полномочного монарха то же, что оркестр без капельмейстера: как ни хороши будь все музыканты, но если нет среди них одного такого, который бы движением палочки всему подавал знак, никуда не пойдет концерт. А, кажется, он сам ничего не делает, не играет ни на каком инструменте, только слегка помахивает палочкой да поглядывает на всех, и уж один взгляд его достаточен на то, чтобы умягчить, в том и другом месте, какой-нибудь шершавый звук, который испустил бы иной дурак-барабан или неуклюжий тулумбас. При нем и мастерская скрипка не смеет слишком разгуляться на счет других: блюдет он общий строй, всего оживитель, верховодец верховного согласия! Как метко выражался Пушкин! Как понимал он значение великих истин!» — заключает Гоголь.

Может ли быть таким верховным правителем президент, периодически сменяемый демократическим путем и, вполне вероятно, не подготовленный к державной тяжести правления? Такие мысли при чтении «России распятой» возникают сами собой, особенно, когда узнаешь, что один из дедов самого Ильи Сергеевича был директором Воронежского, а затем Первого Петербургского кадетского корпуса. Это его двоюродного деда генерал-лейтенанта Федора Алексеевича Григорьева так любили кадеты этого учебного заведения, державными шефами которого были российские государи, что с благодарностью вспоминали «дядю Федю» и после революции. Может, это и

помогло ему закончить земную жизнь своей смертью, а не в застенках ЧК... Ну, а прадед Ильи Сергеевича со стороны матери — Константин Сергеевич Арсеньев, действительный тайный советник, статистик, историк, географ, академик Петербургской АН — и вовсе был, как и поэт В.А. Жуковский, наставником будущего царя-освободителя, государя-реформатора Александра II. Государей в России готовили к тому высшему призванию, о котором так метко говорил Пушкин, с «младых ногтей». И можно себе представить, читая главу в книге Глазунова о его прадеде Арсеньеве, какие люди и какие знания и чувства закладывали в души наследников престола...

Законы юридические, на основе «римского права» создаваемые (хотя бы и нынешним составом Госдумы), — и Закон с большой буквы, понимаемый как Благодать (вспомним первого митрополита из русских, Илариона, с его «Словом о Законе и Благодати» даже в церковном понимании). Закон может быть безжалостным — государь может подняться над законом и «милость к падшим» проявлять. Президент несет ответственность перед народом и законом (приносит присягу, возложив руку на Конституцию — основной закон). Государь как помазанник Божий ответственен перед народом и Высшим Судией, Его Законом...

А откуда на Руси брались государи? Призывают их в страну со стороны чужой, как недруги России обосновывали нам появление династии Рюриковичей? Яростно и убедительно восстает в своей книге Ильи Глазунов против этой пресловутой «норманистской» теории. Он-то изучил немало документов о древнем славянстве, сам побывал на острове Рюгене, знает, кто такой посадник новгородский Гостомысл и почему призвали новгородцы на правление его внуков от дочери Умилы, а не просто каких-то заморских варягов. Как никто другой среди художников Ильи Сергеевич понял вообще историческую роль князей. Они прежде всего защитники. Но — и правители, по мере того как росли и развивались роды, племена, «земли». Как же терзали Русь внутренние междоусобицы удельных князей! Именно они открывали дорогу на Русь степнякам, а потом и Западу. И поляки, и шведы, и немцы накидывались на Русь именно тогда, когда она была ослаблена внутренними разборками. И если даже Владимир Мономах, пока не осознал свою *государственную* ответственность, приводил себе в помощь половцев, то Святополк Окаянный привел и поляков, на долгие столетия указав им дорогу на Восток.

Русь спасала и объединяла только вера православная, собрав, по заветам владими́ро-суздальских великих князей, особенно святого Александра Невского, воедино разрозненные уделы, пресекая внутреннюю вражду и междоусобицы во имя накопления сил и отпора внешним захватчикам. Вера, саму власть державную понимающая как *служение* народу и Всевышнему. Не потому ли и безуспешны нынешние широко рекламируемые поиски «русской идеи» в каких-либо иных направлениях. Великие святые Земли Русской — они ведь и великие державники, по сути своей. Потому что иначе не отстоять ни Отечества, ни веры...

Будить память народную... Мне приходит невольно в голову сравнение «России распятой» Ильи Глазунова с романом-эссе «Память» Владимира Чивилихина. Поначалу — много сходного. В «Памяти» — тоже различные пласты и глубины нашей истории через судьбу одного прослеженного в веках рода декабриста Модзалевского. И взгляд на декабристов — чисто сибирский: как на страдалцев, вершивших основной свой жизненный под-

виг в ссылке и на каторге, показавших, как может влиять культурная элита России на рост культуры и самосознания народа.

У монархиста Глазунова отношение к декабристам иное. Он видит в них изменников присяге, данной государю. Он знает, какие ядовитые семена посеяли они, подхватив их на Западе, «разбудив Герцена». А потом и первых идейных террористов России — народовольцев, эсеров, а в конечном итоге тех, кто массово уничтожали без всякого разбора отмененные властью, но стойкие сословия России — священников и офицеров-дворян, самых крепких крестьян, у которых сплошные мозоли превращали ладони рук в кулаки. Это лишь потом понятие «кулаки» стало применяться идеологически окрашенным.

В картине «Мистерия XX века» ярчайшим образом отразил Илья Сергеевич этот страшный период истории России на фоне событий мировых войн и революций прошлого столетия. И, конечно, не мог он ни в этом полотне, ни в книге «Россия распятая» относиться к В. И. Ленину как великому гуманисту, когда много раньше других узнал и о его расстрельных секретных телеграммах относительно священников, и о заговоре именно верхушки партии и правительства по поводу бессудного расстрела царской семьи. Глазунов, который ярко отразил убийство царевича Дмитрия (я убежден, что он вслед гениальной интуиции Пушкина и А. К. Толстого не сомневался: это было именно убийство, а не какой-то несчастный случай), остро переживал и гибель другого мальчика. Отрока, вся вина которого перед палачами заключалась лишь в том, что он был рожден наследником трона. Этот мальчик, царевич Алексей, со свечей — и сам как свеча, не случайно изображен в самом центре картины «Вечная Россия»... Глазунов, который гениально иллюстрировал творчество высоко чтимого и глубоко понимаемого им Достоевского, острее многих других чувствовал, как тяжело весит на весах справедливости слезинка замученного ребенка.

В отличие от Чивилихина, прямо-таки с ненавистью упоминавшего императора Николая I, Глазунов и в картине «Вечная Россия» отвел ему достойное место, и в книге отзывается о нем как о «русском Царевиче». И приводит такие факты, которые иным нынешним псевдо-демократам хотелось бы всячески замолчать, скрыть, как это делали и предшественники их — большевики. Вся глава VII «России распятой», посвященная, прежде всего, Пушкину и его отношениям с государем, будущими декабристами, Чаадаевым, открывает читателю столько нового! Что я, например, знал о Пестеле, даже после университета и АОН при ЦК КПСС? Только официальную версию о жертве царского самодержавия. (Потом, из других источников, узнал, что прообраз Третьей тайной канцелярии при императоре, а затем и всемогущего КГБ с полным идеологическим контролем за умонастроениями населения заимствован... именно у Пестеля). И когда Илья Сергеевич раскрывает историю появления этого саксонского рода в России и вскарабкивания в верхи самыми беспринципными способами — волосы дыбом встают. Отец декабриста Пестеля, будучи только назначенным генерал-губернатором Сибири и не проведя в ней ни дня, успел прославиться в ней своими поборами и лихоимством так, что наивный Пушкин невзначай осведомился у его сына при первом знакомстве — не родственник ли он сибирского злодея.

Павел Пестель, читаем у Глазунова, «этот германский юноша, всеми силами стремящийся сделать карьеру в России, ненавидел ее. Безусловно, он

был умен, способен, но хитер и двуличен. Анализируя нравственный облик будущего государственного преступника, автор исторического очерка о декабристах С. Д. Толь (урожденная Толстая) пишет, что «внутреннее его “я” могло привести лишь к двум исходам — к царскому венцу или к виселице. Он жил только для себя; выше его личного благополучия, его “я” он не мог понять ничего. Прибавим к этому его бешеное самолюбие, перед которым все должно было склониться, — вот весь Пестель»...

Двуличным предстает под пером Глазунова и другой кумир ненавистников России — Чаадаев. И это не просто субъективное мнение. Илья Сергеевич цитирует и записку Чаадаева Бенкендорфу, и записи его ответов на допросах, и то, что в личном письме царю он заговорил вдруг... о величии русского народа, который так унижал в своих «философических» письмах ранее. И указывает причину, из-за которой псевдо-философ вынужден был то снимать, то вновь надевать личину, — измена вере отцов, открытый переход в католическую веру. Веру, последователи которой захватили, разграбили и отдали на поругание туркам-османам православную Византию. Веру, которая со времен еще Александра Невского вела против православной Руси толпы захватчиков и проходимцев, среди которых и Лжедмитрий, и Пестель, и убийцы Пушкина Нессельроде и Дантес.

Глазунов и Чивилихин щедро вводили на своих страницах имена славных наших соотечественников, рассказывали об их научных трудах, их огромном и, к сожалению, пока очень мало известном вкладе в развитие мировой цивилизации. Рассказывали так, что хотелось и самому прочесть их труды, продолжить исследования по заданным ими ориентирам, вглядываться все далее в глубь родной истории.

У Глазунова это, в частности, замечательные страницы о Василии Марковиче Флоринском — великом русском ученом, медике, археологе, историке, слависте и основателе первого в Сибири Томского императорского университета. Именно его труды, как и исследования Черткова, Морошкина, Забелина, Гильфердинга, Винелина, Погодина, Нечволодова, Геденова, Егора Классена и Сергея Лесного (псевдоним умершего в Австралии профессора Парамонова) стали, как признается Глазунов, его университетами познания истории России, ведущей свое начало от седой арийской древности Ригведы и Авесты.

И как же много узнает читатель «России распятой» о славянской древности! О могуществе и величии того племени, которое называли руянами, ранами, руссами, ругами. На острове Руген, где побывал и Глазунов, родился великий вождь русинов, сокрушивших в 476 году Римскую империю. Их полководец Одоакр (или Одоацер) 14 лет правил Вечным городом. А «второй Рим — Византийская империя — была многим обязана, считает Глазунов, влиянию славян и стала великой деяниями славянского императора Юстиниана, названного родителями Управдой, родившегося в славянской деревне на Балканах. А великий полководец Византийской империи Велизарий был тоже славянского происхождения и носил имя Величар».

Вспоминаю, как во время одной из встреч с Ильей Сергеевичем в его мастерской он, остро взглянув на меня, выпускавшего тогда журнал «Славяне», вдруг спросил: «А как вы считаете, само название славян — от “славы” или от “слова”? Я замялся: на обложке журнала мы воспроизводили его название на всех славянских языках. В том числе и «словене». Пытал-

ся обосновать общечеловечески: мол, мы-то владеем словом своим, а другие «немцы». Илья Сергеевич только рукой махнул. Я с гордостью показал ему в одном из первых же номеров славянскую, задолго до кириллицы, азбуку на 64 знака, где каждый имел символический смысл. И нарвался на вопрос: «А древнюю, на 128 знаков, славянскую азбуку знаете?» Откуда? Тогда еще многие из упоминаемых им исследователей славянства были известны лишь очень узкому кругу специалистов. Да и сейчас истина о древности славянской едва пробивается из-под глыб европейской учености, которой ну никак не выгодно осознавать, что ее цивилизация технократического и безудержно потребительского развития ведет человечество в тупик. Что были — и есть — цивилизации иные, в том числе и древнеславянская, в основе которых идеи справедливости, более человеческого отношения и друг к другу, и к матери-Природе.

Трепетное отношение к истории пронизывает всю книгу Глазунова с первых и до последних ее страниц (впрочем, она еще не завершена, готовятся к изданию новые, не менее интересные главы ее). Читаешь «Россию распятую» — и убеждаешься, что именно эта опора и дала огромные внутренние силы художнику в его творчестве, в его борьбе за право оставаться самим собой в любых обстоятельствах — оставаться свободным.

Свобода... Свобода художника выразить то, что на душе, в чем убежден. Она во все времена обходилась дорого для творческой личности. Любой из нас даже по школьным учебникам помнит судьбу Джордано Бруно или Коперника. А в наши времена — судьбу таких разных поэтов как Сергей Есенин, Павел Васильев или Осип Мандельштам, судьбу, наконец, Александра Солженицына. Но только имена тех, кто свободу свою отстаивал до конца — яростно и убежденно — только их имена врастают в историю прочно и навеки.

Свобода Илье Сергеевичу доставалась ценой подчас житейских лишений, тяжелейших потерь (гибель любимой жены Нины Виноградовой-Бенуа) и всегда огромной борьбы. Борьбы, требующей немалой стойкости и вынужденных компромиссов — ради конечной неизбежной победы. Вспомним хотя бы эпизод, как ему срочно пришлось писать дипломную картину на идиллическую сельскохозяйственную тему вместо представленной композиции «Дороги войны». Потому что правда его детской памяти о дорогах Великой Отечественной войны кого-то слишком обжигала, напоминая о громадных трудностях и жертвах. А принято было отражать героику, писать «под фанфары»... Лишь годы спустя вернулось в общество понимание, какой огромной ценой достигнута наша Великая Победа. Война не только в грохоте взрывов и победных салютов, но как огромный труд всего народа шагнула со страниц горячо любимых мною писателей-фронтовиков Михаила Алексеева и Сергея Викулова, Евгения Носова и Виктора Астафьева, Ивана Акулова и Владимира Богомолова. И картина Глазунова «Дороги войны» все равно увидела свет.

Какой ценой доставалась Илье Глазунова его внутренняя свобода можно судить и по горьким страницам его воспоминаний, как обитал он в Москве и в общежитии университета на Ленинских горах, и у друзей, например, Томаса Колесниченко, и... в кладовке коммунальной квартиры скульптора Дионисия Гарсия, благодаря протекции знакомого киносценариста Артура Макарова, и, наконец, в однокомнатной квартире, «выбитой» с огромным трудом самим Сергеем Михалковым... Глазунов мог бы жить припеваючи,

согласись он, коль уж не признавали «советским художником», работать в стиле авангарда. Сам печально знаменитый Георгий Костаки, занимавшийся продажей картин «авангардистов» за рубеж, «купился» на шутку Глазунова, намалевавшего несколько лихих картин в этом стиле. Закупил их за немалые тогда деньги. Но... не продал Илья Сергеевич душу и этому дьяволу, как противостоял и «социалистическому реализму». Так и били его с двух сторон. И даже выполнять заказ жены дуайена дипломатического корпуса Сульмана — создать портрет его супруги, урожденной русской княгини Оболенской — Глазунов вынужден был не в своей мастерской (ее не было) и тем более не в кладовушке же, а значит, явиться в шведское посольство. Явился — в костюме «с чужого плеча». Зато потом последовали заказы и от других послов, и даже предложения учить их жен рисованию...

О, сколько же страниц горестных, пусть и окрашенных юмором, рассказывают в книге о борьбе тяжелейшей, непрерывной — с завистниками-собратьями по художественному творчеству, с чиновниками самого высокого ранга, с непониманием самых возвышенных идей в его великих картинах! Нет, не народ не понимал и не принимал его творчество. Народ опоясывал нескончаемыми очередями громадное здание Манежа с его персональными выставками. Народ оставлял в книге записей потрясающие, до глубины души волнующие слова признания в любви, благодарности за его художественный и человеческий подвиг. А из книги видно, на какие ухищрения приходилось идти художнику, чтобы его «Мистерия XX века» смогла увидеть свет. Потому что партийные чиновники от искусства — и выше — стремились замолчать эту выстраданную правду о России на огромной глубине ее истории. Еще бы! В ней же выразилось бескомпромиссное отношение Глазунова к революциям, февральской, октябрьской ли. Помню, поразило меня в «Вечной России» фигура Льва Толстого — с его девизом-лозунгом: «Непротивление злу насилием». Позднее, не только из «России распятой», но и других источников, узнал я, что «стольпинские галстуки», как подавали нам в учебниках истории (и как воспринимал их Лев Толстой) — может, очень запоздалая мера, принятая государством после уничтожения «р-р-революционерами» сотен и тысяч невинных людей — от государственных деятелей до рядовых полицейских, всего лишь выполняющих свой долг. Узнал и о десятках несчастных жертв покушения на Столыпина. Взрыв в его даче унес жизни и рядовых охранников, и случайных посетителей, искалечил дочь премьер-министра. А как оказалось, и в наши дни террористов отнюдь не смущает гибель мирных жителей. Достаточно вспомнить Буденновск, «Норд-Ост», «Беслан»... И — не героизировать надо террористов прошлого, а понимать корни их жестокости. Что им Достоевский с его «слезой ребенка»? Искалечена дочь Столыпина, расстрелян царевич Алексей и дочери Царя-мученика...

Не раз рисковал Илья Сергеевич своей свободой, когда привозил из-за границы книги, которые позволяли дышать воздухом свободы десяткам окружающих его верных сподвижников. И когда создавал патриотический клуб «Родина», поднимал во всеуслышание вопросы об отношении к памятникам старины, требовал восстановить Храм Христа Спасителя, работал над интерьерами Большого Кремлевского Дворца. А сколько клеветы вылила на него (как и на вдохновенного Глазуновым поэта Владимира Солоухина) по поводу спасения старинных икон. Обвинения были весьма серьезными: обирают, де, темных бабок-крестьянок, за бесценок скупая иконы,

которым нет цены. Но вот же они, иконы, иные из которых, громоздкие, тяжеленные, Илья Сергеевич на себе, по бездорожью, вытаскивал, чтобы реставрировать, дать им долгую жизнь. Иконы, подаренные им народу, любой желающий может увидеть в картинной галерее, где они занимают целый зал. А ведь собирал он их в стране, еще официально безбожной.

Но одно из главных — и весомых — свидетельств огромной личной свободы Ильи Сергеевича и «самостояния» его, говоря словами Пушкина, — это сама его книга. Так свободно, на широком дыхании, без оглядки на собственные ли ошибки и метания (а может ли без них вообще быть художник?), или на любые авторитеты, написана эта книга.

Какая счастливая судьба! — могут воскликнуть многие об Илье Сергеевиче. Какая немисливо трудная борьба, которую выдержит не всякий, — могут честно признать многие, кто прочитают его книгу. Возможно, примерят и на себя — а я бы выдержал такие испытания, не сломался, не поддался искушениям?

Об этой книге еще много будут говорить и спорить. Далеко не все примут оценки и суждения автора. Но сколько же тайн прошлого и настоящего откроет она любознательному читателю, сколько светлых имен и страниц родной истории! Читать ее приходится долго и вдумчиво, как

РУССКИЙ СИЛУЭТ

Н. М. Карамзин. Композиция по Дуттенгоферу

*...Греческое вероисповедание,
отдельное от всех прочих, дает
нам особенный
национальный характер².*

А. С. Пушкин

Анна РЕТЕЮМ

**«БУДЕТ
РУССКОЕ
СОЛНЦЕ
СИЯТЬ¹»**

Анна Борисовна Ретеюм (Кругова) — поэт, переводчик, литературовед, член Союза писателей России, а также Московской городской организации СП. Живет в Москве.

¹ Бобров А. «На земле Преподобного Сергия» // День православной поэзии. Альманах. Москва-Воронеж, 2008. С. 33.

Когда впервые берешь в руки издание «День православной поэзии»³ и на обложке встречаешь строгий лик святителя Макария, то трудно понять, церковное это издание или литературно-художественное. Даже у опытного русского читателя скорее всего возникнет соблазн спросить, дескать, не возвращаем ли мы свою культуру вспять? Да и что это за непогрешимая рука, отделившая зерна от плевел? И, в конце концов, где набрали столько разносторонне одаренных авторов? Ведь, чтобы альманах сумел оправдать свое название, необходимым условием становится религиозная, нравственная и эстетическая талантливость стихотворцев. А, по замечанию о. Андрея Кураева,⁴ количество людей с талантом веры в любом обществе не превышает пятнадцати процентов. Если же сделать допущение, что современные настоящие поэты — это люди сплошь высоконравственные, то все равно теоретически трудно рассчитывать на наличие хотя бы одного шедевра даже среди двух с лишним сотен представленных стихов. Можно было бы и дальше путаться в унылой теории, помещая словесное искусство в систему координат «игра-вера» Й. Хейзинги,⁵ на плоскости которой

² Пушкин А. С. Заметки по русской истории XVIII века. Полное собрание сочинений. Л., 1978. Т. VIII. С. 92-93

³ День православной поэзии. Альманах. Москва-Воронеж, 2008. С. 132.

⁴ Диакон А. Кураев. Разлом цивилизаций: во времени или в пространстве? // Радонеж. № 8 (137). 2003.

⁵ Хейзинга Й. Homo ludens. Статьи по истории культуры. М., 1997. С. 416.

рассматриваемые произведения попали бы в разряд архаического искусства — если бы мы напрочь забыли об устойчивых чертах нашей национальной литературы.

Как известно, русская книжность зарождалась на византийской «закваске», то есть благодаря переводам духовных текстов с греческого языка на старославянский, после чего стали создаваться и первые оригинальные произведения. Традиционность и сознательная анонимность, отречение от бытовых деталей и добровольная нивелировка авторского стиля — вот смиренный идеал нашей средневековой литературы, в которой важнейшее значение имела как богослужебная практика, так задачи просвещения язычников и преумножения благочестия вообще. И хотя молодая национальная словесность нужна была не сама по себе, а — «для», начало русской литературы никак не назовешь архаическим, потому что развивалась она подобно вундеркинду, перескакивающему через несколько классов к высшим достижениям христианско-эллинистической книжности.

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1, 1). Так и повелось у русских — без Бога нет слова, а значит, и литературы. Другой вопрос, как именно проявляется божественность — открыто или имплицитно, более художественно или менее. И, следовательно, становится принципиально важным личный духовный опыт автора, тем более, сейчас, когда целые поколения литераторов успели сформироваться вне материнского лона Церкви. В иерархической системе художественного произведения слово выступает величиной, не знающей себе равных. Оно противится стать рядовым элементом в фантазийной мозаике или первым попавшимся сосудом для подноготной автора. Говоря о национальной эстетической константе, заметим, что русское сердце даже в самой талантливой метафоре всегда почувствует некий оттенок лукавства, «генную инженерию смысла», именно поэтому наши великие авторы старались не злоупотреблять подобным видом выразительности, предлагая в противовес — символ. Ибо слово есть объемная вертикаль, соединяющая землю и небо, метафизическая ценность. «Не я говорю слово, но слово мною говорит». Такое отношение возникло у русских авторов еще в X веке, что способствовало развитию словоцентризма нашей культуры. Альманах «День православной поэзии» призван внести посильное в дело восстановления духовного контекста национального искусства, то есть реставрировать глубины евангельской красоты человека в литературе, а не повернуть художественное русло в прошлое.

Для создания произведений национального масштаба православная основа является необходимым условием, но, как известно из истории русской литературы, отнюдь не единственным. «Не всякий, говорящий Мне: “Господи! Господи!” войдет в Царствие Небесное» (Мф. 7, 21). Всех искусов высокой словесности не перечислить: сила творческого импульса, многообразие художественного мира, свободная простота выражения в сочетании с несколько непропорциональной глубиной смысла. Как парадоксально выразился поэт — «в глубине высокого смирения»⁶. Необычайно важным для литературы является и взаимодействие с фольклором, откуда поступает острота композиционно-образной специфики, не сводящейся к искажению

⁶ *Иеромонах Роман*. «Страх Господень — авва воздержания...» // *День православной поэзии*. Альманах. Москва-Воронеж, 2008. С. 88.

православной основы. Когда же почвой для духовных образов становится древнее искусство (или своеобразие автора), то возникает инобытие верования — апокриф. Известен жанр народных духовных стихов, в которых вольная трактовка Священной Истории становится во главу угла. В «Голубиной книге» из сборника Кириши Данилова, к примеру, Адам и Ева после грехопадения идут к Иисусу Христу с прошением:

*...Пришли они к самому Христу,
К самому Христу, Царю Небесному.
Зашли оне на Фаор-гору,
Кричат-ревут зычным голосом:
«Ты Небесный Царь, Иисус Христос!
Ты услышал молитву грешных раб своих...»*

Сейчас появилось на удивление много вполне интеллигентных неоязычников в том числе и в литературе, всерьез связывающих свое мировоззрение со славянской мифологией. Думается, пока этот процесс держится в рамках этнического аккомпанемента, он выступает, безусловно, как положительное культурное явление. Важно не перепутать представления о ядре национального самосознания. Опыт показал, что языческие культы не смогли обеспечить государственной сплоченности, а следовательно, и единой национальной культуры, не говоря уже о духовной красоте (дохристианский пантеон князя Владимира был во многом компромиссом между религиозными системами народов, обитавших на русской земле).

Отчасти из-за бдительности к обнадеживающим тенденциям современности, отчасти из-за количественного перевеса в альманахе произведений сегодняшних духовных авторов, приходится оставлять без внимания дивные стихи классических поэтов, впрочем, широко известные и уже достаточно хорошо изученные. По милости составителей новые стихотворцы оказались в неудобном положении — трудно соревноваться в искусстве с А. С. Пушкиным или, к примеру, с А. А. Блоком. Большинство свежих стихов все-таки художественно уступает классике, но ведь история русской литературы копила шедевры не менее двух веков, а неполная сборная команда современников — лет 5-10. Духовное сродство православной поэзии рубежа XX-XXI вв. чувствуется с тем периодом литературы, который предшествовал Золотому веку. Мы заново учимся писать о божественном, будто М. В. Ломоносов только что воскликнул:

*Творец! покрытому мне тьмою
Простри премудрости лучи
И что угодно пред Тобою
Всегда творити научи,
И на Твою взирая тварь,
Хвалить Тебя, бессмертный Царь.*

На рубеже XVIII-XIX вв. духовная поэзия, как правило, не сбивалась на апокрифический лад, четко отрабатывала просветительскую функцию и отличалась композиционно-образной строгостью. Ко времени А. С. Пушкина духовная почва русской литературы была подготовлена, вызрели, несмотря на

бесконечные заимствования, национальные ориентиры искусства, назидательность стала выдыхаться, освобождая творчество от принципа целесообразности и, соответственно, повышая степень личной ответственности автора.

Но провести прямую линию духовной традиции, взяв за основу предложенное в альманахе, не представляется возможным: стихотворения авторов предреволюционного Серебряного века (первый раздел, как ни странно, большей частью состоит как раз из них) выглядят контрастно по отношению к последующим и предыдущим стихам. Предчувствие кровопролитных ураганов национального масштаба, обусловило эстетические и мировоззренческие качества лучшей литературы той эпохи. Как вишня перед заморозком поражает воображение своим буйным цветом, так и поэзия Серебряного века навсегда потрясает душу своим эстетическим совершенством и трагической бесплодностью духовных исканий. Стихотворение Иннокентия Анненского «Дочь Иaira» открывает альманах «День православной поэзии», мягко говоря, неожиданно:

*Только мне в пасхальном гимне
Смерти слышится призыв.*

Из произведений века тревог и разочарований, пожалуй, духовной цельностью, а значит, и адекватностью современным чаяниям, выделяются стихи Ивана Бунина — это русская несуетливая красота, одухотворенная глубоким лиризмом и благородством меры:

*Твой нынче день настал, усталый, кроткий брат,
Весенний праздник твой, и светлый, и спокойный!
Ты нынче с трудовых засеянных полей
Принес сюда в дары простые приношенья:
Гирлянды молодых березовых ветвей,
Печали тихий вздох, молитву — и смирение.*

Вполне естественно и закономерно развивается в сборнике художественный жанр молитвы. Современные православные авторы творят независимо от правил религиозного стихотворчества, создавая как непосредственное молитвословие, так и косвенное призывание милости Божией. Есть и такие произведения, в которых композиция, содержание, а порой и название намекают на близость церковному образцу, сюда же примыкают переложения псалмов и существующих в богослужебной практике просительных молитв. Замечено — простое благодарение или хвала Богу возносятся стихотворцами крайне редко.

Непосредственная молитва чаще всего обращена ко Господу или Пресвятой Деве Марии и, казалось бы, является наименее художественным из всех жанров духовной поэзии, поскольку автор показывает чуть ли не практическую заинтересованность в своем высказывании — то есть ждет, если верует, прямых результатов своих душевных усилий. Обычно такие стихи именуются «Молитва» или представляются автором без названия. В частности, Геннадий Иванов при всей строгости и простоте тона все же не отменяет индивидуального звучания лирического голоса, не забывает об авторском стиле, что проявляется, например, в общей композиционной симметрии или в призывном, эмфатическом перечислении имен Божиих:

*Творец, Создатель, Вседержитель,
Всевышний, Всемогущий, Сущий...*

В альманахе широко представлена и косвенная форма выражения молитвы: размышления, воспоминания, протекающие с соответствующим духовным настроением, связаны с художественной ретроспекцией молитвы или молитвой-медитацией. Переложение псалмов и церковных молитвословий, освященное духовным опытом святых отцов и облагороженное давней литературной традицией, также нашло воплощение у современных стихотворцев. Блистательное переложение «8-й утренней молитвы» и «Молитвы святого Иоанна Дамаскина (на сон грядущим)» осуществил Николай Перяслов:

*Ну что прощать тому, кто жил в любви?
В рай провести безгрешного — не в тягость.
А Ты на мне, на падшем, прояви
всю Божью милость и всю Божью благодать!
И, грех мой видя, не сочти его —
весомей милосердья Своего...*

Поэт вольно сокращает исходный текст, выделяя смысловую основу, усиливая интонационную выразительность, и, соответственно, драматический накал чувств. Молитва при этом, конечно, утрачивает святое умиротворение, но приобретает художественную заостренность и эффективность.

По композиции и основному содержанию पुще других к церковным формам молитвы приближаются «Великая Ектения» о. Димитрия Дудко и «Рождество Пресвятой Богородицы» Владимира Фирсова (которое тоже суть просительная ектеня).

Самая большая тематическая группа стихотворений посвящена православным праздникам, среди которых предпочтение отдается, конечно, господским: Пасха, Рождество, Вербное воскресенье, Троица, Крещение... Автор обычно передает индивидуальное чувство духовного события, создавая «авторский тропарь», выражая субъективно понимаемую сущность праздника.

Стихотворения, упоминающие Пресвятую Деву Марию, чаще всего подразумевают предстояние перед одной из Ее чудотворных икон (в альманахе есть «Смоленская», «Огневидная», «Владимирская» и др.), связываются как с молитвой — непосредственной или косвенной, так и с празднованием отмеченного дня обретения этой иконы.

Среди посвященных православным праздникам есть и сложные по жанру произведения. Например, Юрий Ряшенцев в стихотворении «Когда Иисус вошел в столицу...» находит свое золотое сечение, гармоничную пропорцию мысли и чувства, сюжета и лирики, Священной Истории и поэтической трактовки:

*Так пронесет ли чашу мимо
Судья, себя избравший сам?
О, ветви Иерусалима,
Взмывающие к небесам!*

Множество стихотворений связано со святыми именами угодников Божиих. Генетически эти произведения тоже выходят из литургической поэзии и житийных сюжетов, которые, соответственно, преобразуются в лирическое поминание-медитацию и более значительную по объему и композиции легенду. В стихотворении «Памяти преподобномученицы Елисаветы Феодоровны» Елена Исаева через образ святой приходит к обобщению русской судьбы:

*И кто б здесь только не искал дорогу,
Свернет он кверху, прочие забыв.
Куда идти в России, как не к Богу?
Во все другие стороны — обрыв.*

Поминание сосредоточено на художественном осмыслении влияния святого, его духовного значения, в том числе и лично для автора. Легенда же, представленная некоторыми другими стихотворцами, снимает с себя тонкие ограничения, используя имя святого для создания персонажа, говорящего и думающего по «сценарному» вдохновению автора. Таким образом, сюжет формально приближает читателей к первоисточнику, событиям жития, но вольная трактовка удаляет от правды святого образа, создавая иллюзию исторической и духовной достоверности.

Еще одна жанровая разновидность произведений о святых широко разрабатывается Олесей Николаевой и отчасти священником Вячеславом Шапошниковым в «Евангельском свете...» В основе композиции этого типа — духовный параллелизм, а священные имена суть аллегорические символы, когда фрагмент Священной Истории или жития вдруг оказывается и внутренним миром лирического героя, его непосредственной жизнью, и столкновением онтологических понятий:

*И когда я умру, уже не имущая вида,
и когда надо мною скажут: она уснула, —
царь Саул, наконец, нагонит царя Давида.
И Давид поразит Саула.*

Сконцентрированные внутри человека противоречия, получают право на «высокий штиль» и торжественный интонационный размах (не без помощи длинной строки): стих начинает звучать подобно античной трагедии. Опираясь на крепкую, многоуровневую художественную концепцию, Олеся Николаева сочетает изобретательную форму и вдохновенное содержание.

В сборнике православной поэзии чаще других событий Священной Истории вспоминается последняя неделя земной жизни Спасителя. И, конечно, эмоциональная доминанта страстных стихов — сострадание Господу. Многие авторы полагают свои творческие усилия на создание образа Иисуса Христа, молящегося в Гефсиманском саду или принимающего муки на Голгофе. Но, приходится признавать, что воспроизвести масштабы спасительной трагедии, уловить затихающий пульс божественного сердца — задача заведомо невыполнимая. Особенно если нет соответствующей, смиренной, точки зрения, особенно если перерабатываются в стихи слова самого Спасителя, то есть когда в угоду литературному фантазированию искажается

евангельское Слово, а образ Господа независимо от воли автора приобретает апокрифические черты.

Особой семантической весомостью в альманахе обладает образ храма, символизирующий не столько спасительный ковчег, несущий нас по бурным житейским волнам в Царствие Небесное, не столько сам Горний Иерусалим, но более всего нашу страну — Россию, земную и небесную, а колокольни, звон колоколов дополняют этот символ. Храм-постройка, обращенный к восходу, неотделим от духовного понятия Церкви как Тела Христова, то есть от идеи соборности, сораспятия и, следовательно, залога русского Воскресения.

*...Упало солнце прямо на дорогу
И церковь, золотым озарена,
Стоит уже не верящая в Бога
И ставшая хранилищем зерна.*

*Зерно мерцает золотисто-серым,
Лучи летят по стенам, щели рвут,
И сам Христос хранит его, как веру,
И голуби, как ангелы поют.*

Евгений Юшин переживает мистическое существование храма вопреки истерзанной архитектурной оболочке. Жизнелюбие, оптимистический настрой автора простираются далеко за пределы земного существования, он доказывает «от противного» неизбежность загробной встречи с дорогими людьми:

*Там столько родни проживает!
Там столько людей увидеть!
И там уже не умирают.
Оттуда куда умирать?*

Тема смерти у других авторов альманаха, как правило, воплощается с разными оттенками задумчивой печали, тихой надежды на встречу с близкими, веры в милосердие Божие. Сама смерть тесно связывается с образом Небесной Руси — местом блаженного пребывания святых отцов Церкви и праведных предков. Разве счесть, сколько добрых людей пострадало за веру, сколько — за родную землю, а сколько надорвалось в непосильных трудах и бедности! Они не могли не найти утешения у Господа. Поэтому для многих православных стихотворцев Горняя Русь существует куда более реально, чем современная земная. Именно ее многоголосая молитва спасала и спасает нас от инородной суеты тщеславия, от погружения в чуждую пестроту похотей мира сего. Следовательно, жизнь — это путь к родным, домой. Правда, еще в XVIII веке Р. Блэр в рамках жанра так называемой «кладбищенской поэзии» (подхваченного у нас чуть позже В. А. Жуковским, А. С. Пушкиным и др.) успел трактовать человеческую смерть как путь, который «ведет нас к дому». Однако у рассматриваемых авторов речь, во-первых, идет о жизненном пути, когда этическое звучание заглушает романтическое. Во-вторых, умиротворенный пейзаж как неотъемлемый атрибут жанра уже не

является столь обязательной декорацией для раздумий лирического героя. И, наконец, философский настрой превращается в эмоциональное послание к усопшим предкам, порой с благоговением молитвы.

«Путь домой» — название поэмы Светланы Кековой, для творчества которой характерна образная кумулятивность (запечатленная также в организации частей поэмы, оставшейся структурно открытой) и изящная неуловимость поэтического смысла. Светлана Кекова не излагает, не формулирует, и почти не интонирует — она будто снится.

*Вновь сияет луна там, на дне опрокинутой чаши.
От тяжелого сна отдыхают родители наши,
и тоскуют о нас, и лицо закрывают руками,
талым снегом, листвою, испареньями рек, облаками...*

Замечание о мистическом единстве Русского Неба и Русской Земли художественно подтверждается Валерием Латыниным, Борисом Лукиным, о. Владимиром Неждановым, Евгением Семичевым и другими авторами альманаха. Сознание же такого духовного единства, как известно, и выступает определяющим свойством русской ментальности. Иначе в Россию верить не получится. «Быть русским — значит верить в Россию так, как верили в нее все русские великие люди, все ее гении и ее строители... без веры в Россию нам и самим не прожить, и ее не возродить», — почти 60 лет назад писал замечательный мыслитель-патриот И. А. Ильин⁷. Думается, посторонний, холодный взгляд расценивает такое мировоззрение как мифологизацию образа страны или психологическую компенсацию разрухи, но только не как живую и действующую силу возрождения.

На фоне экономического распада и едкого запустения в современной России мы все-таки имеем утешение видеть, как восстанавливаются храмы и постоянно увеличивается число прихожан. Нельзя сказать точно, это ли наблюдение побуждает авторов альманаха писать о воскресении страны или в основе таится поэтическое прозрение? Но, заметим, что самый факт издания, собравшего около сотни православных стихотворцев и явно без подозрительной цензурной обработки (ибо есть откровенно случайные стихи), а также повторяющиеся там мотивы веры в будущее страны — уже одаривают надеждой.

Николай Рачков создает воплощенное в слове утешение. Используя пластически выразительные интонации, дружеские обращения, в чем проявляются легкие черты послания, он добивается эффекта непосредственной речи, вводит в задушевный круг лирической беседы. А читатель может почувствовать себя чуть ли не за чашкой чая в приветном мире русского поэта:

*Лишнего, мой друг, не говори.
Живы мы. И сердце не ослепло.
Из руин встанут монастыри,
Храмы восстанут почти из пепла.*

⁷ Ильин И. А. О русском национализме. Сборник статей. М., 2007. С. 14-15.

Похоже, стихи его замешаны не столько на собственном чувстве, сколько на сочувствии. Автор преломляет лирическое эго, подобно герою цитированного выше стихотворения И. Бунина, разделяет пространство души со всеми страждущими, утверждая добро.

*Крепнет дух средь безутешных буден,
И потоку сирых нет конца.
Это преподобный отче людям
Возвращает
Память и сердца.*

Возрождение Земли Русской у многих авторов не случайно связывается с образом солнца, великого небесного светила. Этот символ при желании можно было бы для начала соотнести с древнеславянским солярным культом Дажьбога, но такой ход мысли вряд ли прояснит поэтические чувствования авторов альманаха «День православной поэзии». «И просияло лице Его, как солнце, и одежды же Его сделались белыми, как свет» (Мф. 17, 2), «Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Ин. 7, 12) — это Христос Бог наш, который и есть «Солнце Правды» (тропарь праздника Рождества Пресвятой Богородицы, дня Куликовской битвы). Следовательно, одно из важнейших значений символа «русское солнце» — Царь Небесный, Бог Слово, Бог Любовь. А с государственной точки зрения — спасительная православная вера. Другое толкование символа — целостное величие нашей страны, уникально протяженной сквозь двенадцать часовых поясов, единственной, над которой никогда не заходит небесное светило, ибо только одна Россия — страна вечного солнца. Итак, семантическая основа символа «русское солнце» — это великое, неделимое православное государство. У о. Владимира Нежданова образ пасхального солнца-свечи подспудно получает еще и дополнительную народную характеристику, так как его солнышко — красное (ведь праздничная свеча отличается от прочих прежде всего цветом):

*Под небесным сводом все горит пасхальной свечкой
Солнце русское в заветной синеве.*

Образ солнца, на первый взгляд, причудливо сочетается с образом горящих свеч, причем в последнем случае происходит перекодировка смысла народного символа с отрицательного на положительный. «Так да светит свет ваш перед людьми» (Мф. 5, 16). Вспоминая евангельскую притчу о мудрых и неразумных девах (Мф. 25, 1-13), мы догадываемся о духовном значении образа малого светильника или свечи: если у человека есть светлая, делающая добро душа, значит и есть пропуск в грядущий Свет. Андрей Дементьев выражает через простой и трогательный образ свечи сущность христианской любви и согласия — известно ведь, что божественная милость подается нам из рук наших ближних:

*Свеча от свечи... И еще одно пламя,
Еще один маленький факел любви.
И стало светлее и радостней в Храме,
И слышу я сердцем молитвы твои.*

Андрей Витаков с образом солнца связывает смысл духовного единения не только русских, но и всех прочих славянских народов:

*Я поставлю свечу, чтоб огонь мой зажег
Беловласое солнце славянства.*

В православном контексте восприятие может зафиксировать и древнеславянские оттенки образа во многом благодаря эпитету-олицетворению. Но, усложняясь, поэтическое содержание дает свежее ощущение нашей самобытной истории.

Предчувствием нового духовного подъема пронизана также и музыкальная поэзия Александра Боброва. Автор ждет от сегодняшней опустевшей земли возрождения, великих духовных плодов, что нашла в себе силы понести Русь времен преподобного Сергия Радонежского и его последователей:

*Если убрано все, что посеяно,
То опять снизойдет благодать.
Над землей преподобного Сергия
Будет русское солнце сиять.*

Поэты рассказывают и о своих путешествиях на Святую землю, в монастыри и пустыни, куда им посчастливилось попасть не в поисках развлечений для ума и достопримечательных видов, но в качестве сосредоточенных молитвенников. В таком случае стихотворец становится связующим звеном между далекой, хранимой Богом святыней и здешним, мирским читателем. В стихотворении «Свято-мироносицкая пустынь» Алексей Смоленцев приоткрывает тайну строгой, паломнической жизни:

*...как смирение, как прощанье с болью,
путнику — приют, идеже свет —
два стремленья: Храм и Колокольня —
православной верности завет...*

Чаще всего в альманахе встречаются стихотворения, посвященные вечному городу — Иерусалиму, а также тому святому месту, где произошла Куликовская битва.

Еще совсем недавно мы вряд ли смогли бы найти на территории нашей Родины человека, который не знал бы о величайшем историческом и духовном значении победы русских войск восьмого сентября 1380 года. Россия очнулась от национальной летаргии — от покорности дикой силе внешних врагов, а люди поверили в себя, в свою способность с Божией помощью вытеснить унижительный страх, остановить хищное разорение родной земли. Но, не будь у нас такого премудрого молитвенника и тайного полководца, как преподобный Сергий Радонежский, мы могли бы предвосхитить трагедию Куликовской битвы и навеки потерять государственную независимость, так и не познав своего духовного потенциала. Но вот перед нами как на ладони XX век, принесший неслыханные доселе беды. И страна разорена. И народ в расслабленье. А современные «политкорректные» мамы жаждут свежей добычи... Вспоминая опыт донской победы, авторы сборника православной поэзии ищут способы национального возрождения перед лицом новых опасностей. Андрей Шацков создает поэму о достопамятных событиях тех времен, называя свое произве-

дение вслед за А. А. Блоком «На поле Куликовом» (что совпадает также с заглавием заключительного раздела альманаха). Побуждаемые желанием поднять способность русского народа к мужественной обороне от лукавых врагов, способность противостоять соблазнам, сегодняшние стихотворцы создают произведения, намекающие на духовную стратегию успеха и святое дерзновение благоверного князя Дмитрия. Почти каждое произведение о Куликовской битве заканчивается воинственным восклицанием:

Валентин Штубов:

*...Два всадника несут в груди два плача.
И гневно разгорается заря!*

Алексей Клоков:

*С Богом, братие! С Богом! С Богом!
Время храбрость показать.*

Лариса Васильева:

*Вот что должно позвать на битву
всю Русь!
Иди!
И победишь!*

Было бы глупо расценивать эти слова как вульгарный призыв к оружию (противник тоже ведь давно не размахивает кривой саблей), но все-таки отчетливо слышится клич, который стремится пробудить национальное самосознание и сплотить народ в ежедневной духовной битве.

В альманахе «День православной поэзии» массив современных авторов настолько объемён, а их духовный настрой настолько высок и чист (это особенно чувствуется в сопоставлении с декадансом Серебряного века), что возникает впечатление начала новейшего периода нашей литературы. «Греческое вероисповедание» и ответственное отношение к божественной природе слова, помогающие достичь подлинных духовных и художественных высот — вот, пожалуй, самое главное, что завещано традицией русской литературы. Если страшные испытания нашей родины позади, то, осмелимся предположить, такое мощное литературное движение обещает становление Золотого века наивысшей пробы. С Божией помощью в процессе духовной эволюции зерна от плевел отделились сами, оптимистически отрицая аккуратные погосты статистики. Литературная духовность изменила вектор: до переломного рубежа XIX–XX вв. она двигалась сверху — от культурной элиты к народу, просвещая и облагораживая массы, теперь настоящая элита, рассеянная и униженная, едва-едва уцелевшая среди неисчислимых потерь, подобно многострадальному Иову, собралась с духом заявить: «Жив русский человек!» Видимо, таково ноуменальное значение сборника, выраженное как в художественном пафосе, образах и жанрах большинства произведений, так и в своей социальной ипостаси — на фоне современной книжности, выродившейся в филологических игрищах и дурновкусии. Но все ж есть предпосылки думать, что расцвета России и русской культуры мы сможем достичь только тогда, когда исчезнет необходимость в ежедневной внешней борьбе, когда вера предков вновь станет глубинной основой всего русского общества, а значит, естественно перейдет из области эстетической манифестации в сокровенные тайны сердечного ритма каждого из нас. Это, однако, не мешает поздравить друг друга с днем духовной поэзии — ибо он наступил: русское солнце восходит, вселяя надежду на грядущий — самый драгоценный! — век нашей литературы.

ПОЭЗИЯ

Елена ШАЛЯПИНА

«ВСЯ ЖИЗНЬ МОЯ ЗА ЭТОЮ СТРОКОЙ...»

Елена Леонидовна Шаляпина — родилась в Ленинграде в 1955 г. Окончила Ленинградский кораблестроительный институт. Работает библиографом в Центральной военно-морской библиотеке и, одновременно, свечницей в православном приходе Крестовоздвиженского собора на Лиговском проспекте. Автор поэтических публикаций в журналах «Нева» и «Аврора», книги стихов «Сад одиночества» (1993). Живет в Санкт-Петербурге.

* * *

«Нет в жизни счастья, — он сказал, —
Я в чудеса не верю,
И ты — совсем не идеал.
Все надоело мне», — сказал.
Ушел и хлопнул дверью.

Не верить можно. Но — забыть!
Он слеп и глух, должно быть.
Нет счастья? Как ему не быть...
Оно умеет уходить
И даже дверью хлопать.

* * *

Дорога... плечо... белизна за окном...
И душ неслиянность — уже не химера.
На этом, быть может, и держится вера
На стыке дорожном меж явью и сном.

И даже не важно, зачем и куда
Мы едем, придерживаясь расписанья
Земного, и сами мы или не сами
Сей выбрали поезд... Люблю поезда.

За этот протяжный, совместный прыжок,
Точнее — полет. А куда и откуда —
Бог ведал! И белой свободы ожог —
Свидетельство жизни на уровне чуда.

* * *

Понимаю, что так не бывает.
Но случается, ведь, иногда!
А весна с каждым днем прибывает.
Уплывают к себе холода.

Одевается светом крещальным
Куст черемухи в утренней мгле.
Сердце воздухом дышит прощальным,
Как в последний свой день на земле.

Дышит сердце мое лебединым,
Легким небом, почти золотым...
Разве хлебом жива я единым?
Или счастьем, лукавым и злым?

* * *

Господь и Бог мой, Ты со мной!..
И нет достаточного слова
Для выраженья неземного.
Я сердца легкого такого
Не знала в суете земной.

И тополь за окном в снегу,
Что облако на небе черном,
Тому свидетелем безспорным
Дышу я воздухом нагорным
И надышаться не могу.

* * *

Такая боль... не вижу ничего..
О чем поешь ты, муза, не пойму я,
Оплакивая или торжествуя
Крушение сердца, сердца моего.

Ты хорошо поешь, твой голос чист.
Да что мне в том? Ты видишь — я убита.

Стоят мои часы, тетрадь раскрыта,
И мертвенно белеет чистый лист.

Хотя б строку вписать своей рукой..
Вся жизнь моя за этою строкой.

* * *

Плачь, сердце, плачь, пока возможно,
И помыслы твои чисты.
Существование безбожно,
Когда не станешь плакать ты.

Над этой злой, над этой светлой,
Над этой тщетной маятой,

Не жалуйся, не лги, не сетуй.
Плачь, сердце, — это праздник твой,

Твоя свободная стихия,
Твоя победа и беда.
Простятся нам глаза сухие.
Жестокосердые — никогда.

* * *

Что, собственно, я знаю о душе?
Что рассказать могу о ней такого?
...От сна очнувшись в четверти седьмого,
Я вспомнила, что я жила уже.

И ощутила, что душа — сладка,
Густа и тяжела, как мед цветочный,
Наполнивший такой сосуд непрочный..
И утро раннее уже горчит слегка.

* * *

Время листьям с тополей лететь,
С легким стуком под ноги проходим
Падать и чуть слышно шелестеть,
Если, проходя, их потревожим.

Утром тихо в городском саду.
Дети кормят уток белым хлебом.

Ива наклоняется к пруду,
Стынет ива под открытым небом.

Каждой ветки обнаженный жест
Нам свидетельствует: время, время..
Дерево и то несет свой крест,
Наравне и до конца со всеми.

* * *

Погоды нет, но нету и дождя.
Вид Петропавловки еще наряжен.
Игру зеленых, красных, рыжих пятен
Запомню я, отсюда уходя.

Потом, когда октябрь сойдет на нет
И оскудеет этот щедрый цвет,

Останется лишь золота немного
Вверху, в пространстве между мной
и Богом.

Не разлюбить бы мне ходить сюда.
Не позабыть бы, как течет вода
Вот здесь, под Иоанновским мостом,
И ангел осеняет нас крестом.

* * *

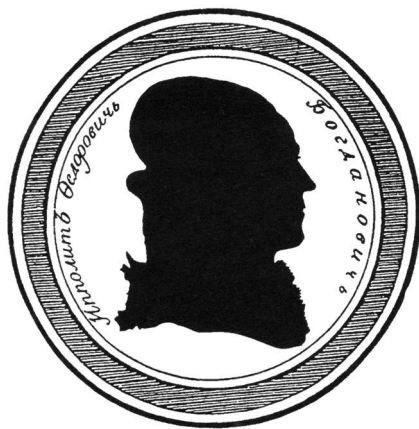
Да, свет в окне и должен быть таким,
Чтоб жить и умереть могла я с ним.
Не потому, что нам иного не дано,
А потому, что этот бьет в окно.

Его лучи остры и горячи.
И я его приветствую лучи.
А тот, который, говоря, иной,
Он — трепет легких крыльев надо мной.

* * *

За это небо дымное вокруг,
За эти безобразные изломы
Архитектуры и заломы рук,
(О прочем промолчу), за этот омут
Отчаянья, над коим лепота
И несказанность звездная творится,
Блаженная дана нам слепота —
Влюбиться в жизнь и,
сколь возможно,
длиться.

РУССКИЙ СИЛУЭТ

*Неизвестный художник.
Поэт, драматург Ипполит
Федорович Богданович. 1805*

Вечеринка лицеистов

Русский Паломник

**Николай
ПЕРЕСТОРОНИН**

ГАНИНА ЯМА

Николай Васильевич Пересторонин — родился в 1951 г. в городе Кирове. Работал фрезеровщиком, слесарем на заводе, затем в редакциях областных газет. Окончил факультет журналистики Уральского университета. В настоящее время работает в газете «Вятский край» редактором отдела культуры. Автор более десяти книг, лауреат многих литературных премий. Член СП России. Заслуженный работник культуры РФ. **Живет в Кирове.**

Российский маршрут покаяния не минует этот старый рудник в Коптяковском лесу, в урочище Четырех Братьев. Сосны и березы здесь уже распрямились, но шумят еще осенними ночами, качая высокими кронами. Не забывают сами и людям не дают забыть о том, что происходило в этих местах много лет назад, в середине июля 1918 года...

Два часа разницы

Хмурое, почти серое утро заводской окраины. Лесистые горы, бесхозный трамплин на правой вершине. Так похоже на Филейку, только все же не Филейка. Это Уктус, промышленный район Екатеринбурга. Храм-новодел, освященный в честь Преображения Господня, не похож ни на один из вятских ни внутри, ни снаружи. Но большая икона Николая Великорецкого на аналое — как привет с родной земли и знак, что ничего случайного в мире нету.

Прихожане этого екатеринбургского храма были среди участников Великорецкого крестного хода, из старинного вятского села на берегу реки Великой и привезли домой полюбившуюся им икону, благо есть в Преображенской церкви придел в честь святителя Николая. А теперь и мы, вятские паломники, собрались в дорогу, чтобы побывать в монастырях и храмах Екатеринбургской епархии, проехать маршрутом покаяния от Храма-на-Крови через Ганину Яму до Алапаевска. Ехали день, ехали ночь, перевели часы вперед — разница с московским временем и с кировским два часа — отстояли литургию и уже принимаем предложение настоятеля Преображенского храма протоиерея Николая Ладнюка побывать в кафедральном Свято-Троицком соборе. Там последние дни гостит всероссийская святыня — Почаевская икона Божьей Матери.

Суббота и, похоже, нерабочая. Под сводами собора таклюдно, что кажется: у входа и останемся, никуда не пробиться. Но к иконе в лучистом окладе, поклониться которой, наверное, весь город пришел, нас пропустили без очереди. И от этой благосклонности, оттого что святыня, от которой будто свет исходит, чудесным образом приблизилась, ничего другого вокруг не замечаешь. И только потом, уже приложившись, видишь небывалый иконостас, богатую роспись сводов, и что удивительно — книги. На столах, стеллажах, в книжных шкафах, тесно расставленных вдоль левой стены — будто ярмарка православной литературы разместилась в соборе. Не успев удивиться, покупаю «Путешествия в Святую землю» за десять веков. В Иерусалиме не мог приобрести, в Москве — а тут пожалуйста. Так что «Если вы не бывали в Свердловске...»

Свердловск, Свердловск, Екатеринбург... Я учился в этом городе, помню его улицы (Малышева, Белинского и т.д.), трамвайные пути, ратушу с часами, мост через Исеть, родной универ. Но таким вот, с белыми храмами, построенными в последнее десятилетие, Патриаршим подворьем и Святым кварталом, которые начали строить сразу же после освящения Храма-на-Крови почти в центре города, не знал. И кручу головой, высматривая приметы нового и знакомого, и нахожу и не нахожу. Вот памятник Свердлову — так и стоит в сквере перед УрГУ, вот «Космос» — раньше здесь такие фильмы показывали! А Ипатьевского дома нет. Но стоит, стоит перед глазами этот вросший по этаж в землю особняк какого-то неопределенного, не желтого и не белого, цвета стен. Неужели он выглядел более приветливым, когда царская семья была доставлена сюда в начале мая 1918 года и великая княжна Мария писала в своем письме З. С. Толстой: «Устроились мы пока хорошо. Домик маленький, но чистый, жаль, что в городе; потом сад совсем маленький. Когда приедут другие, не знаю, как мы устроимся, комнат не очень много. Я живу с папой и мамой в одной, где и проводим почти целый день. Только что выходили в сад, погода серая, и идет дождь...» Запомнил ли тот дождь цесаревича, как самого дивного ребенка, о каком можно было мечтать: с чудными белокурыми кудрями и большими серо-голубыми глазами, оттененными длинными загнутыми ресницами, с ямочками на круглых щеках, которые обозначались всякий раз, когда мальчик улыбался? Чеканил ли слова великой княжны Татьяны, замкнутой, сдержанной и сосредоточенной блондинки, которая однажды написала маме: «Я буду молиться за тебя в церкви..?» Или безмолвно проливался на царственных страстотерпцев, о которых задолго до прославления один из приближенных сказал: «Я не умею рассказывать про характеры царской семьи, потому что я человек неученый. Я скажу про них просто: это была самая святая и чистая семья...»

А когда я встретился с Ипатьевским домом летом одна тысяча девятьсот семьдесят пятого года, дождя не было и светило солнце. И как гром среди ясного неба прозвучали слова Леонида Макарычева, большого знатока всевозможных исторических событий: «Здесь царскую семью расстреляли, Николая II, его жену, детей и слуг». А мы с Герой из Афанасьево и не знали. Первый этаж, будто в асфальт закатанный, слепые, будто замурованные, окна второго этажа, покатая крыша, давно некрашенное кровельное железо которой можно до трещинки, до сгиба рассмотреть. А дверей не видно. Да и мысли не было зайти: какие экспонаты там рассматривать, к какой истории прикасаться? Да и не могло там быть никакого музея, чем гордиться-то?

В пору, когда первым секретарем Свердловского обкома КПСС был Б. Н. Ельцин, Ипатьевский дом снесли. Теперь его на месте Храм-на-Крови во имя всех святых, в Земле Российской просиявших. Построенный чуть ли не за год, освященный 16 июля 2003-го по благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия II при большом стечении знаменитых гостей — в день освящения здесь молились Станислав Ростропович и Галина Вишневская, глава Российского Императорского дома великая княгиня Мария Владимировна и Ольга Николаевна Кульковская-Романова, посетили Храм-на-Крови Президент России В. В. Путин, канцлер Германии Г. Шредер.

Огромный, общей площадью около 3000 квадратных метров, величественный, высотой почти 60 метров, с четырех сторон просматриваемый, открытый. И войти в храм можно с любой улицы, по периметру к нему примыкающих. Но мы подъезжаем к центральному входу, замечая — отсюда он еще больше похож на храм Христа Спасителя в Москве. Цокольный этаж, широкие лестницы, массивный фасад, памятник царственным страстотерпцам — император будто заслоняет собой дочерей и жену, на руках у него лежит цесаревич Алексей...

Здесь все буквально пропитано той горькой памятью о них. Икона Царственных Страстотерпцев — золотые силуэты на красном фоне. Мраморные плиты с именами — Романов Николай Александрович, Романова Александра Федоровна, Романова Мария Николаевна, Романова Татьяна Николаевна, Романова Ольга Николаевна, Романова Анастасия Николаевна, Романов Алексей Николаевич. Вещи из Ипатьевского дома, детская игрушка, ножка резного стула, срез тополя, что рос в его дворе. Записка Николая II: «Одно упование и надежда на милосердного Господа, да будет воля Его святая». Письмо Великой Княжны Ольги: «Отец просил передать всем, кто остался ему верен, и тем, на кого эти преданные люди могли бы повлиять, чтобы они не мстили за него. Он простил всех и молится за всех. Но чтобы они помнили: зло, которое есть сейчас в мире, станет еще более сильным, и что зло можно победить не злом, но любовью».

Углубленное, затемненное пространство, так напоминающее подвал Ипатьевского дома, где прозвучали беспощадные выстрелы. Ступенек, которые ведут к нему, немного, едва ли десяток. А 17 июля 1918 года, когда царская семья спускалась в подвал своего расстрела, их было двадцать три. И книга, которую довелось прочитать, когда дом инженера Ипатьева стоял на этой земле, называлась «Двадцать три ступеньки вниз». Читал ее, как все мы тогда читали: между строк, пропуская чуть ли неоправдывающие эту невыносимую акцию авторские комментарии, выбирая цитаты неоспоримых в своей беспощадной правде документов. Но только сейчас веет холодом от совпадения: прибавь к 18-му году 23 и получится 41-ый, год начала Великой Отечественной войны...

Горячий уголь из чаши

«Господь показал ему Государю две чаши — одну для царя, другую для России. Царь умолял Его отдать ему горькую чашу российскую. Господь отказывал, но потом внял Государевым молитвам, достал из той чаши горящий уголь и дал царю. Государь перекладывал бесконечно долго раскаленный камень с ладони на ладонь и все-таки остудил...»

Историю, ставшую преданием, сон ли свой рассказывает монах в Ганиной Яме — мужском монастыре, основанном в честь Царственных Страстотерпцев на месте уничтожения их останков. Сюда, к глухому руднику в урочище Четырех Братьев везли ночью на грузовике по старому Надеждинскому тракту тела расстрелянных в Ипатьевском доме. На первом же свертке с Коптяковской дороги повернули резко и сбросили в старую затопленную шахту. Потом достали, расчленили, жгли на двух кострах, заливали соляной кислотой. Оцепление не снимали двое суток...

Всегда представлял это место гибельным, пустынным, неприкаянным. Но в 1918 году, говорят, здесь была большая поляна, названием Четыре Брата обязанная четырем огромным соснам, что росли возле старой заброшенной шахты. К лету 1919-го от этих исполинов остались только пни. Но лет через шестьдесят братьев стало больше — здесь поднялась поднялась молодая поросль. Нынче эти сосны и березы распрямились, стали крепкими, высокими — как надежный караул последнего Императора российского и его домочадцев. И братия мужского монастыря, основанного здесь «в лето 2000 года в память и назидание потомкам», как написано на огромном памятном камне, достаточно многочисленна — на коллективной фотографии насчитал тридцать шесть монахов.

Дело есть каждому: в монастыре пекут свой хлеб, на таежных травах и ягодах настаивают всевозможные напитки, службы в здешних храмах, освященных во имя Святых царственных страстотерпцев (27 декабря 2000 года), преподобного Серафима Саровского (7 июня 2001 года), святителя Николая Чудотворца (19 мая 2002 года), Иверской иконы Божьей Матери (22 сентября 2001 года), преподобного Сергия Радонежского (16 июля 2001 года), иконы Божьей Матери «Державная» (23 сентября 2002 года), праведного Иова Многострадального (23 сентября 2003 года) — каждый день. Храмы и колокольни деревянные, с зелеными крышами, ладно срубленные, крепко поставленные, украшенные редкими иконами — в храме во имя святителя Николая, например, икона Николая Чудотворца, которая была с царской семьей в Ипатьевском доме, еще одна икона святителя — дар итальянско-российского фонда — освящена на мощах Чудотворца Мир Ликийских в итальянском городе Бари. В храме во имя Святых Царственных Страстотерпцев — родовой крест Романовых, вернувшийся в Россию через восемьдесят с лишним лет.

Асфальтированные дорожки ведут к покаянным крестам, что установлены на местах, где выгружали тела расстрелянных Романовых, где сжигали царственные останки. Возле старой шахты, куда тела сбросили, тоже крест — большой, деревянный, с железным свитком «Святые Царственные Страстотерпцы, молитесь Бога о нас!» В круговую — деревянный помост под навесом, — можно обойти вокруг почти затянувшейся, как старая рана, ямы. Перед входом в галерею — еще один свиток: «Близь сей шахты в июне 1918 года огнем и кислотой были уничтожены честные тела Святых Царственных Страстотерпцев и их верных слуг». На березе, что растет рядом — табличка с полустершейся надписью: «Господи, помилуй! Поставь на ночи и дни власть Твою святую».

Над перилами галереи закреплены цветные фотографии — крестный ход к Ганиной яме, освящение монастыря, архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский Викентий, он же настоятель мужского монастыря в честь

Святых Царственных Страстотерпцев. А шахта зарастает медленно, в неглубоком провале — корни некогда возвышавшегося здесь дерева, сухой куст. Вокруг посажены однолетние цветы, такие же растут вдоль монастырских аллей. Но там они крепко вросли в почву, а здесь подвязаны к деревянным колышкам...

Колокола с главной монастырской колокольни звонят к службе. Хорошо, что мы не торопимся, остаемся на всенощную. Должны были ночевать в Алапаевске, но ничего, разместимся здесь, в монастырском храме святителя Николая. Руководитель паломнической службы «С Вятки» Надежда Шаповал и иерей Александр Бахаревский, окормлявший нас в этой поездке, еще раз напоминают о двухчасовой разнице во времени, предупреждают, что вставать придется в пять утра, то есть в Кирове будет три часа ночи. Совершенно не пугает, соглашаемся. Когда еще в таком месте доведется исповедоваться и причаститься...

Монастырские службы долгие. В узкое, как бойница крепости, оконце храма во имя Святых Царственных Страстотерпцев видно, что день еще не угас и окружившие монастырь деревья само спокойствие. А пойдем по темноте в трапезную и зашумят-закачаются кроны, заговорят согласно сосны и березы, будто стараясь растолковать нам, не здешним, еще что-нибудь, только им веданное. А утром снова все стихнет. И только золото листвы, усыпавшее Ганину Яму, будет напоминать о полуночном шуме.

Кстати, внутри галереи, окружившей старую шахту, тоже растут деревья. В основном березы. Они не такие крепкие и белоствольные, как на всей территории монастыря, но их столько, сколько тел было сброшено в этот, еще не совсем затянувшийся провал...

Апостольник Елизаветы Федоровны

И в Алапаевске есть монастырь, только женский. И на его территории, рядом с белой часовней, есть старая шахта, которую хотели закопать, сравнять с землей, но грейдер сломался. И вообще, многое не удалось тем, кто хотел повторить здесь сценарий Ганиной Ямы. Убить-то убили, но тела уничтожить не смогли. И уже в Иерусалиме, в храме Марии Магдалины, что на Елионской горе, я видел беломраморные раки с мощами преподобномучениц — великой княгини Елизаветы Федоровны и инокини Варвары. А ведь 18 июля 1918 года в Алапаевске по замыслу исполнителей должно было повториться Екатеринбургское изуверство. Причем, изощреннейшим образом.

Из Вятки в Алапаевск были привезены находившиеся у нас под арестом великий князь Сергей Михайлович (племянник Александра II) со своим секретарем, трое князей императорской крови Иван Константинович и Игорь Константинович (сыновья великого князя Константина Константиновича), а так же Владимир Павлович Палей, сын великого князя Павла Александровича от морганического брака. В Алапаевске, в напольной школе (она так называлась, потому что построена была в поле — *Н. П.*) уже ждали своего часа старшая сестра последней царицы российской Александры Федоровны Елизавета Федоровна и ее верная келейница Варвара. Большевики инцинировали нападение и настояли на переезде: мол, здесь обеспечить безопасность членам императорской семьи не представляется возможным. И снова автомобиль двигался в сторону старого рудника, но уже к Нижне-

Селимской шахте. И снова был расстрел, и снова тела сбросили в шахту, для верности забросав гранатами.

Но наступали белые. Местные жители показали им место убийства. Поднимавшие тела были поражены тем, что некоторые члены императорской семьи, оказывается, сбрасывались в шахту еще живыми. Так, Елизавета Федоровна находилась рядом с одним из великих князей, раны которого были перевязаны ее апостольником. Сестра милосердия Марфо-Мариинской обители — после гибели мужа, великого князя Сергея Александровича великая княгиня ушла от светской жизни и мирской суеты, основав эту женскую обитель в центре Москвы — Елизавета Федоровна и умирая, выполняла свой милосердный долг, помогая ближнему...

Извлеченные из шахты тела какое-то время хранили в алапаевском морге.

Но наступали красные. И, покидая Алапаевск, белые вывезли останки великой княгини и ее келейницы. Говорят, и другие тела они брали с собой, отступая через Китай. Но о месте их захоронения ничего не известно. А вот останки Елизаветы Федоровны и инокини Варвары в 1921 году были захоронены в крипте под церковью св. Марии Магдалины в Гефсимании. Как того и хотела великая княгиня, навсегда влюбившаяся в палестинский пейзаж во время поездки на Святую Землю в год, когда освящали здесь храм Марии Магдалины. Еще Гессен-Дармштадская принцесса, она стояла рядом с супругом своим Сергеем Александровичем и, очарованная торжественной красотой богослужения, прошептала: «Как бы я хотела быть похороненной здесь!» И была услышана. Как, говорят, слышит теперь сама, исполняя молитвенные просьбы россиян, которые хотят поклониться святыням Русской Миссии в Иерусалиме. Вот и сестры алапаевской обители побывали недавно здесь, молились и трудились. И как итог тех трудов, 24 сентября в Екатеринбурге открылась выставка рисунков монахинь Алапаевского женского монастыря во имя Царственных Страстотерпцев, она называется «Сестры рисуют Святую Землю».

А Алапаевск сегодня — это Екатерининская церковь, на Божественной

Поклонный крест над шахтой, где были уничтожены честные останки Царской Семьи. Ганина Яма. Екатеринбург

литургии в которой мы были. И дивились красоте и намоленности старых икон — «Архангел Михаил», «Божия Матерь “Скоропослушница”», «Иисус Христос, благословляющий детей». Церковь эта старинная крепко стоит на уральской земле, ее ни решились закрыть даже когда Екатеринбург назывался Свердловском. На кладбище возле церкви много памятников с вятскими фамилиями.

Алапаевск сегодня — это мемориальная комната в напольной школе, в которой ждали своей участи члены царской фамилии. И женский монастырь, на территории которого новый храм во имя Исповедников и Новомучеников Российских, белая часовня, покаянный крест возле шахты, куда сбросили тела великой княгини Елизаветы Федоровны, ее келейницы Варвары и членов царской фамилии. Место это обнесено железной оградой, поза которой растут грибы, а внутри все никак не затянется поросшее травой углубление — все что осталось от старой шахты. Стоишь бессловесный и думаешь: Ганина Яма, провал российский истории, зарастает быстрее.

Симеонова тропа

Вятских в эти места выкликали. И, отзывчивые люди, откликались они на призыв правительства, ехали в Верхотурье и Меркушино, как в Сибирь, осваивать новые земли. Но дороги здесь уже были хоженные и встречались на них чудеса и чудотворцы. Один из них звался Симеоном и говорил: «Молю вас, братия, внемлите себе, имейте страх Божий и чистоту душевную».

Меркушинская подкова

Симеон, Верхотуровский чудотворец, на одних иконах изображается со свитком в руках, а на других рядом с Николаем Чудотворцем. Что дорого вятскому сердцу, которое считает святителя Николая покровителем нашей земли. А прихожане храмов Екатеринбургской епархии считают, что уральской...

Над Меркушино облака будто замерли, уплывать никуда не торопятся. Теперь здесь красиво, есть на что засмотреться. Каменистый берег таежной реки, ухоженное селение, памятник павшим в годы Великой Отечественной войны — не безликая стела, а каменная арка с иконкой Вседержителя, выполненная в стиле монастырских строений. С высоты птичьего полета здешнее подворье Ново-Тихвинского женского монастыря, наверное, видится счастливой подковой. По краям ее два новеньких храма Михаила Архистратига и преподобного Симеона, соединенные галереями. В левом, искусно украшенном изнутри мраморными плитами и малахитовыми колоннами, серебряная рака с мощами пресвитера Константина. В правом, тоже изрядно украшенном, гробница Симеона Верхотурского, родниковая вода, чудным образом явившая свою целебную силу. Монахиня рассказывает историю обители, показывает фотографии — как было, что стало. Разница разительная. И снова, как провал в истории, промежуток между давним и нынешним...

Как же хотели те, что пришли сюда в восемнадцатом, чтобы ничего этого не было. Разорили с таким трудом построенные церкви — храм архистратига Михаила, например, строился не одно десятилетие — мастеров подходящих не находилось. Священников принуждали отказаться от веры.

Молодой священник Константин Богоявленский, приехавший в Меркушино в начале семнадцатого и послуживший в здешней обители всего год, был тверд духом и его расстреляли 14(27) июля 1918. Последовавших примеру пресвитера иереев тоже. «Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего, во иерейстем чине Тебе послужившего, имя же его Ты один веши» — начертано теперь на железных крестах возле восстановленного уже в наше время храма архистратига Михаила. А на том, что побольше, можно прочесть, что здесь же при строительстве того же храма были обретены святые мощи пресвитера Константина Богоявленского (1896—1918). Дата обретения — 18 мая 2002 года. Этим мощам мы и кланялись в храме архистратига Михаила. Мраморные ступени, серебряная рака, крышка, в которой 120 килограммов драгоценного металла...

Провидению было угодно, чтобы мощи Симеона Верхотурского, хранившиеся до 1704 года в гробнице меркушинского храма во имя преподобного, были перенесены в Верхотурье. И хорошо, что меркушинцы не видели, как уже в 1918-м измывались над ними большевики... Они-то своего святого собрали в дорогу любовно: положили мощи в кедровую раку, укрыли лебяжьим пухом. И шли долгие версты Крестным ходом. Только юродивому Косьме, немоществующему ногами, было трудно одолевать весь путь и он говорил, притомившись: «Брате Симеоне, давай отдохнем». И рака с мощами преподобного останавливалась, никакими силами нельзя было сдвинуть ее с места, пока Косьма не говорил: «Пошли, Симеоне, дальше, отдохнули слава Богу...»

Мощи преподобного были принесены в Верхотуровский монастырь, хранились сначала в монастырской деревянной Покровской церкви, затем в каменной Николаевской, где вместо медной раки для них была устроена серебряная. Но в виду увеличения братии и приходящих на поклонение богомольцев Николаевская церковь оказалась малопоместительной и строится Преображенский храм (1821—1837) и Крестовоздвиженский собор (1905—1915). В последнем и хранились мощи преподобного Симеона Верхотурского, пока в 1918-м не нагрянули в Верхотурье большевики. Они вынесли из Свято-Николаевского монастыря раку с мощами, опрокинули ее на стол и полетел над землей уральской лебяжий пух. Люд верхотуровский ловил пушинки, уносил домой, а пух все летел и летел, подхваченный ветром, падая в тех краях, где подвизался преподобный Симеон, где жил и чудотворствовал.

Теперь Симеонова тропа — асфальтная лента с монастырями и храмами, часовнями и памятными крестами. Белый как снег, с иголочки отстроенный женский монастырь стоит на том месте, где некогда останавливался для отдыха Косьма. Мощенный двор, небольшой храм с красивым, в греческом стиле расписанном иконостасом и порусом вместо привычного для современных церквей паникадилом. Монахинь немного, всего пять, но со всеми делами монастырскими они управляют: есть кому службу служить, послушания нести, в колокола звонить. Правда, такого звона, каким порадовал Игорь Шиляев, звонарь вятского храма во имя мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, они не слышали. Улыбаясь, Игорь уже спускался с колокольни, а большой колокол еще гудел. И эхом плыл вятский звон в Меркушино и Верхотурье, в Алапаевск и Екатеринбург. А наш автобус притормаживал у небольшого деревянного храма, вокруг ко-

того еще кипела работа. Он будет освящен во имя всех Святых, в земле сибирской просиявших. Ведь эти места издавна Сибирью называли, хотя по всем современным географическим признакам — Восточный Урал. Но как в Сибирь ехали сюда выкликанцы (от слова «клич», откликнувшиеся на призыв правительства заселять новые земли — *Н. П.*) из граничивших с этими местами Новгородской, Вологодской и Вятской губернии. И оставались, зачарованные красотой ландшафта и преданий. С этого камня ловил рыбу преподобный Симеон, на месте, где теперь стоит памятный крест, была его любимая ель: паломники отламывали по веточке, унося с собой на память, ель засохла и по весне унесла ее вышедшая из берегов Тура. Неподалеку стенд с надписью: «Братья и сестры! Мы просим вас о бережном отношении к этой Святой Земле»... Вот и сказано слово. И я еще буду удивляться, что так много напоминаний об Иерусалиме и Палестине в этих краях?

«Просим ваших молитв...»

Чем прославился Симеон Верхотурский? Был прост и набожен, стремился к богомыслию и душеполезным подвигам, исполнял все заповеди Христовы и благотворчествовал. В Верхотурскую страну пришел не ранее 1620 года, поселился в Меркушино. Жил своим трудом: шил шубы с нашивками хозяевам, у которых снимал угол. С богатых брал столько, чтобы хватило на жилье и пропитание, от бедных уходил, чуточку не дошив, чтобы не брать с заказчика плату. И рыбы ловил ровно столько, чтобы хватило на день пропитаться. Обходился без излишеств, все жертвовал на храм. Ко Господу отошел молодым, едва ли исполнилось ему сорок лет. И много чудесных исцелений было по его молитвам.

Крестьянский сын Вятской губернии Орловского уезда Верхотурский волости Иван Федоров Иванов прибыл в Нижне-Турский завод на заработки и заболел. Усердно молился, дал обет святому угоднику Божию Симеону сходить в Верхотурово и отслужить молебен. Исполнив обещание, почувствовал себя совершенно здоровым. Но напился холодной воды и после вечера, придя в гостиницу, почувствовал необыкновенный жар, сделалось с ним расслабление и озноб. Но на всюнощную все-таки пошел и во время оной усердно молился праведному Симеону о выздоровлении. Когда окончилось богослужение, почувствовал себя совершенно здоровым...

И мы едем в Верхотурье. Уже на въезде в город автобус наш обгоняет «Москвич», водитель которого, резко затормозив, интересуется: «В какой монастырь следуете?» — «В мужской!» — «Давайте за мной — дорогу покажу!»

Свято-Николаевский мужской монастырь один из старейших в России. В Преображенской церкви — монастырский порядок богослужения, исповедь почти у дверей храма, в специально отгороженных ширмой уголках, прихожане стоят в нешироком переходе между приделами, монахи служат там, где царские врата, иконы. Свечки передаем через послушника, который когда служба заканчивается, убирает цепочку: можно пройти в главный зал, приложиться к мощам преподобного Арефы, настоятеля монастыря.

Купола Крестовоздвиженского собора в лесах — идет реконструкция. Но службы идут, у раки Симеона Верхотурского молебен. Храму почти девяносто лет, а иконы новые, фресок нет. Фаянсовый иконостас воссоздан, сень, кото-

рая стоит почти посередине собора, шире той, что была изготовлена для раки с мощами преподобного Симеона товариществом «Хлебников и К» и высочайше утверждена в 1913 году. В июле 1914 года на литургии в Крестовоздвиженском была великая княгиня Елизавета Федоровна. Из Царского Села в Верхотурье часто летели телеграммы — Николая II, Анастасии, Александры Федоровны. «... Просим вас отслужить молебен у раки святого преподобного Симеона Верхотурского Чудотворца и помолиться с отцом Макарием о ниспослании благословения», «Прошу ваших молитв о дальнейшем преуспевании моей родины». В Ипатьевском доме, кроме иконы святителя Николая, у царской семьи была и икона Симеона Верхотурского. Так Симеонова тропа пересекалась с покаянным маршрутом. На уральских просторах и в вятском сердце. И звучит в автобусе, возвращающемся в Вятку, песенное поминовение:

«Николай, Александра,
Мария, Анастасия,
Ольга, Татьяна,
Алексий...»

И молитвенное: «О святой и праведный Симеоне, чистою душою в небесных обителях в лике святых водворяясь, испроси нам от Бога прощение...»

РУССКИЙ СИЛУЭТ

*Н. Симонович—Ефимова. А. С. Грибоедов.
Силуэт для пригласительного билета
юбилейной выставки 1929 года*

История и современность

**Ольга
АВДЕЕВА-МОКРАК**

НЕРВУЩАЯСЯ НИТЬ ВРЕМЕНИ

Ольга Авдеева-Мокрак — родилась в Кишиневе в семье военнослужащего, жила с родителями в Калининграде, Севастополе, Николаеве, Кронштадте. Окончила «английскую» школу, получила высшее экономическое образование в Кишинёве. В 2007 г. заочно окончила Богословский колледж в Москве, является членом Ассоциации русских писателей Молдовы и членом Совета Русских общин. **Живет в Кишиневе, Молдова.**

Какие интересные и неожиданные встречи и открытия преподносит нам жизнь, даже, когда мы этого не ожидаем. В чужой и далекой от нас Японии, читая книгу петербургского писателя Дмитрия Каралиса «Записки ретро-разведчика», я впервые почувствовала и осознала, что все люди связаны друг с другом, не только в разных уголках планеты, но даже через толщу веков.

Там, в далеком Токио, я продолжала узнавать все глубже и ярче тех людей, с кем встречалась в Северной столице России в сентябре-октябре 2006 г. События большой духовной значимости, участницей которых я оказалась, предстали для меня в новом свете, и протянулась прочная, трепещущая нить из века XIX в наш XXI век, в нашу современную жизнь.

Возможно, это провидение так ведет меня по жизни, по странам, знакомит с такими интересными людьми, чтобы я осознала неслучайность своего прихода в этот мир, чтобы почувствовала ответственность за каждый свой шаг и поступок.

В конце сентября 2006 года в Петербурге состоялось захоронение императрицы Марии Федоровны, тело которой привезли из Дании, где она скончалась в Видере 13 октября 1928 года, а похоронена была в Роскильдском соборе после отпевания в Копенгагене. Согласно предсмертной просьбе императрицы, она была погребена в Петербурге рядом с супругом императором Александром III в усыпальнице Романовых в соборе Петропавловской крепости.

Если бы мне кто-то раньше сказал, что эти события будут значимы для меня, я бы очень удивилась. Но живая нить истории, Божье Провидение направляет нас, если мы этому не противимся.

Итак, по порядку. Каким образом книга Дмитрия Каралиса, описываемые там события связались для меня с вышеупомянутыми фактами и именами императрицы Марии Федоровны и ее супруга Александра III?

Книгу «Записки ретроразведчика» мне любезно подарил автор с дарственной надписью: «Милой Ольге на добрую память от дружесственного ретроразведчика».

Поздними вечерами и ночами в Токио, находясь в уютном номере отеля «Park Tower», я взялась читать роман «В поисках утраченных предков» — вторую часть книги. С чувством детского нетерпения и любопытства вместе с автором я путешествовала по залам архивов и библиотек, радовалась удачному результату поисков и огорчалась неудачам. Я углубилась в историю рода Каралисов, ожидая развязки и новых открытий.

Мне была близка жажда автора больше узнать о своих предках, о происхождении своей необычной для России фамилии. Как увлекательно и доверительно писатель беседует с читателем, щедро делясь своими открытиями! Легкий и искрометный юмор освещает все повествование.

Долгое пятилетнее исследование автора приводит его к историческим корням по материнской линии в Молдову, к знакомству со своим древним дворянским родом Бузни. Эту фамилию нашел наш современник, кишиневский историк Евгений Александрович Румянцев, в архивных фондах Бессарабского дворянского депутатского собрания.

Имя прадеда писателя — *Иван Константинович Бузни*.

Дворянское собрание в Бессарабии реально сформировалось лишь в 1818 году после присоединения к России. Это событие было приурочено к приезду императора Александра I на земли нынешней Молдовы. Интересен факт, что российский император, при котором Бессарабия была присоединена к Российской империи, дважды побывал в южных краях¹.

¹ В апреле 1818 года Александр I по пути из Варшавы отправился... «с многочисленной свитой в Бессарабию, куда прибыл 26 апреля, переправившись через Днестр. Император переночевал в местечке Бельцы, где он получил из Санкт-Петербурга депешу с известием о рождении племянника (будущего Александра II) и на радостях даровал Бельцам статус города. В этот же день, 27 апреля, император со свитой отбыл в Кишинев, где пробыл три дня, остановившись в доме Крупенского». Позже в этом же доме бывал А. С. Пушкин. В Кишиневе Александр I встречался с местной знатью, посетил больного митрополита Г. Бэнулеску-Бодони, присутствовал на богослужении, осмотрел новые здания Митрополии, Семинарии и Благородного пансиона. Утром 29 апреля Император отправился в Санкт-Петербург.

Второй раз Император посетил Бессарабию в сентябре 1823 г., приехав в местечко Хотин. (по данным книги Юрия Грекова «Родина». Издательство «Prut International», Кишинев, 2001 г.)

Императрица Мария Федоровна, 1881 г.

Доказательство благородного происхождения Ивана Бузни и его сыновей подтверждалось документами, помеченными еще 1611 годом. Это дало основание внести их в высшую — шестую часть так называемой Дворянской родословной книги. В эту часть книги записывались дворяне — представители старинных боярских родов Молдовы. Именно в этот раздел книги и был позже занесен дед писателя, отец его матери, профессор-химик Александр Николаевич Бузни.

Позже он переехал в Тамбов, где построил дом по собственному проекту примерно в 1908-1910 годах. Александр Николаевич был

высоко образованным человеком, писал научные исследовательские статьи. Знал он и пролетарского преобразователя природы Мичурина, которого перечислял вместе с другими садоводами и отнюдь не выделял на первое место.

Из книги Феликса Лурье «Российская история и культура в таблицах», разбирая раздел «Дворянство», Д. Н. Каралис отмечает, что «дворяне были исключительным сословьем — только они могли владеть душами и землями, не подлежали физическому наказанию, судились особым судом и имели внутри своего сословья некий разряд» (о нем писалось выше). Именно в такой семье родилась матушка писателя, Александра, впоследствии пережившая все ужасы блокадного Ленинграда и гибель двух своих сыновей.

Будучи настоящей столбовой дворянкой (по происхождению), мать Дмитрия Николаевича не отделяла свою судьбу от судьбы народа, среди которого жила. Во время войны она тушила зажигалки на ночных крышах Ленинграда, хитростью поймала немецкого ракетчика, безвозмездно сдавала свою кровь для больных и раненых соотечественников.

Дети этой женщины-дворянки вставали с восходом солнца и работали наравне со взрослыми, когда была нужна их помощь. А эта помощь была нужна всегда. Старшие ребята всегда жалели и оберегали младших, уважительно и с любовью относились к матушке и мужественному сильному отцу.

Кстати, дедушка писателя, Александр Николаевич Бузни, родился 1 марта 1860 года, по национальности — молдаванин. Так вот почему у его внука Дмитрия, родившегося в Ленинграде, такие яркие, живые, карие глаза, такое подвижное, выразительное лицо

Император Александр III

и просто боярские усы. Фактически, Дмитрий Николаевич Каралис своими корнями по материнской линии связан с молдавской землей, с ее древним почитаемым родом Бузни.

А у меня на молдавской земле живет моя семья, хотя своими корнями по материнской линии я связана с Архангельском, с Ленинградом, а по отцовской — с Ярославлем. В столице Молдовы, в Кишиневе похоронены мои самые близкие и родные люди: мама, бабушка (из города Лальска) и дедушка — северяне по происхождению. Они лежат в молдавской земле, которой честно служили после Великой Отечественной войны, куда их направило советское правительство. Моя бабушка — мама моей матушки, Швецова Наталья Александровна, была у истоков формирования кишиневского мединститута, руководя одним из отделов в Министерстве здравоохранения Молдовы. В основе профессорско-преподавательского состава работали направленные в Кишинев врачи и преподаватели ленинградского мединститута.

Мои родные похоронены в молдавской земле. Но душа их рвалась всегда в Россию, к родным истокам. И там, в далеком от Петербурга Кишиневе, над их могилами весной и летом шумят северные березы, южные вишни и каштаны. Упокой душу их, Господи!

Но это еще не все.

В своем романе в поисках корней и происхождения своей фамилии по отцовской линии Дмитрий Николаевич Каралис приводит ошеломляющие данные.

Оказывается, именно его прадед Константин Осипович Каралис, был кондуктором царского поезда, потерпевшего крушение в Борках под Харьковом 17 октября 1888 года. Считается, что причиной этой трагедии было нарушение правил движения поездов, когда тяжелый состав императорского поезда с двумя товарными паровозами шел с превышением установленной скорости. Именно тогда трагически погиб его прадед.

И вдруг этот год становится от нас не таким далеким и чужим, ведь в то время жили и наши прадеды. Как описано в романе писателя, в тот трагический день 17 октября 1888 года погиб и второй кондуктор, товарищ прадеда некто Стрельчунос.

Оба погибших кондуктора были полными Георгиевскими кавалерами, прошедшими с боями Болгарию. Они воевали на Шипке в 1877 году, освобождая Балканы от турецкого порабощения.

Низкий поклон вам, наши прадеды!

Интересно, что русские войска, совместно с молдавскими добровольцами отправлялись напрямиком в Болгарию с территории нынешнего Кишинева. Именно здесь 12 апреля 1877 г. перед выстроившимся на Скаковом поле² полками император Александр II обнародовал манифест о начале войны с Турцией.

Переправившись через реку Прут, армия Александра II соединилась с румынскими войсками принца Карола (будущего короля) и вступила на территорию Болгарии. Война против турок длилась два года, завершившись освобождением Болгарии от пятивекового оттоманского ига и утверждением независимости Румынии.

Из «Петербургской газеты» от 23 октября 1888 года писатель узнал, что его прадед погиб с улыбкой на лице, не будучи искалеченным, так что его товарищи и не поняли сразу, что он мертв, только лицо покрывали царапины.

Интересно, что в то время само слово «кондуктор» не соответствовало современному его значению. Кондукторы не проверяли наличие билетов (да и забавно было бы проверять наличие билетов у императорской семьи и их приближенных!), а наблюдали за техническим состоянием поездов. Кондукторы являлись воспитанниками Инженерного училища, они были и на флоте, и в армии.

На императорском составе 17 октября 1888 года кондукторы следили за новинкой — работой автоматических тормозов Вестингаузена, которые заблокировали вагон-ресторан, где находилась семья

² На месте Скакового поля, в честь исторического события была построена и ныне действует часовня.

Сегодня здесь расположен современный жилой микрорайон Рышкановка. См.: Юрий Греков «Родина» (Штрихи к портрету или Путешествие домой). Издательство «Prut International», Кишинев, 2001 г.

Александра III. Система сработала, не дав улететь под откос вагону с Императорской Семьей, жизнь Августейшей Семьи была спасена.

В своем письме после этих событий императрица Мария Федоровна писала своему брату, греческому королю Георгу I, что происшедшее было «настоящим адом». В письме императрица отмечала, что именно благодаря самоотверженной службе, в том числе и кондукторов, их семейство осталось живым и практически невредимым. В этом Ее Величество видела силу и помощь Божию. Вот что она писала в письме, приведенном в романе Д. Каралиса: «Невозможно представить, что это был за ужасающий момент, когда мы вдруг почувствовали рядом с собой дыхание смерти, но и в тот же момент ощутили величие и силу Господа, когда Он простер над нами Свою защитную руку...

Это было такое чудесное чувство, которое я никогда не забуду, как и то чувство блаженства, которое я испытала, увидав, наконец, моего любимого Сашу и всех детей целыми и невредимыми, появляющимися из руин друг за другом».

Это были слова благодарности настоящей христианки!

Мария Федоровна не сетует на то, что случилось, она благодарит Господа, за чудесное спасение, она признательна тем людям кто был рядом.

Как пишет в газете «Духовный сеятель» (сентябрь 2006 года) настоятель Антониев-Сийского мужского монастыря архимандрит Трифон: «Именно православная традиция помогает увидеть даже в самом привычном и незначительном событии особый смысл». А что же сказать о таком событии, как спасение во время крушения поезда Царской Семьи!?

Чувство благодарности к Господу вызвало в стране строительство множества храмов, посвященных этому чудесному спасению.

Картина-икона, изображающая спасение Царской Семьи во время крушения поезда, находящаяся в соборе св. Исаакия Далматского, Петербург. (Фрагмент)

Надо отметить, что семьи погибших не были брошены на произвол, их трагедию осознавало правительство и Царская Семья. Вот еще какой факт приводит писатель из газет того далекого времени: «На месте погребения всех убитых при крушении Царского поезда, 17-го октября, имеется в виду поставить памятник с обозначением на нем имен тех лиц, которые сделались жертвою катастрофы. Государь выразил министру императорского Двора свое Монаршее желание устроить осиротелые семьи, оставшиеся после всех погибших».

После гибели Константина Осиповича Каралиса осиротел его сынишка Павел, «будущий дедушка будущего писателя». Павел Константинович Каралис дослужился до поручика царской армии и в 1917 году квартировался на Невском проспекте.

Я вновь возвращаюсь к тем событиям осени, свидетелем которых мне довелось быть. Удивительно, что, будучи урожденной датчанкой, императрица Мария Федоровна полюбила Россию, где ей предстояло прожить более пятидесяти лет, приняла крещение в православие и всей душой полюбила русскую культуру и русский народ.

Возможно, что я бы не прониклась так судьбой этой женщины, если бы не побывала на выставке в Манеже, посвященной семье императора Александра III.

Александр III, Мария Федоровна и Великий Князь Владимир Александрович в экипаже на прогулке в лесу, 1894 г.

Все было тщательно продуманно организаторами экспозиции: и три фильма, которые постоянно прокручивали (их можно было посмотреть, удобно расположившись вокруг телевизора), и картины, и документы того времени.

Но самым удивительным были многочисленные фотографии, запечатлевшие семью будущего русского императора Александра III,

его старшего брата Николая и юную принцессу Дагмар. Эти фотографии, мастерски сделанные в XIX веке, передали утонченный образ красивой миниатюрной женщины с огромными выразительными глазами. Одухотворенная внешность императрицы не может оставить никого равнодушным и в наши дни.

Будущая императрица Мария Федоровна родилась в столице Дании в Копенгагене в 1847 году в семье будущего короля Кристиана IX. Будучи совсем юной девочкой, принцесса покинула свою родину и приехала в Россию, где прожила 52 года, из которых 11 лет была императрицей, а 34 года вдовствовала. Принцесса Дагмар должна была стать супругой старшего сына Александра II — Николая Александровича. Молодые люди понравились друг другу с первого взгляда, но после серьезной травмы цесаревич Николай безвременно умер, благословив перед смертью невесту и своего брата Александра.

Интересен тот факт, что на смерть великого князя принц Петр Георгиевич Ольденбургский³ (внук Павла I), с которым связана «целая эпоха русской гражданственности, культурной и благотворительной деятельности», написал Элегию.

Элегия на смерть Великого князя, наследника престола Российского⁴

*Горе постигло царя и царицу, Россию во целом.
Горе! Ведь в царской семье нет уже первенца боле.
Юн был престола надежда, радость всех братьев, сестер.
Руку и сердце свои готов был невесте вручить.
Страшной, однако, к одру был он болезнью прикован.
Молод годами вошел в сферу любви и печали:
Так далеко от России нашел он пристанище в Ницце,
В руки Господни предав себя во спасенье души.
Юноша! Нет, мы не только приносим к могиле тебя,
Ибо к искусству правленья смолоду призван ты был.
Господи! Воле твоей предадим наши судьбы смиренно,
Только Ты нас научи слышать Спасителя глас.*

³ П. Г. Ольденбургский родился в России, в Ярославле 14 августа 1812 г. Его отцом был принц Георг Ольденбургский, а мать — великая княгиня Екатерина Павловна. Она была «женщиной с умом необыкновенно возвышенным», как писал о ней А.С. Пушкин. Осиротев к шестилетнему возрасту, принц воспитывался у деда по отцовской линии — в Ольденбурге в Германии. Петр Георгиевич получил блестящее европейское образование, преуспев в юридической службе и в языках. К 18 годам он владел восемью языками. После смерти деда принца Николай I вызывает его на службу в Россию.

Будучи истинным патриотом страны, Петр Георгиевич много сделал на ниве просвещения, благотворительности и развития русской культуры и духовности.

⁴ Текст элегии и вышеприведенные материалы взяты из книги «Стихи Петра Принца Ольденбургского», главный редактор-составитель Г. Дюмонд, Санкт-Петербург, 2002 г.

*С неба Ты ниспошли утешенье, несчастным супругам,
Страшному Ты их подверг испытанию, тяжек их крест.
Молится, словно семья, единая наша Россия:
Сердце царя Ты направь, дети же все мы ему!*

Побывав в 2001 году в городе Ницца во Франции, мы с мужем посетили русский Никольский собор, начало истории которого связано с печальным событием — преждевременной кончиной цесаревича Николая Александровича. Он умер на Ниццкой вилле Бермон в 1865 году. В том же году император Александр II приобрел часть виллы и повелел возвести там памятную часовню (1867 год, архитектор Д. Grimm). А муниципалитет города назвал близлежащую улицу в память об умершем наследнике российского престола — бульваром Цесаревича. Это название меня очень удивило в то время, так как экскурсовода рядом не было, и показалось странным встретить русское название во французском городке.

Групповой снимок членов Датского королевского дома. Сидят: вторая слева — русская Императрица Мария Федоровна, рядом с ней ее отец — король Дании Христиан IX, 1895 г.

Ницкий собор был заложен в 1903 году и торжественно освящен в 1912 году. Место для этого собора подарил Николай II в парке виллы Бермон; он же выделил крупные средства на строительство. Проект был составлен петербургским академиком М. Преображенским,

известным знатоком московско-ярославского стиля. Внутренняя отделка храма заняла три года. Среди главных святынь храма — икона Святого Николая Чудотворца и Казанская икона Божьей Матери. К собору приписана кладбищенская церковь, расположенная на русском кладбище Кокад.

Ницкий храм и сегодня является частицей России в далекой Франции.

В сентябре 1866 года великий князь Александр Александрович обручился с молодой датской принцессой, и она сразу покинула Данию на судне «Шлезвиг», которое сопровождала царская яхта «Штандарт».

Интересно, что среди множества людей, провожавших принцессу Дагмар, был знаменитый датский сказочник Ганс Христиан Андерсен. Как он писал в своих воспоминаниях, на пристани Дагмар остановилась и протянула ему руку. У знаменитого сказочника навернулись слезы. Он просил Господа о милости и милосердии к юному созданию. Словно в его волшебных историях юная прекрасная принцесса покидала свою родину и отбывала в неизвестную, далекую и чужую тогда ей Россию.

На новой родине Дагмар был оказан просто ошеломляющий прием. В Кронштадте ее встречала вся Императорская Семья Александра II и военная эскадра из 20 судов. Уже 22 октября 1866 года состоялась свадьба Александра Александровича и Принцессы Дагмар. В связи со своим замужеством она приняла Православие и взяла себе новое имя Марии Федоровны. Все окружающие отмечали очарование и обаяние личности императрицы.

А фотографии того времени доносят до нас мужественный образ молодого Александра III и его юной супруги. От прекрасных карих глаз императрицы на фото трудно оторвать взгляд даже сегодня. Мария Федоровна родила супругу шестерых детей. Их первенец Николай стал в дальнейшем императором России (который правил с 1894 до отречения в 1918 году). Мария Федоровна, несмотря на свои прекрасные внешние данные и внешнюю физическую хрупкость, была сильной и решительной женщиной. Она всю свою жизнь успешно занималась благотворительностью и даже вопросами усовершенствования образования в России. Именно по инициативе Марии Федоровны в 1882 году в Петербурге возникли Мариинские женские курсы для городских малообеспеченных девушек. Она также являлась, с 1902 года, почетным членом Казанского университета, главой ведомственных учреждений императрицы Марии, куда относились учебные и воспитательные дома, богадельни, приюты для сирот. В годы первой мировой войны Мария Федоровна вела активную деятельность на посту главы Российского общества Красного Креста.

При всем этом императрица поражала своих современников знанием русской литературы и искусства. Вдвоем с супругом Александром III они вместе вслух читали Федора Михайловича Достоевского, вместе слушали и высоко ценили музыку Петра Ильича Чайковского.

Современники императрицы признавали, что, несмотря на маленький рост, в ее манерах было столько величия, что там, куда она входила, не было видно никого кроме нее.

Граф С. Ю. Витте неоднократно отмечал дипломатические способности императрицы. По своему уму и политическому чутью она играла довольно заметную роль в делах Российской империи.

Историки признают, что Мария Федоровна являлась одной из самых замечательных фигур датской королевской династии, а позже — Российского Императорского Дома. И вот именно с этой женщиной Россия должна была вновь встретиться и проститься в конце сентября 2006 года в Петербурге. Трудно осознать и представить из нашего XXI века, какие чувства владели этой хрупкой, но мужественной женщиной, когда она провожала в последний путь своего мужа, с которым ее так много объединяло. Император Александр III умер на руках у Марии Федоровны 20 октября 1894 года в Ливадии. После смерти мужа у императрицы наступила самая тяжелая полоса в ее жизни.

Восхищает и вызывает уважение женщина-императрица, у которой хватило чувства христианской любви и христианского смирения, чтобы просить упокоить свое тело в той стране, где богоборческая власть уничтожила семью ее сына императора Николая II. Как она пережила весть о гибели семьи сына Николая II и его брата великого князя Михаила? Один Бог знает! Мы можем только предполагать.

И вот я, как уже писала раньше, оказалась свидетелем событий исторической значимости. Мария Федоровна возвращалась в Петербург. По всем каналам телевидения говорили о церемонии прощания с императрицей.

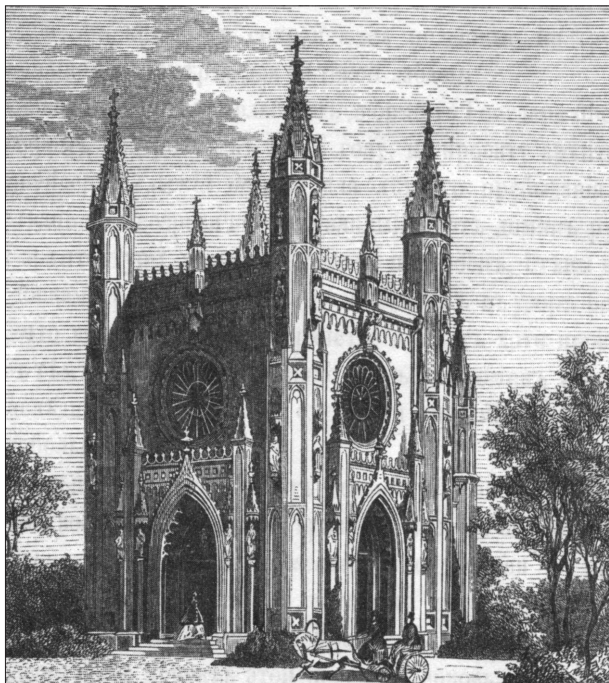
В XIX веке принцессу Дагмар вывезли на корабле из Дании в Россию, и спустя почти 150 лет ее тело проделало тот же путь. Последней точкой упокоения до погребения в Петропавловском соборе была Готическая капелла (церковь святого Александра Невского) в парке Петродворца. Гроб с телом императрицы находился там два дня, и все желающие могли проститься с ней в тихой и родной для нее обстановке. Прощальные панихиды шли одна за другой.

Я, конечно, не могла туда не поехать, это было моей внутренней необходимостью, это нужно было именно мне. Не знаю, был ли еще кто-либо возле гроба Марии Федоровны связанный кровными узами с молдавской землей, но мне это довелось. Я испытывала удивительно благоговейное чувство, когда направлялась к Готической капелле, где раньше никогда не была. Чувство внутренней сосредоточенности и собранности, надежда поклониться и прикоснуться к гробу, в котором покоится тело императрицы. Состояние напоминает то, какое тебя охватывает, когда идешь на исповедь и готовишься к причастию. Возможно, это объясняется моим состоянием некоторой экзальтированности и тем впечатлением, под которым я находилась последние дни. У меня было четкое ощущение невольной сопричастности к таинству погребения Марии Федоровны на своей второй родине и соприкосновения со столь значительным историческим событием.

Почти 18 часов, вечер, но доступ в капеллу объявлен до 20 часов. Очень надеясь успеть, я почти бегу, едва замечая красоту осеннего парка. Милиционер при входе в парк пытается убедить меня, что уже поздно и не пропустят, но я все же успеваю и приближаюсь к капелле, надеясь подойти к гробу императрицы. Народ все еще прибывает: кто пешком, как я, кто на машинах. На фоне изумрудной зелени, несмотря на конец сентября, церковь святого Александра Невского стоит, словно игрушечная. Люди толпятся на ступеньках у входа, войти практически невозможно, а внутри служат панихиду. Марии Федоровне отдают последние почести на российской земле, но впереди еще прощание в Исаакиевском соборе и в Петропавловской крепости. Внешние стены капеллы украшены скульптурками людей из различных библейских сюжетов. Фигурки сочувственно глядят на меня, пока я не могу войти внутрь. Через несколько минут следую за одной маленькой девочкой, которая через другой вход находит лазейку в толпе, и мы с ней уже у входа в храм. Высоко над головой поднимаю фотокамеру, чтобы запечатлеть гроб, который покрыт желтым флагом с изображением орла, служащего панихиду священника, молящихся людей и море цветов. Затем удается войти в храм и занять место напротив алтаря. Гроб, накрытый флагом, хорошо виден. Кругом цветы, цветы и скорбные лица людей. Просто любопытствующих здесь нет. Те, кто пришел или приехал, сделали это по зову сердца и души. Есть люди, приехавшие даже издалека.

Я тихо стою, шепчу молитву и прошение об упокоении души императрицы в нашей русской земле, которая стала ей родной, но и такой горькой. Шепчу прошение о прощении нас за тех, кто убил ее близких, за то величайшее горе матери, которое пришлось вынести ее сердцу. Прошу простить меня лично. Ведь мы все связаны единой духовной и мистической нитью, через века и через расстояния.

Я несколько раз подходила к гробу императрицы, я никак не могла покинуть маленький храм, когда-то так любимый Марией Фе-

Церковь во имя св. Благоверного князя Александра Невского в Петергофе. Старинная гравюра

доровной. Именно здесь она любила молиться, видимо, ощущая в его архитектуре частицу своей далекой родины.

Затем была обратная дорога в Петербург вместе с женщиной, которая также приехала в Петергоф попрощаться с прахом императрицы. Через несколько дней моей спутнице предстояла сложная операция. Мы почти не говорили, но чувствовали и осознавали, что являемся свидетелями чудесного и важного события. Было ощущение того, что свершается то, что давно должно было произойти, что замыкается некий мистический круг.

Датская принцесса, став истинно русской императрицей по духу, по культуре, по душевному восприятию, возвратилась к своей семье, к тому народу, с которым она была почти полвека.

Казалось странным, что в вечерней электричке люди смеются, громко говорят, спорят о чем-то своем, словно ничего архиважного не происходит в это же время, словно они ничего не знают, а возможно и не осознают, современниками какого исторического события являются. Я вернулась домой, ощущая себя в чем-то другим человеком.

На следующий день я смотрела по телевизору заупокойную литургию и панихиду в Исаакиевском соборе, которую отслужил Патриарх Алексий II совместно с духовенством. По окончании трансляции я сразу поехала к Петропавловской крепости в надежде увидеть перенесение гроба. Желающих, как я, было много, но церемония проходила только для приглашенных гостей. Позже нас допустили во двор Петропавловки. Но в храм допуск в этот день был закрыт. Сказали: «Завтра, только завтра, к 17 часам, пожалуйста!» Я задумчиво бродила вокруг храма Петра и Павла, где упокоилась императрица Мария Федоровна рядом со своим мужем Александром III, а в голове неотступно звучала мысль: «свершилось, свершилось!» Фактически погребение императрицы в усыпальнице Петропавловского собора означает воссоединение Российского Царствующего Дома.

Отдавая последние царские почести Марии Федоровне, Россия приносит покаяние и примиряется со свергнутой в 1917 году царской династией Романовых. Это часть нашей с вами истории, которую нельзя отправить «в небытие» пылиться на архивных полках. Это наша с вами история, драматическая и героическая, от которой нельзя отвернуться.

Все свершившиеся события показывают, что даже после своей смерти императрица Мария Федоровна продолжила миротворческую миссию, которой придерживался ее супруг Александр III (в его правление Российская империя ни с кем не вела войн).

Вернувшись домой, я прочитала в журнале, посвященном Японии, что в 2005 году отмечалось 150-летие миссии адмирала Путятина в Японию и подписание Симодского трактата — первого российско-японского договора о дружбе и торговле. И вот любопытен еще один факт, который имеет отношение к теме нашей статьи. В 1891 году цесаревич Николай Александрович, будущий император Николай II, совершал путешествие по Японии. В небольшом городке Оцу 29 апреля цесаревич был ранен полицейским Цуда Сан Дзо, который

нанес удар саблей по голове наследнику российского престола. Именно простые японские рикши подбежали к Николаю Александровичу и скрутили нападавшего. Позже эти рикши были приглашены на борт крейсера «Память Азова», где цесаревич поблагодарил их, вручив ордена святой Анны и по 1,5 тысячи долларов каждому. Но в дополнение к этому, им была назначена пожизненная российская пенсия, в размере 500 долларов ежегодно. Особы Российского Царского Дома умели быть благодарными своим спасителям⁵. Так совершенно странным образом для меня соединились события XIX века и века XXI в нашей сегодняшней действительности. Связались между собой имена императрицы Марии Федоровны — кондуктора Константина Осиповича Каралиса — его потомка Дмитрия Николаевича Каралиса (с его дворянским происхождением по материнской линии из древнего молдавского рода Бузни). Протянулась тонкая нить между Данией, Санкт-Петербургом в России, Молдовой, Ниццей во Франции и Токио в Японии.

Да, именно там я увлеченно читала книгу Дмитрия Каралиса «Записки ретроразведчика». Именно в Токио ночными часами, под перемигивание разноцветных огней японского города, в моей голове рождалась и выстраивалась та чудесная нить, которая, надеюсь, связала описываемых мною людей через толщу веков и тысячи километров, разделяющих страны и континенты.

Возможно, это игра моего воображения, и мне все это представилось в таком свете и такой взаимосвязи. Но я верю, ничего случайного не бывает. В цепочке случайностей просматривается закономерность.

*Петропавловский собор — усыпальница
Императорского Дома Романовых*

⁵ Всемирный следопыт. 2005. № 16.

Учредители:
Андрей РЕБРОВ
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Контактные телефоны редакции:
8(911) 836-00-06
8(911) 180-45-51
8(921) 311-31-87 (В. В. Ефимовская)
8(812) 960-87-09 (Наталья Валентиновна Антонова) —
покупка, распространение, реклама

Почтовый адрес редакции (*для рукописей и писем*):
196244 п/я № 8. В. В. Ефимовской

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
<http://www.rodnaya-ladoga.ru>

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
196158, Санкт-Петербург, ул. Ленсовета, д. 81, кв. 70.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

*Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.*

Цена свободная

Корректор *Г. А. Ильина*
Дизайн обложки *Г. Ю. Алкаева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Макаровой*

Подписано в печать 01.07.2009 г. Формат 70х100 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ.л. 16,9.
Тираж 1000. Заказ .

Отпечатано в типографии ООО «СРП «Павел» ВОГ»
196620, СПб. — Павловск, ул. Коммунаров, 16.